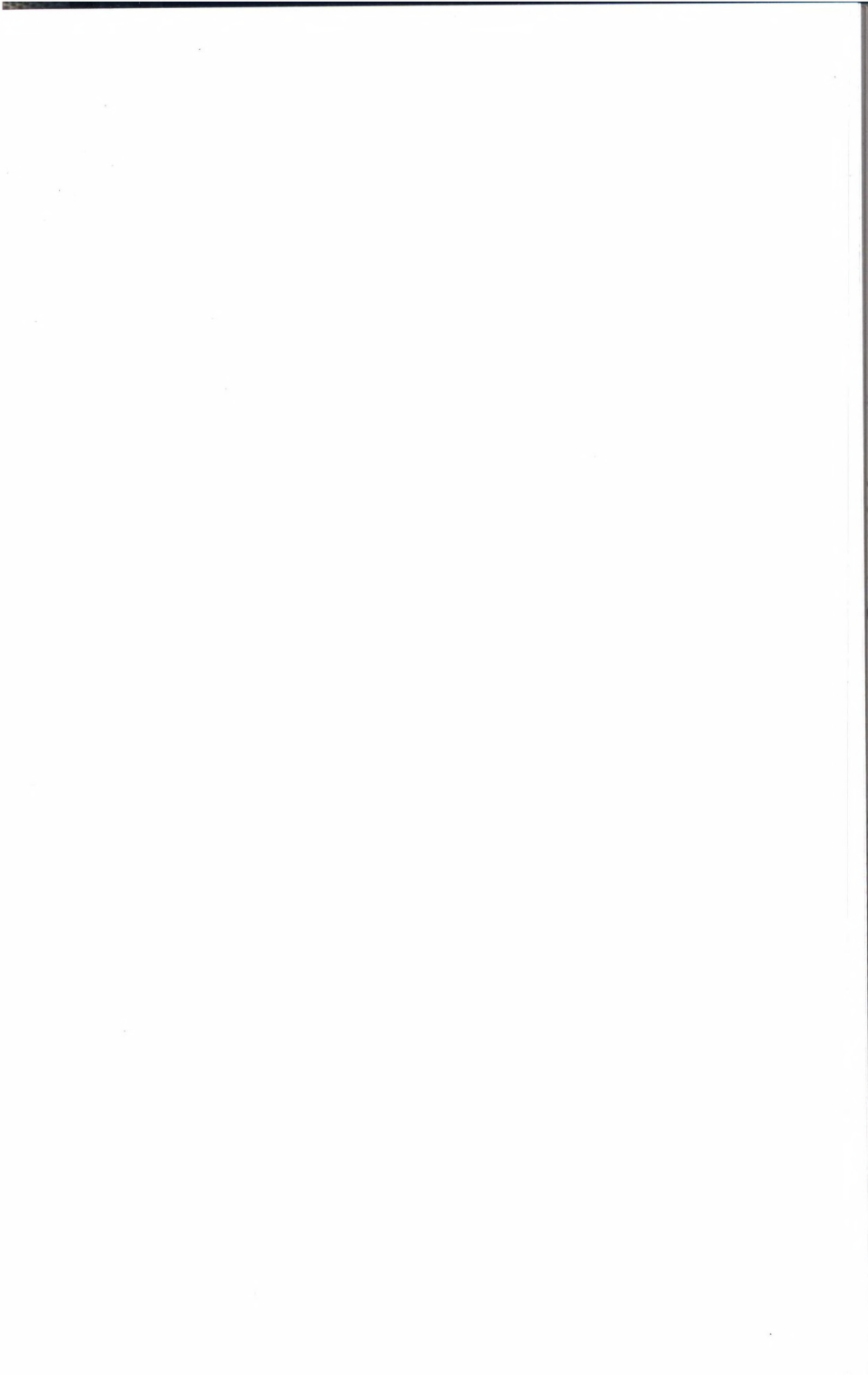

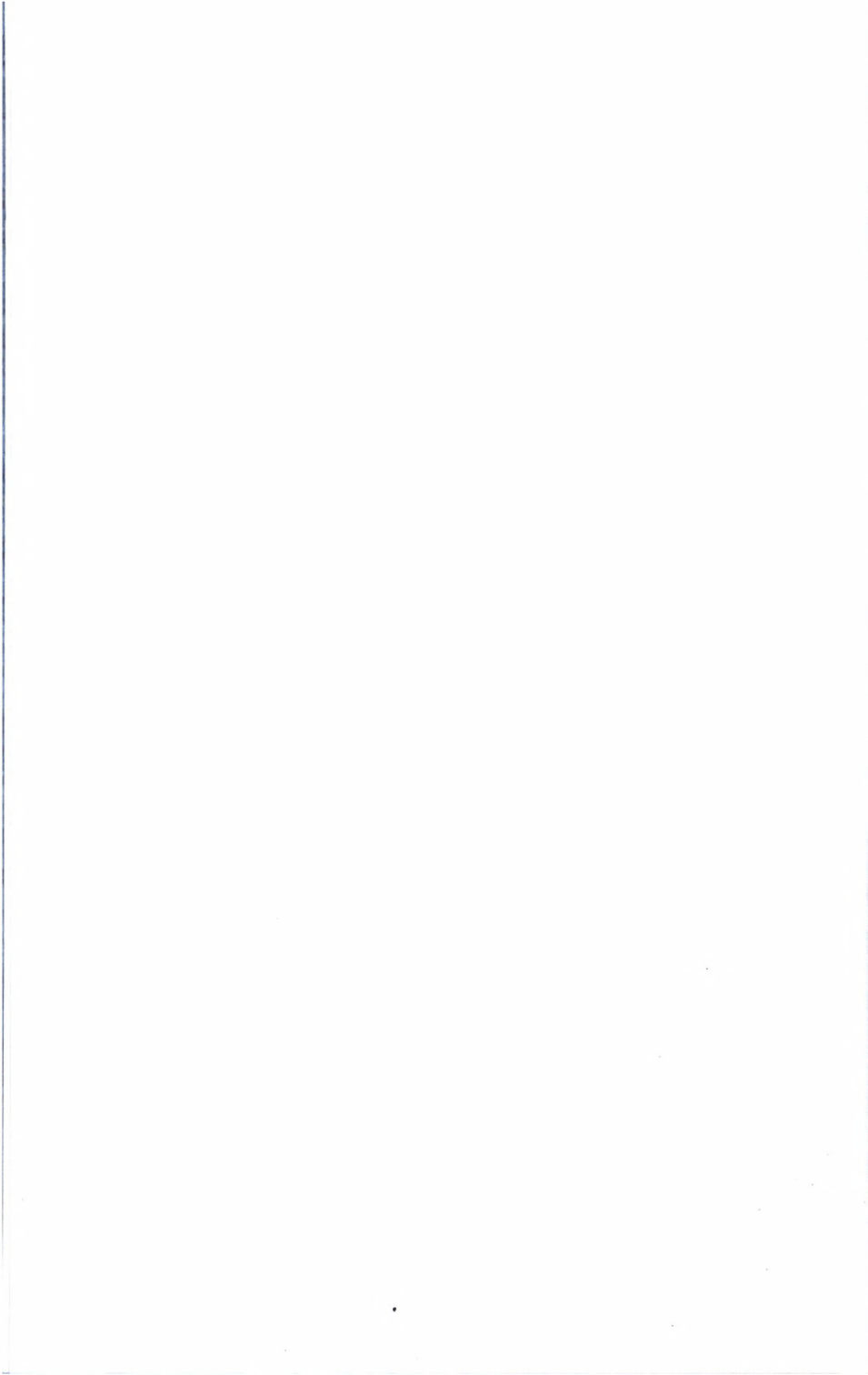
Любовь Миллер

Святая
мученица Российская
Великая княгиня
Елизавета
Феодоровна

ВО ВНИМАНИЕ

К ТРУДАМ

АВТОР КНИГИ О ВЕЛИКОЙ КНЯГИНЕ

ЕЛИСАВЕТЕ ФЕДОРОВНЕ

ЛЮБОВЬ ПЕТРОВНА МИЛЛЕР

НАГРАЖДАЕТСЯ

ОРДЕНОМ

РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГИ

III

СТЕПЕНИ

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

**г. Москва
№ 61**

23

июня 2005 г.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна в июле 1887 г.

Любовь Миллер

Святая
мученица Российская
Великая княгиня
ЕЛИЗАВЕТА
ФЕОДОРОВНА

Паломник
МОСКВА
2013 по Р.Х.

УДК 242
ББК 86.372-574
М 60

**Рекомендовано к публикации
Издательским Советом Русской Православной Церкви**

Миллер Л. П.

М 60 Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна. — М.: Паломник, 2013. — 352 с.: ил.

ISBN 978-5-88060-089-2

Первое издание книги: "ПОСЕВ", Франкфурт-на-Майне, Зап. Германия, 1988, тираж 2500 экз.

Второе издание, без разрешения и согласия на то автора: "СТОЛИЦА", Москва, 1994, тираж 18 000 экз.

Третье издание, с внесенными изменениями в тексте книги без согласия на то автора: "ЛОДЬЯ", Москва, 2001, тираж 2000 экз.

Четвертое издание, с новыми дополнениями, внесенными автором: издание Марфо-Мариинской обители Милосердия, Москва, 2002, тираж 20 000 экз., по желанию госпожи Л. П. Миллер книга "СВЯТАЯ МУЧЕНИЦА РОССИЙСКАЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА" печатается в авторской редакции без каких-либо изменений.

Пятое издание с согласия и разрешения автора: «Паломник», Москва, 2006, тираж 10 000 экз.

УДК 242
ББК 86.372-574

ISBN 978-5-88060-089-2

Все права сохранены за автором.

© Автор — Л. П. Миллер
© Паломник, 2011

Об авторе

Любовь Петровна Миллер, урожденная Бабушкина, родилась в Китае, в Маньчжурии, куда ее отец, петербуржец, прибыл из России с волной русских беженцев после Гражданской войны 1918—1922 гг. Мать Любви Миллер родом из Курска. Во время Первой мировой войны ее еще девочкой родители привезли в Маньчжурию.

Маньчжурия стала в Китае центром Русского Зарубежья. Там существовали несколько русских школ, университет, опера, балет, драматический театр. В одном только Харбине, где родилась Л. Миллер, было 25 православных храмов. Русские, проживавшие в городе, хранили православную веру, крепкие устои семьи, старые традиции и чистоту языка.

Л. Миллер окончила среднюю школу, а потом и Харбинский политехнический институт, защитив диплом инженера-экономиста.

С приходом к власти коммунистов жизнь в Китае резко изменилась к худшему. Русские вновь были вынуждены скитаться, покидая этот ставший родным край. Одни уехали в Советский Союз, на целину, другие перебрались кто в Канаду, кто в Бразилию, кто куда. Л. Миллер в 1957 году уехала в Австралию. Нелегко было начинать жизнь сначала.

Только после того, как она устроилась на работу в государственную контору, к ней смогли приехать из Харбина родители. Вскоре отец умирает от тяжелой болезни. Затем следует неудачное замужество.

В 1974 году Любовь Миллер отправляется в паломничество на Святую Землю. Там, в Гефсиманской обители, произошла незабываемая встреча с игуменией Варварой, которая рассказала о подвижнической жизни и мученической кончине Великой княгини Елизаветы Феодоровны, сестры последней Российской Императрицы. Игуменья Варвара дала

Л. Миллер брошюру архиепископа Анастасия «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» и показала место упокоения мученицы — под храмом святой Марии Магдалины в Гефсимании.

Побывав на Святой Земле и увидев, в каких тяжелых условиях живут там русские монахини, Любовь Миллер по возвращении в Австралию основала благотворительный фонд имени Великой княгини Елизаветы Феодоровны и стала собирать средства для русских православных монастырей Иерусалима, для детского приюта имени святого праведного Иоанна Кронштадтского в Чили и для других православных приходов и монастырей Русского Зарубежья.

Проникнувшись большой любовью к Елизавете Феодоровне, Л. Миллер задалась целью написать книгу о ее жизни и мученичестве. Она долго и упорно собирала материал, разыскивала личные письма Великой княгини, переводила их на русский язык...

Книга под названием «Святая мученица Российская Великая княгиня Елизавета Феодоровна» увидела свет в 1988 году, в год тысячелетия Крещения Руси. Этот труд сразу привлек внимание читателей.

Замечательная работа Любви Миллер была переведена на английский язык и уже пять раз переиздавалась в США. Сейчас готовится там шестое издание. Также книга переведена на немецкий язык, на греческий и вышла из печати в Греции в 2002 году. Книга переведена на болгарский язык и вышла из печати в Софии в 2002 году.

В 1994 году книга 18-тысячным тиражом была отпечатана в Москве издательством «Столица» без ведома и согласия автора и с изменением текста. Состоялся суд по этому делу в Пресненском межмуниципальном народном суде города Москвы, и Л. Миллер выиграла его по всем пунктам. 7 октября 1996 года суд присудил Любви Миллер солидную сумму денег, но она не получила ни одной копейки от «Столицы». Ей даже не было прислано ни одного экземпляра из выпущенных «Столицей» книг. Все полученные деньги от продажи 18 тысяч экземпляров книг Любви Миллер разошлись по нечестным

Любовь Петровна Миллер, автор книги, с двумя наградами: на груди орден св. равноапостольной Великой княгини Ольги III степени, полученный ею в июне 2005 года от Святейшего Патриарха Алексия II за ее книгу о св. Великой Княгине Елизавете, в руках — похвальная грамота от штата Виктории Австралии за ее благотворительную деятельность — помощь нашим православным монастырям в Иерусалиме, которую она совершает уже в течение 30 лет.

карманам участников этой гнусной сделки. Достоверность этого факта подтверждается личной подписью Любови Миллер —

Любовь Миллер

По полученным данным Любовью Миллер в 2005 году, на Украине, вышла ее книга о святой Великой княгине Елизавете (тираж ее неизвестен) «пиратским» путем без ее ведома и разрешения. Такие поступки должны пресекаться законом.

Л. Миллер является автором еще одного монументального труда. 17 июля 1998 года в Мельбурне вышла из печати ее книга «Царская Семья — жертва темной силы». Здесь странное и мистическое совпадение, никем не приуроченное к этому печальному дню: книга о Царской семье была выпущена в день убиения Императора Николая II и его семьи. Эта книга была переиздана репринтным изданием 2-тысячным тиражом в Москве издательством «Лодья» в 2000 году.

В 2005 году книга «Царская Семья — жертва темной силы» была переиздана с большим дополнением в Москве в 4000 экз. издательством «Великий Град».

Письма Великой княгини Елизаветы Феодоровны из Королевского архива Виндзорского дворца приводятся в книге с Высочайшего разрешения Ее Величества королевы английской Елизаветы II.

Письма из Великогерцогского Гессенского архива города Дармштадта приводятся в книге с разрешения Ее Высочества принцессы Маргариты Гессенской и Рейнской.

Перепечатывать, фотографировать или цитировать письма или цитаты из писем и других документов, опубликованных в этой книге, строго запрещается без письменного разрешения от Королевского архива Виндзорского дворца, Великогерцогского Гессенского архива города Дармштадта и Архива Broadlands, Romsey, Hampshire.

Приношу глубокую благодарность:

Ее Величеству королеве английской Елизавете II
Е. В. П. Архиепископу Сиракузскому и Троицкому Лавру
Е. В. П. Архиепископу Австралийско-Новозеландскому
Павлу

Ее Высочеству княжне Вере Константиновне

Ее Высочеству княгине Ирине Иоанновне

Ее Высочеству принцессе Гессенской Маргарите
Сэру Робину Maskworth-Young Esq, mvo, заведующему

Королевским архивом Виндзорского дворца

Профессору Е. Францу, директору Великогерцогского
Гессенского архива Дармштадта

Г-же М. Травис, заведующей Архивом Broadlands, Romsey,
Hampshire

Г-же А. Кожевниковой, научному работнику Keston College
Графине М. В. Олсуфьевой

Монахине Таисии, монастырь в Бюси, Франция

Матушке Варваре Евсюковой

Издательствам книг, цитатами которых я воспользовалась

Моей дорогой маме Лидии Людвиговне Бабушкиной

Всем, кто своим опытом и советом помог
при составлении книги

ПРЕДИСЛОВИЕ

Святая преподобномученица Великая княгиня Елизавета, причисленная к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей 1 ноября 1981 года¹ вместе со всеми мучениками и исповедниками православной веры от богоробцов мученический венец приявших, явила собой пример высокого подвижничества, большой духовности и молитвенности. Она проявила поистине сверхчеловеческую стойкость и мужество во время посланных ей Богом испытаний и страданий. Взяв на себя тяжелый крест, она пронесла его через мучительные гонения и молилась за своих палачей в страшную минуту своей смерти.

Святая мученица Великая княгиня Елизавета явилась на заре 20-го века и прошла по Русской земле как светлый луч добра и милосердия, оставив после себя неизгладимый след в истории российского подвижничества и мученичества.

Начало 20-го века — это время разлагающих идей, время начинающегося упадка нравственности, устоев государственности и семьи. В 1917 году произошло страшное, когда все силы зла устремились на бедную Россию и началось неслыханное еще в истории человечества гонение на Церковь, на Православие, на исповедников веры Христовой. Тогда потоки святой невинной крови обагрили всю Российскую землю и поднялись к Престолу Всевышнего сотни тысяч душ умученных и убиенных, которые заблистали ослепительным светом и украсили собой Царствие Небесное.

В среде таких новых мучеников яркой звездой сияет и святая мученица Великая княгиня Елизавета Феодоров-

¹ Российской Православной Церковью Великая княгиня Елизавета была причислена к лику святых в 1992 году.

на, сестра последней Императрицы Российской Александры Феодоровны.

Несмотря на то что принцесса Елизавета пришла в Россию от чужого народа, она стала настоящей русской по духу и даже более. Многие русские, спасая себя, оставили Россию, свою родину. Но она, зная хорошо, какая участь ожидает ее, осталась в России по собственной воле.

Отличаясь необыкновенной красотой, имея богатство и знатность, она рано поняла, что все это преходяще, что человек, как появляется в мир, ничего не приносит с собой, так и, уходя из него, ничего не уносит. Она поняла, что главное в жизни — это стяжание благодати Духа Святого через самоотречение, молитву и делание добрых дел для ближнего своего. Она еще с детства поняла, как кратка и непостоянна наша земная жизнь, что все те испытания, которые посылаются нам Богом в этой жизни, являются лишь подготовкой для будущей, вечной жизни. Святая Великая княгиня Елизавета всегда помнила о смерти и о том, что вся слава, почести, богатство, наряды, драгоценности — все это есть суета сует и все это рассеется как дым во время смертного часа. Только лишь одна наша верность Богу, молитвы и наши добрые дела и подвиги ради Всевышнего и ближнего нашего, только наша любовь и чистота сердца, только это одно богатство и пойдет ТУДА с нашей душой.

И святая Великая княгиня Елизавета поступила так, как заповедал нам Господь Иисус Христос в святом Евангелии:

«... если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною» (Лк. 9, 23).

«И всякий, кто оставит домы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную» (Мф. 19, 29).

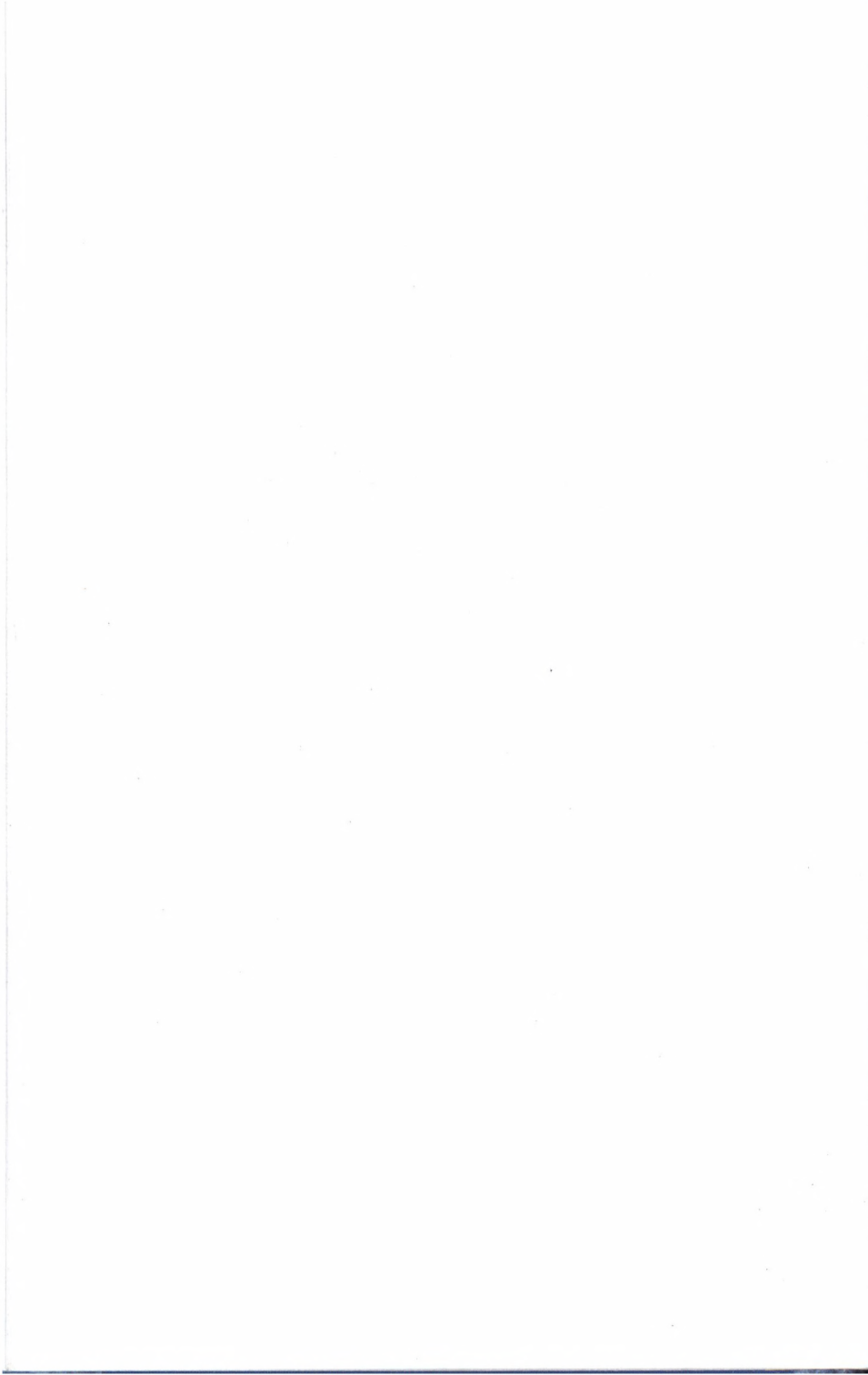
«Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною» (Мф. 19, 21).

Несмотря на все подвиги и благодеяния, которые оказала святая Великая княгиня Елизавета ближним своим, об этой

великой подвижнице и мученице было очень мало написано. Было о ней выпущено две или три книги на английском и французском языках, но, увы, русский народ ее забыл. Не было написано о ней ни одной большой книги. Лишь несколько брошюр. На русском языке о Великой княгине Елизавете есть брошюры: игумена Серафима — «Мученики христианского долга» (Пекин, 1920) и архиепископа Анастасия (будущего первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей)— «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» (Иерусалим, 1925). Посвящена Великой княгине глава в книге «Новые мученики Российские» протопресвитера М. Польского (первый том, Джорданвилль, США, 1949). Отведено место Великой княгине и в книге следователя Н. Соколова «Убийство Царской семьи». И это, кажется, все, что было о ней написано.

В своей брошюре о Великой княгине «Мученики христианского долга» (с. 12) игумен Серафим пишет: «Будет время, когда талантливые поэты воспоют в стихах ее возвышенную душу, ее светлые подвиги, не только аскетические, но любви и милосердия. Эти прекрасные, возвышенные дела ее, эта жертва, как жертва, приносимая на алтарь любви, никогда не изгладится из памяти благородного человечества, которое будет благословлять ее как великую жену любви».

Святая
мученица Российская
Великая княгиня
ЕЛИЗАВЕТА
ФЕОДОРОВНА

ГЛАВА 1

Великая княгиня Елизавета, мученица Российская, родилась 1 ноября 1864 года (20 октября по старому стилю)¹. Она была дочерью Великого герцога Гессен-Дармштадтского Людвига IV и принцессы Алисы, дочери королевы английской Виктории. В семье все ее звали Эллой.

Чтобы хорошо обрисовать характер и наклонности будущей подвижницы и мученицы, необходимо остановиться на ее детстве и той обстановке, которая окружала ее.

Австро-прусская война 1866 года сильно разорила страну. Гессен-Дармштадт был на стороне Австрии против Пруссии, и отец Елизаветы был на фронте с гессенскими войсками. Когда Пруссия выиграла, то прусские войска вошли в Дармштадт. Это было тяжелое время для принцессы Алисы, матери Елизаветы, которая только что родила свою третью дочь, Ирену.

Принцесса Алиса была умной и нежной матерью и супругой. Она все свое время уделяла заботам о своей семье и о своем народе. Она не предавалась удовольствиям, а старалась окружать себя талантливыми и образованными людьми того времени, чтобы принести как можно больше пользы своему герцогству. Она хорошо играла на рояле и часто принимала у себя музыкантов, с которыми вместе играла и вела беседы о музыке. Она также обладала и художественными способностями. Дети принцессы Алисы унаследовали от нее и музыкальные, и художественные таланты. Элла очень хорошо рисовала и обладала красивым голосом — альтым. Эрнест

¹ В 19-м веке разница между старым стилем и новым составляла 12 дней. (Старый стиль — Юлианский календарь, новый стиль — Григорианский, введенный Папой Григорием XIII в 1582 году.)

и Аликс (Александра Феодоровна) унаследовали чувство музыки. Аликс была хорошей пианисткой и исполнительницей романсов. У нее был голос меццо-сопрано.

Но не только чувство музыки и искусства вложила в своих детей принцесса Алиса. Она постаралась вложить в них и твердые основы христианства и любовь к своим ближним. Каждую субботу с большими букетами цветов дети ходили в больницу на Мауерштрассе, ставили эти цветы в вазы и разносили их по палатам больных. Они разговаривали с больными и со многими из них подружились. Таким образом, подсознательно им прививались любовь и сострадание к несчастным.

Несмотря на то что принцесса Алиса оставалась всегда англичанкой в своем сердце, она завоевала любовь народа своей новой родины. Всегда тактичная и рассудительная, она в течение своей короткой жизни основала много благотворительных учреждений. Для нее благосостояние ее герцогства всегда стояло на первом месте. Принцесса вместе со своим супругом раздала большую часть своего состояния на благотворительные нужды. Она много работала — посещала постоянно госпитали, приюты, дома для инвалидов — и этой напряженной работой сильно подорвала свое здоровье.

Когда она ездила по госпиталям, она часто брала с собой и своих старших дочерей Викторию и Елизавету.

Супруг принцессы Алисы Людвиг стал правящим Великим герцогом только в 1877 году, после смерти своего дяди, Людвига III.

У герцогской четы было семеро детей: Виктория, родившаяся в апреле 1863 года, Елизавета (Элла), род. в ноябре 1864 г., Ирена, род. в июне 1866 г., Эрнест-Людвиг, род. в ноябре 1868 г., Фридрих, род. в октябре 1870 г., Алиса (Аликс), будущая Императрица Российская Александра Феодоровна, род. в июне 1872 г., и Мария, род. в мае 1874 года.

Это была очень сплоченная и дружная семья. Но первое большое горе постигло ее, когда трехлетний Фридрих разбился насмерть, упав с окна на каменные ступени на глазах

у своей матери. От этого горя принцесса Алиса уже никогда не могла вполне оправиться. С этого времени она еще больше стала заботиться о своих детях, об их воспитании.

Дети Гессенской четы воспитывались по примеру и традиции старой Англии. Их жизнь проходила по строго установленному матерью регламенту, и мать присматривалась к наклонностям и талантам каждого ребенка и старалась прививать им качества, основанные на глубоких принципах христианства.

Детская одежда и еда были очень простыми. Три старшие дочери — Виктория, Элла и Ирена — должны были сами выполнять домашнюю работу: застилать постели, зажигать камин, убирать свои комнаты. Детские были просторными, но обставлены только самой необходимой мебелью.

У Елизаветы (Эллы) с раннего возраста проявилась любовь к природе, к цветам. Она приходила в восторг при виде букета простых полевых цветов и, будучи еще совсем маленькой, старалась изображать их на бумаге.

Принцесса Алиса брала старших дочерей, когда она ездила навещать своих родственников, и таким образом Елизавета еще с детства познакомилась со своим будущим супругом, Великим князем Сергеем Александровичем, который приезжал в Германию с матерью, Русской Императрицей Марией Александровной, супругой Императора Александра II Освободителя. Императрица Мария Александровна также происходила из Гессенского дома.

Часто ездила принцесса Елизавета с родителями и в Англию, к бабушке королеве Виктории. Они останавливались там или в Виндзорском дворце, или в Балморал, или в Осборне. Королева Виктория назначила своим внучкам гувернантку-англичанку, и принцесса Алиса ввела в собственном дворце много английского. Дети герцогской четы чувствовали себя в Англии как у себя дома.

В 1878 году страшная эпидемия дифтерита разразилась в Дармштадте, и герцогский дворец не избежал ее. Заболели дифтеритом все дети, кроме Эллы, а потом серьезно заболел и сам герцог Людвиг. Королева Виктория послала в Дарм-

штадт личного врача. Но медицина того времени не знала средств от дифтерита. Были вызваны во дворец и несколько медицинских сестер. Но герцогиня Алиса сама хотела ухаживать за своими больными детьми. Она ночами просиживала у постелей заболевших детей, переходя от одной кровати к другой. Это не могло не отразиться пагубно на ее слабом организме.

Когда от дифтерита скончалась четырехлетняя малютка Мария, то горе от потери дочери окончательно сломило здоровье герцогини. Заразившись дифтеритом, Великая герцогиня Гессенская Алиса уже не имела сил бороться с болезнью. Она умерла в возрасте 35 лет, завещав покрыть свой гроб только одним английским флагом¹.

Потеряв любимую мать, убитая горем четырнадцатилетняя принцесса Елизавета уже в том юном возрасте ставила на первое место не себя, а своих близких. В письме бабушке, королеве Виктории, она старалась утешить ее в постигшем горе — смерти дочери Алисы. Она писала там о загробном мире и о том счастье, которое обрела наконец ее мать.

Страшное горе — смерть матери и супруги — потрясло всю семью. Обе старшие сестры — Виктория и Елизавета — сразу же почувствовали всю ответственность семейного долга, которая легла на их нежные плечи. Они всеми силами старались облегчить неутешное горе отца, поддержать его, укрепить. Также они думали и о своих младших сестрах и брате. Маленькой Алисе (Аликс) тогда было только шесть лет, и она особенно нуждалась в материнской ласке. Для Виктории и Елизаветы закончилась в тот год беспечная пора детства.

Принцесса Елизавета (Элла) росла очень красивой девушкой — высокая, стройная, с прекрасными чертами лица. Ее красота соответствовала и ее духовным качествам. У нее отсутствовали всякие признаки эгоизма. Она всегда старалась доставить удовольствие и помочь другим и часто делала это в ущерб себе. Она никогда не критиковала никого стро-

¹ Countess Alexandra Olsoufieff. «H. R. H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia». John Murray, London, 1922.

го и всегда старалась найти оправдание ошибкам других. Она была жизнерадостной и отличалась тонким чувством юмора. Когда Елизавета была еще совсем маленькой, она часто улаживала все ссоры между детьми и была любимицей своих сестер и брата. Она любила природу, и особенно цветы, которые с увлечением рисовала. Бог наградил ее даром живописи, и всю свою жизнь она уделяла много времени этому своему занятию¹. Так же любила принцесса Елизавета и классическую музыку. Когда она бывала на концертах и вслушивалась в мелодию, то лицо ее становилось серьезным и вдохновенно-задумчивым.

Но одними из главных качеств ее натуры были высокая религиозность и любовь к ближним. Как говорила впоследствии сама Великая княгиня Елизавета Феодоровна, на ее мировоззрение и духовную настроенность еще с ранней юности огромное влияние имели жизнь и подвиги святой Елизаветы, в честь которой она носила свое имя. Это была Елизавета Тюрингенская, причисленная к лику святых Католической Церковью в XIII веке.

Елизавета Тюрингенская, или Венгерская (по отцу), одна из родоначальниц Гессенского дома, жила во времена Крестовых походов. Она отличалась глубоким благочестием и самоотверженной любовью к людям. Она пережила много неприятностей от своего мужа за то, что щедро жертвовала на помощь несчастным. После смерти мужа ей пришлось проводить полную лишений скитальческую жизнь, но она до конца своей жизни осталась верна своим принципам и посвятила себя служению делу милосердия.

Когда у Гессенской четы родилась дочь и они решили дать ей имя Елизаветы в честь Елизаветы Тюрингенской, то принцесса Алиса писала своей матери, королеве Виктории: «Мы любим Елизавету, потому что святая Елизавета была родоначальницей Гессенского дома так же, как и Саксонского».

¹ В Иерусалиме, в Гефсиманской обители, покойная матушка игуменья Варвара показывала паломникам очень маленькую, уже полустертую иконку Ангела-хранителя работы святой мученицы Великой княгини Елизаветы.

Великая княгиня Елизавета прониклась любовью к святой Елизавете Тюрингенской и во всем старалась подражать ей.

Когда Елизавета Феодоровна решила перейти в Православие, она оставила себе имя Елизавета, но избрала другую небесную покровительницу — святую праведную Елизавету, мать Иоанна Крестителя.

ГЛАВА 2

Королева английская Виктория очень любила своих внуков и заботилась о них, и они отвечали ей тем же.

Из писем Елизаветы королеве Виктории, которые хранятся в Королевском архиве Виндзора и приводятся здесь, видно, какой любовью к своей бабушке дышало сердце Елизаветы.

Дармштадт, 21 августа 1883 г.

Дорогая Бабушка,

...мы все вспоминаем наше счастливое пребывание с Вами, и я не могу Вас достаточно поблагодарить за всю Вашу доброту. Эрни и Аликс были в восхищении от Ваших прекрасных подарков и благодарят Вас тысячу раз за них... Надеюсь, что Вы чувствуете себя лучше.

Со всей любовью, дорогая Бабушка, Ваша послушная и любящая внучка

Элла.

Дармштадт, 29 августа 1883 г.

Дорогая Бабушка,

Вы сейчас, должно быть, уже в Шотландии, и это заставляет меня думать о том счастливом времени, проведенном там этой весной. Я получила тогда большое удовольствие... За последнее время я много писала красками. Я только что закончила веер для Шарлотты с маленькими херувимами...

С любовью от всех нас... Ваша послушная и любящая внучка

Элла.

Дармштадт, 21 декабря 1883 г.

Моя дорогая Бабушка,

Я хочу, чтобы это письмо принесло Вам мои сердечные и наилучшие пожелания к Рождеству Христову, и надеюсь, что Вам понравится наш маленький подарок — это предмет, который, я надеюсь, может быть полезным и доставит Вам удовольствие...

Ваша любящая внучка

Элла.

В письме, которое послала принцесса Елизавета королеве Виктории в день Рождества Христова в 1883 году, проскальзывает ее молитвенная настроенность, вера в загробную жизнь и раннее понятие того, что жизнь на земле — это только одни страдания:

...я Вам очень сочувствую и была очень опечалена, когда узнала, как Вы все еще сильно переживаете смерть Вашего настоящего и верного слуги. Но все же должно служить утешением для Вас то, что он теперь свободен от забот и переживаний этого мира. Пусть Господь утешит Вас и пошлет Вам более счастливый Новый год — это является горячей молитвой Вашей любящей и благодарной внучки...

В 1881 году обе сестры — принцесса Виктория и принцесса Елизавета — стали выезжать в свет. О них сразу же заговорили как о самых прекрасных невестах из всех немецких дворов. Одним из назойливых претендентов на руку принцессы Елизаветы был принц Вильгельм Прусский, будущий кайзер Вильгельм. Когда он был еще студентом в Бонне, он часто приезжал к своим родственникам в Дармштадт и тогда уже

влюбился в Эллу. Вильгельм обладал очень эгоистичной натурой и был груб. Принцесса Елизавета не выносила его. Мать Вильгельма была против того, чтобы ее сын женился на Елизавете. Причиной было близкое родство. Но Вильгельм продолжал добиваться руки своей кузины. Получив отказ, он не мог простить этого Елизавете, и, когда она вышла замуж за русского Великого князя Сергея Александровича, он даже отказался ее видеть. Он возненавидел Сергея Александровича и при любом удобном случае старался очернить его, распуская о нем разные ложные слухи и небылицы¹.

Принцесса Елизавета отдала свое сердце Великому князю Сергею Александровичу еще с ранней юности, когда он приезжал и гостил месяцами со своей матерью в Jugenheim.

Королева английская Виктория, узнав о сватовстве Великого князя Сергея Александровича, не очень была этому рада. Причиной были ее страхи из-за беспокойного внутреннего положения в России и недавнего убийства Императора Александра II. Хотя железная рука Императора Александра III и прекратила террористические акты в России, но трудно было поверить, что в течение трехлетнего правления Императора все подпольные террористические организации были подавлены. Казалось, что все это только временно притаилось до более «удобного» времени.

В Англии в то время царило настроение русофобии. По мнению англичан, война России с Турцией 1877—1878 гг. во время царствования Императора Александра II ставила себе целью утверждение русской гегемонии на Балканах. Англичане не могли понять святого чувства Императора Александра II, который предпринял эту восточную войну с Турцией под влиянием негодования всей России ввиду зверств, производимых в Болгарии турками.

Елизавета была третьей невестой Гессенского дома, которая выходила замуж за представителя дома Романовых. Первой была принцесса Вильгельмина, Великая княгиня Наталия Алексеевна, первая супруга Императора Павла I, умершая от родов. Второй гессенской невестой была принцесса

¹ Golo Mann «Erinnertes». Darmstadt, Eduard Roether Verlag, 1983.

Мария, супруга Императора Александра II, которая умерла в 1880 году. Оба этих брака не были счастливыми.

Королева Виктория мучилась сомнениями относительно помолвки своей любимой внучки Эллы с Великим князем Сергеем Александровичем, но все же дала свое согласие на брак.

Великий князь Сергей Александрович родился в 1857 году и был пятым сыном Императора Александра II. Он был высокого роста, со светлыми волосами, с тонкими чертами лица и серо-зелеными глазами. Он был высококультурным человеком с артистическими наклонностями; очень любил чтение и музыку. Природная застенчивость заставляла его быть сдержанным с окружающими его людьми, и это создало вокруг него ореол холодного и неприступного человека. Но он не был таковым. Не афишируясь, он очень многим помогал. Сергей Александрович был бескомпромиссным, глубоко убежденным монархистом. Консерваторы считали его политику слишком либеральной, а либералы — что он препятствует их стремлениям к реформам. Сергей Александрович отличался глубокой религиозностью, как и большинство членов дома Романовых.

В марте 1884 года Великий князь приезжал к своей невесте в Дармштадт, и королева Виктория написала ему любезное письмо, за которое принцесса Елизавета благодарила свою бабушку:

...это такое счастье знать, что Вы заботитесь о нас, как о своих собственных детях. Мы всегда чувствовали Вашу доброту к нам. Если бы была жива сейчас дорогая Мама, как было бы ей приятно видеть Ваше доброе отношение к нам... Сергей останется еще, я думаю, на неделю. Он был очень доволен Вашим ласковым письмом...

15 марта 1884 года принцесса Елизавета писала королеве Виктории:

...я так рада, что Вы увидите Сергея, когда Вы приедете в следующем месяце, *и надеюсь*, что он произведет на Вас приятное впечатление. Все, кто его знает, любят его и говорят, что у него правдивый и благородный характер...

Елизавета-Элла уезжала в далекую Россию и расставалась со своими любимыми родными. Ее письма незадолго до свадьбы, а также и потом, уже из России, дышат грустью и заботой о своих близких. В том же письме королеве Виктории от 15 марта в ответ на приглашение бабушки приехать в Англию она пишет:

...Вы были так добры написать, что Вы хотели, чтобы я приехала Вас проведать в этом году. Это меня так радует. Но могу ли я приехать, когда Виктория находится в Jugenheim... ведь Папа будет чувствовать себя очень одиноким... Вы также поймете, что оставить его будет мне *очень грустно* и также и проститься с Вами, но *мне так хочется* видеть всех вас в дорогой Англии еще раз перед моей свадьбой, которая, вероятно, будет в середине июня, так как погода тогда там обычно хорошая...

В мае Елизавета ездила в Россию, чтобы познакомиться с будущими родственниками со стороны жениха. Из Петергофа она писала королеве Виктории:

9 мая 1884 г.

Моя дорогая Бабушка,

...я рада сообщить, что наше путешествие совсем не было утомительным, и сегодня, хотя я и вернулась после визитов, я чувствую себя вполне свежей. Вся семья так добра к нам, и мое расставание поэтому будет чуть менее тяжелым, хотя приходят моменты, когда я чувствую большую грусть. Этими днями у нас будет только семейный завтрак, а выезды —

вечерами, когда еще вполне светло. В субботу будет торжественный въезд, и мы останемся на ночь в Петербурге. Я думаю, что свадьба будет в 12 часов дня на следующий день.

Ваша послушная и любящая...

Элла.

Принцесса Елизавета, зная, какое высокое положение ожидает ее в новой стране, России, мечтала остаться скромной и простой. Об этом она писала королеве Виктории:

Дармштадт, 24 мая 1884 г.

Моя дорогая Бабушка,

...я надеюсь, что, когда Вы меня увидите опять, Вы не найдете во мне никакой перемены в моем характере к худшему, так как я хочу быть простой в манерах и быть такой хорошей, какой желала бы меня видеть Мама...

Ваша любящая и благодарная внучка

Элла.

Вся герцогская семья сопровождала принцессу Елизавету на ее свадьбу в Россию. Ехала также туда и ее двенадцатилетняя сестра Аликс, которая и встретила там своего будущего супруга, Цесаревича Николая Александровича.

Путешествие Елизаветы, когда она пересекла русскую границу, было обставлено с исключительной роскошью — ее встречали так, как могла тогда встречать только Россия. Ее жених, Великий князь Сергей Александрович, зная, как она любила цветы, украсил все ее вагоны душистыми цветами исключительно белого цвета. На каждой остановке поезд встречали толпы народа во главе с духовенством и представителями власти. Все восхищались ее красотой, ее грацией и прелестной улыбкой.

Принцесса Елизавета везла в Россию не только драгоценности, которыми щедро одарили ее родственники, но и самое

ценное — свое сердце, полное любви к ближним и жалости к обездоленным.

Торжественный въезд в Петербург принцессы Елизаветы из Петергофа состоялся накануне ее свадьбы. Она ехала в красивой золоченой карете Императрицы Екатерины Великой, которую везли шесть белых лошадей с форейторами в золотых ливреях. В карете с ней сидела Императрица Мария Феодоровна, супруга Императора Александра III. За главной каретой следовали другие, с членами семьи дома Романовых и гостями. Процессия двигалась медленно. Окна и двери домов по пути ее следования были украшены флагами и зеленью. Громадные толпы народа восторженными криками приветствовали принцессу Елизавету.

Так Россия встречала невесту брата Государя.

ГЛАВА 3

Принцесса Гессенская Елизавета, привыкшая с детства к скромному образу жизни, была поражена пышностью встречи в ее честь.

В Зимнем дворце ей была приготовлена огромная спальня с большими окнами, за которыми раскрывалась прекрасная панорама. Сегодня она еще принцесса небольшого герцогства, а завтра она станет уже Великой княгиней, родственницей Самодержца необъятной державы Российской. О чем думала в эту ночь Елизавета и о чем она молилась — одному Богу известно. Вероятно, она и страшилась будущего, и просила у Господа сил и вразумления, чтобы идти по прямому и правильному пути христианки и чтобы в своем высоком звании — русской Великой княгини — хорошо послужить своему новому отечеству и народу.

Одевание царственных невест к венцу при русском дворе шло по строго установленному церемониалу. Уже рано утром принцессу Елизавету посадили перед зеркалом Императрицы Анны Иоанновны. Придворный парикмахер делал ей локоны, которые спускались по плечам, а Императрица Мария Феодоровна помогала ему, подавая шпильки, гребни и прикрепляя бриллиантовую диадему и великокняжескую маленькую корону. Бриллиантовые диадема, корона, ожерелье и серьги соответствовали одно другим. Они когда-то принадлежали Императрице Екатерине II и надевались на каждую невесту Великих князей дома Романовых. Серьги были до того тяжелые, что их прикрепляли к ушам невесты золотой проволокой, что, конечно, было мало приятным для невесты. В ее туфлю вкладывалась золотая монета — «на счастье».

Императрица справила полное приданое невесте, и ей не приходилось самой выбирать себе свадебное платье. Венчальный наряд принцессы Елизаветы, как и всех царственных невест, был сделан из серебряной парчи в русском стиле, с большим декольте и длинными разрезными рукавами. Под конец на невесту надели цвета бордо мантию со шлейфом, отороченную горностаевым мехом.

Принцесса Елизавета в этом подвенечном наряде выглядела ослепительно прекрасной, и, по мнению одной из присутствовавших там дам, она была самой красивой невестой, которая когда-либо венчалась в придворном храме.

В церкви Большого дворца состоялось венчание по православному обряду, а после него — и по протестантскому в одной из гостиных дворца. (Принцессе Елизавете, выходя замуж за русского Великого князя, не требовалось переходить в Православие, и она пока оставалась протестанткой.)

После бракосочетания состоялся пышный банкет, а потом молодые поехали во дворец жениха, расположенный на Невском проспекте, напротив Аничкового дворца, и были там встречены Императором Александром III и Императрицей Марией Феодоровной, по русскому обычаю, хлебом и солью.

На следующий день во дворец прибыли представители иностранных государств, чтобы поздравить молодую пару, и Великая княгиня Елизавета Феодоровна уже могла сказать несколько слов на русском языке китайскому дипломату, который, кроме своего родного, говорил только по-русски¹.

После свадьбы новая княгиня писала своей бабушке, королеве Виктории:

Петергоф, 13 июня 1884 г.

Моя дорогая Бабушка,

Разрешите мне теперь сердечно поблагодарить Вас за Ваши чудесные подарки, которые доставили большое удовольствие Сергею и мне. Мы выражаем

¹ Из бумаг архива Broadlands, Romsey, England.

Вам самую глубокую благодарность. Я еще не видела сервиз, но горю желанием полюбоваться на красивый фарфор... Я постепенно начинаю знакомиться с разными новыми родственниками, но их так много, что это очень нелегко...

16 июня

У меня не было времени окончить это письмо, и поэтому я заканчиваю его сейчас из нашего дома. Торжественный въезд прошел очень хорошо, этому сопутствовала прекрасная погода, и я совсем не была усталой после свадьбы. Завтра мы принимаем всех дипломатов... В среду будет обед для шаферов свадьбы, которые были: со стороны Сергея — Алексей, Павел, Ники и Дмитрий (второй сын дяди Константина). У меня были Эрни, Михаил и Георгий (второй и третий сыновья дяди Михаила), а также и Петр (второй сын дяди Николая). Вечером мы поедем в Петергоф, но вернемся обратно, прежде чем поедем в Москву в воскресенье. Я думаю, что мы там пробудем, по всей вероятности, три дня и потом поедем в Ильинское, где останемся до середины июля.

С нежной любовью от Ваших преданных и благодарных внуков

Сергей и Элла.

Молодые не поехали проводить свой медовый месяц за границу, как это многие им советовали, но предпочли поехать в имение Великого князя Сергея Александровича — Ильинское. Это имение стало любимым местопребыванием Елизаветы Феодоровны, и поэтому ему стоит уделить немного внимания.

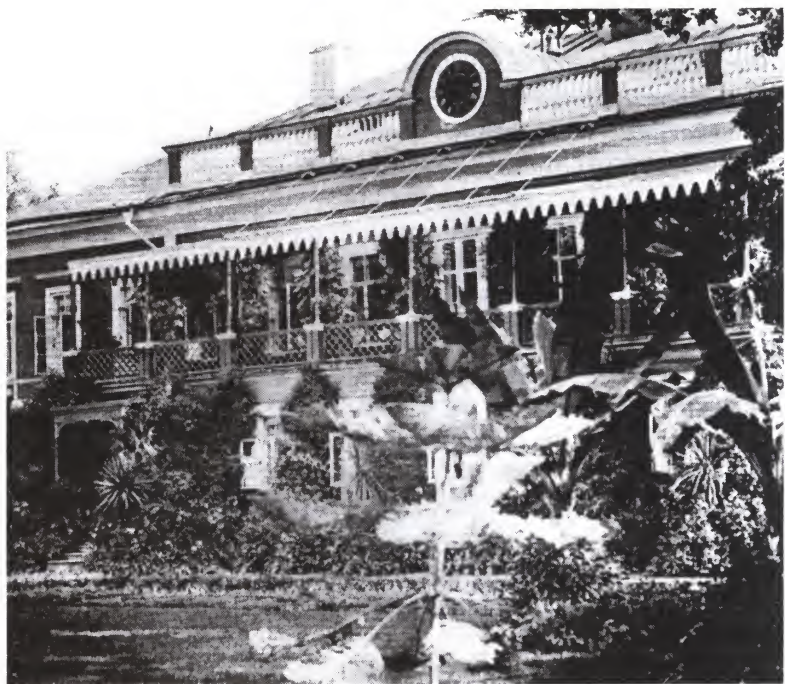
Ильинское — имение, которое Сергей Александрович получил в наследство от своей матери, Императрицы Марии Александровны, — ничем не напоминало собой богатые поместья аристократии того времени. Расположенное в шестидесяти километрах от Москвы, оно выходило к Москве-реке.

От железнодорожной станции Одинцово туда обычно ехали на тройке, которой управлял великокняжеский кучер. Уже на станции Одинцово чувствовался особый воздух, напоенный ароматом леса и полевых цветов. Покой и тишина разливались вокруг, нарушаемые только пением птиц. Тройка с бубенчиком быстро проезжала станцию, за ней — деревню и неслась по прямой песчаной дороге мимо тучных безграничных полей пшеницы. Теплый ветер ласкал лицо, и нива переливалась волнами, как речная зыбь. Затем пробежал хвойный лес, а за ним уже расстился обширный луг, где в низине реки виднелся дом Ильинского, окруженный деревьями. В конце луга расположилась деревня, а рядом — трактир. Слева, выделяясь на общем фоне, стояла старинная церковь с зеленой крышей и куполом, а сзади был въезд в усадьбу Ильинского. От ворот вела аллея высоких липовых деревьев в два ряда, а в конце стоял простой деревянный двухэтажный дом. То была настоящая русская усадьба, какие встречались тогда по всей России¹.

¹ Я (Л. М. — *Примеч. ред.*) была в Москве в июне 1990 года. Поехав в Ильинское, вот что я увидела: Ильинское огорожено высокой каменной стеной, над которой возвышается купол храма, требующего ремонта. Рядом с воротами — здание сторожки. Позвонили. Открыл неприятного вида человек: широкое лицо, узкие хитрые глазки. За его спиной стоял охранник. На вопрос, можно ли осмотреть имение Ильинское, ответил: «Ничего здесь нет. Все снесли. Входить нельзя».

Недалеко от Ильинского встретился православный священник. Он рассказал следующее. После революции в Ильинском жил некоторое время Ленин. (Какая пародия! С его санкции была лишена жизни Великая княгиня Елизавета Феодоровна, и он же разместился в ее имении!) Впоследствии дом Ильинского сгорел дотла. В настоящее время Ильинское передано американцам, которые намереваются восстановить там дом и устроить в нем свой клуб. Верующие окрестных поселений обратились с просьбой к «хозяевам»-американцам открыть храм Ильинского, чтобы совершать в нем богослужения. Американцы согласились. Местные власти тоже дали согласие, но власти Москвы пока открыть храм не разрешают.

В свой приезд в Москву в июле 2001 года я опять направилась в Ильинское. Теперь там храм восстановлен, окрашен в желтый цвет и открыт для регулярных богослужений. Храм обнесен оградой, за которой вдали виднеется вновь отстроенное здание на месте сгоревшего

Великокняжеский дом в имении Ильинское

Мраморный бюст Великой княгини Елизаветы Феодоровны, работы знаменитого русского скульптора Марка Антокольского. Находится в замке Дармштадта

По дороге в Ильинское Великая княгиня Елизавета Феодоровна с Сергеем Александровичем остановились на несколько дней в Москве.

Москва, Первопрестольная столица, сердце старой Руси, очаровала Елизавету Феодоровну своим чисто русским бытом и патриархальностью устоев. Сотни старинных храмов, монастырей, колокольный звон; посещение Троице-Сергиевой лавры — все это казалось таинственным и прекрасным и притягивало Елизавету Феодоровну.

Она везде следовала за своим мужем и простаивала длинные церковные службы. Сергей Александрович был глубоко религиозным человеком. Когда он становился на колени перед иконами или прикладывался, то она, будучи протестанткой, не знала, как ей поступать. Однако, желая показать свое уважение к святыням, Елизавета Феодоровна приседала в реверансах перед иконами, а при целовании креста подходила к священнику и по примеру своего мужа целовала и крест и руку священника.

В письме своей бабушке она писала:

Москва, Кремль, 25 июня 1884 года

Моя дорогая Бабушка,

...я очень чувствую разлуку с родными, особенно с дорогим Папой, письма которого такие печальные... Он чувствует себя ужасно одиноким...

Я должна сейчас постараться изложить Вам некоторые детали нашего пребывания здесь, которое заканчивается завтра, так как мы едем в Ильинское... Я наслаждаюсь здесь всеми достопримечательностями, но пожить в деревне... будет очень приятно. Я совсем не чувствую себя усталой... В тот день, когда мы приехали сюда, мы осмотрели разные замечательные церкви и дворец с залами, где происходили торжества коронации. На следующий день, вчера,

дома Ильинского. Осмотреть это новое здание мне охрана не позволила, но завершила, что там теперь нет никаких американских «хозяев», а дом занят каким-то коммерческим русским предприятием.

мы поехали в Троице-Сергиеву лавру и посетили разные другие церкви там. Они такие изумительные, и некоторые построены в 14-м веке. Конечно, там были священные изображения, но, когда Сергей становился на колени и прикладывался к ним, я делала очень низкие реверансы так, чтобы не очень шокировать людей, и я не думаю, что я зашла этим слишком далеко. Я только целовала крест, когда его протягивали мне, и, так как здесь принято целовать руку священнику... я это делаю. Это является жестом вежливости... Этот город такой красивый и чудесный, что я горю желанием зарисовать разные замечательные храмы. Но, конечно, для этого нет времени. Я должна сделать несколько фотографий, и, когда я увижу Вас, я смогу их Вам объяснить...

С большой любовью... от Вашей любящей внучки
Элла.

Прибывшие в Ильинское Елизавета Феодоровна и Сергей Александрович вели простую деревенскую жизнь и старались строгие правила двора свести до минимума. Они катались на лодке по реке, гуляли по полям и лесу, собирали цветы и ягоды. Природа того края России с огромными лугами, безграничными далями горизонта, хвойным лесом и белыми березами в саду Ильинского привлекала к себе сердце Великой княгини все более и более. Она старательно занималась русским языком и каждый день брала уроки по полтора часа. Она хотела скорее вполне овладеть этим языком, чтобы стать ближе к народу новой своей страны, которую она уже успела полюбить.

Одним из занятий великокняжеской четы было чтение. Сергей Александрович читал вслух, а Елизавета Феодоровна в это время или вышивала, или делала зарисовки пейзажей.

В архиве Гессенского дома в Дармштадте сохранилось несколько писем Великой княгини Елизаветы своему брату Эрнесту, которые она написала ему из Ильинского во время своего медового месяца:

Ильинское, 6 июля 1884 г.

Дорогой мальчик,

...здесь нет холмов, но мы занимаемся греблей и получаем большое удовольствие. Я изучаю русский язык и каждый день беру уроки по полтора часа. Это очень интересно, так как я начинаю понимать немного слов уже, когда говорят другие; комнаты здесь очень уютные, но замечательно красивы балконы...

Твоя любящая сестра

Элла.

Ильинское, 11 июля 1884 г.

Мой дорогой мальчик,

Сергей и я долго гуляли по полям и собрали много цветов, главным образом васильков... Сергей нашел спрятанное под травой гнездо с четырьмя хорошенькими маленькими птичками. Там повсюду очень много клубники, но она еще не совсем зрелая...

Твоя любящая сестра

Элла.

А королеве Виктории она писала из Ильинского:

Ильинское, 3 июля 1884 г.

Моя дорогая Бабушка!

От всего сердца я благодарю Вас за Ваше любящее письмо, такое нежное и доброжелательное. Пусть Господь покажет мне путь, как всегда делать хорошее тем, кого я люблю, и как держаться правильного пути, и чтобы быть такой хорошей и простой, какой Вы и Мама желали бы.

...Ваша благодарная и любящая внучка

Элла.

Великая княгиня стала обходить жилища окрестных крестьян и знакомиться с их жизнью. Она была поражена неприглядной картиной русской деревни.

Е. М. Алмединген в своей книге «An Unbroken Unity» пишет, что деревянные хаты крестьян говорили ей о такой бедности, о которой она не имела и представления, что такая существует на свете. При деревне были школа и медицинский пункт, который обслуживался неквалифицированным фельдшером. Доктор приезжал раз в две недели. В целом районе не было акушерки, и родившиеся младенцы часто умирали.

Когда Елизавета Феодоровна рассказала о своем впечатлении мужу, то он вполне согласился с ней, что жизнь крестьян нелегкая, но выразил свое мнение, что главной виной тяжелой жизни крестьян является алкоголь.

По просьбе своей супруги Сергей Александрович немедленно выписал опытную акушерку для постоянного обслуживания крестьянок этого округа¹.

Едва начав свою замужнюю жизнь, полная счастья, совсем юная, девятнадцатилетняя Великая княгиня Елизавета уже начала творить дела милосердия. Невольно задумываясь, нашлась ли бы другая такая среди молодых богатых и знатных женщин, которая во время своего медового месяца стала бы думать о том, как облегчить трудное положение других людей.

В августе новобрачные должны были ехать обратно в столицу, а оттуда в Красное Село, где происходили маневры войск и присутствие Великого князя Сергея Александровича было необходимо. Великая княгиня же успела полюбить Ильинское, и ей хотелось скорее вернуться туда. В своем письме королеве Виктории от 6 августа 1884 года из Петергофа она писала:

¹ Позднее Сергей Александрович построил в Ильинском небольшую родильную больницу для женщин окрестных деревень. В этой же больнице часто совершалось и крещение новорожденных детей, и воспитателями бесчисленных крестьянских младенцев были Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна.

Моя дорогая Бабушка,

...вот мы и опять здесь и останемся на некоторое время. На следующей неделе мы все едем в Красное, где состоится смотр войска и маневры, а затем празднество полка Сергея, и после этого мы возвращаемся в Ильинское. Я рада этому... Я надеюсь, что Павел¹ обязательно приедет. Ему так нравится это место, и он такой приятный, с такими хорошими манерами.

Погода здесь очень переменчива, постоянно идет дождь, но иногда тепло и приятно. Я начинаю немного понимать по-русски, и у нас уже хороший план для Ильинского: дама, которая дает мне уроки, говорит другим, какие последние слова я учила, и они употребляют их в разговоре, и таким образом я понимаю, о чем они говорят...

С большой любовью к Вам, дорогая Бабушка,
Ваша любящая внучка

Элла.

По возвращении в Ильинское был отпразднован день святой праведной Елизаветы, день Ангела Великой княгини Елизаветы Феодоровны, хотя она еще была и протестанткой. Молебен в церкви, торжественный обед, и, конечно, подарки получила Великая княгиня от своего супруга и новых родственников. Она об этом упоминает в одном из своих писем брату Эрнесту: «...вечером были прекрасные танцы, так как это был день Елизаветы и мой день Ангела. Я расскажу Аликс², какие подарки я получила...»

В день своих именин Елизавета Феодоровна устроила и угощение для крестьян. На зеленой лужайке были расставлены столы с закусками и печеньем, и тут Великая княгиня познакомилась с народными пением и плясками, которыми ее отблагодарили гости, и тогда она уже почувствовала, что сроднилась с русским народом, и ей захотелось навсегда остаться в Ильинском.

¹ Павел — младший брат Великого князя Сергея Александровича.

² Аликс — младшая сестра Елизаветы Феодоровны.

Время отпуска Великого князя Сергея Александровича подходило к концу, и молодым необходимо было вернуться в Петербург.

Высший свет столицы горел желанием лучше узнать новую родственницу Государя. Последовали бесконечные приглашения и приемы, на которые великокняжеской чете также приходилось отвечать, устраивая обеды и балы у себя в доме.

Великая княгиня Елизавета сразу же завоевала сердца всех своей чарующей улыбкой, простотой в обращении, сердечностью. Она везде была в центре внимания, ею восхищались. Она обладала и чувством тонкого юмора, и могла заразительно смеяться. Вокруг Елизаветы Феодоровны образовывалась атмосфера легкости и непринужденности. Как писал о ней ее брат Эрнест, она умела с большим юмором передавать разные случаи из своей жизни. Мужчины ею восторгались, но некоторые дамы завидовали такому ее успеху. Однако Великая княгиня по своей сердечной простоте, доброжелательности к людям и искренности пока этого не замечала. Все ей виделось в розовом свете, и она восхищалась всем и полюбила всех.

Столица Петербург с его роскошными зданиями, архитектурой, памятниками рекой очаровала ее. Эта северная российская столица стала ее домом.

Елизавета Феодоровна хорошо танцевала и, имея прекрасный вкус, любила хорошо одеваться. Ее брат Эрнест, упоминая о ней, говорил, что одевалась она со вкусом не столько из чувства кокетства, сколько потому, что это отвечало ее эстетическим наклонностям¹.

Великая княгиня Елизавета была удивительно хороша собой. В те времена в Европе говорили, что есть в мире только две красавицы, и обе — Елизаветы, это Елизавета Австрийская, супруга императора Франца-Иосифа, и Елизавета Феодоровна.

Воспитанница Великой княгини Елизаветы, дочь брата Сергея Александровича — Павла, Великая княгиня Мария Павловна в своей книге «Education of a Princess» на с. 19 писа-

¹ Golo Mann «Erinnertes».

ла: «... тетя Элла была... одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречала в моей жизни. Она была высокой, тонкой, со светлыми волосами, с чертами лица исключительной красоты и изящества. Ее глаза были серо-голубого цвета...» (пер. с англ.)¹.

Морис Палеолог, последний посол Франции при дворе Романовых, в книге «Aux portes du jugement dernier» писал о Елизавете Феодоровне: «... она была высокой, стройной, со светлыми глазами, с нежным очертанием рта... Ее разговор показывал ум...» (пер. с фр.)².

Великий князь Гавриил Константинович в книге «В Мраморном дворце» (с. 48) писал о Великой княгине Елизавете: «Тетя была поразительно красива и очень изящно одевалась»³.

Великий князь Александр Михайлович в своих мемуарах, в «Книге воспоминаний» (с. 137) писал о ней: «Редкая красота, замечательный ум, тонкий юмор, ангельское терпение, благородное сердце — таковы были добродетели этой удивительной женщины... Проведя вечер в ее обществе и вспоминая ее глаза, цвет лица, смех, ее способность создавать вокруг себя уют, мы приходили в отчаяние при мысли о ее близкой помолвке...»⁴

Великий герцог Эрнест Людвиг, брат Великой княгини Елизаветы Феодоровны, также говорил, что его сестра была самая красивая женщина, которая когда-либо существовала⁵.

¹ «Education of a Princess» by Marie, Grand Duchess. New York, Viking Press, 1931.

² Предисловие к книге Maurice Paleologue «Aux portes du jugement dernier», Elisabeth-Feodorowna, Grande-Duchesse de Russie. Paris, Librairie Plon, 1940.

³ Великий князь Гавриил Константинович. «В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи». Нью-Йорк, Издательство имени Чехова, 1955.

⁴ Великий князь Александр Михайлович. «Книга воспоминаний». Париж. Издательство «Лев».

⁵ См. Golo Mann «Erinnertes», Eduard Roether Verlag, Darmstadt, 1983.

Художник Каульбах писал ее портрет в 1892 году. Он сделал семь эскизов ее головы в натуральную величину, но ни один из этих набросков не имел сходства с Великой княгиней. Каульбах пришел в отчаяние и сказал, что это самое трудное, над чем он когда-либо работал, и что художники не могут передать на полотне совершенства. Самый лучший портрет Елизаветы Феодоровны, который удалось написать Каульбаху, был тот, который он писал не с натуры, а по памяти.

Великую княгиню Елизавету пытались писать и другие известные художники, но ни один из этих портретов не передал настоящего сходства с ней.

В замке Вольфсгартен, недалеко от Дармштадта, находится бюст Елизаветы Феодоровны, сделанный из белого мрамора знаменитым русским скульптором М. Антокольским. Этот бюст поражает своей неземной, одухотворенной красотой.

Великий князь Константин Константинович, известный поэт, посвятил Елизавете Феодоровне стихотворение, которое написал в Ильинском в 1884 году:

Я на тебя гляжу, люблюсь ежечасно:
Ты так невыразимо хороша!
О, верно под такой наружностью прекрасной
Такая же прекрасная душа!
Какой-то кротости и грусти сокровенной
В твоих очах таится глубина;
Как ангел, ты тиха, чиста и совершенна;
Как женщина, стыдлива и нежна.
Пусть на земле ничто средь зол и скорби многих
Твою не запятнает чистоту.
И всякий, увидав тебя, прославит Бога,
Создавшего такую красоту!

К. Р.

(Константин Романов)

Елизавета Феодоровна не была фотогеничной. Она сама это знала и говорила, что редко выходит хорошо на фотографиях. Ни один портрет в красках и ни одна фотография не передали действительной красоты Великой княгини.

ни. Возможно, что художник Каульбах был прав, когда он воскликнул, что совершенная красота недоступна кисти художника.

По письмам Великой княгини Елизаветы своей бабушке, королеве Виктории, можно проследить, как Елизавета Феодоровна хотела выполнить желание королевы — иметь ее портрет после замужества. В своем письме от 13 июня 1884 года она писала: «...я говорила ему (Сергею. — *Авт.*) о картине, и он хочет, чтобы это было сделано...» В марте следующего года Великая княгиня сообщает королеве Виктории, что с нее скоро начнут писать портрет и просит бабушку написать, в каком виде и какого размера она хотела бы его иметь. В октябре Елизавета Феодоровна писала:

...мой портрет начали писать, и я думаю, что он будет очень удачным. Сергей и я надеемся, что он Вам понравится, и мы пошлем его Вам как подарок к Рождеству и ко дню Рождения. Возможно, что Вам будет интересно знать, как меня пишат — платье из бледно-розового газа, много кружев, немного открытое — так, чтобы была видна шея, и рукава не очень длинные. Я держу открытый зонтик в одной руке и в другой — большую белую соломенную шляпу с цветами, перевязанную розовой лентой. Все выглядит так, как будто я гуляла в саду...

Этот восхитительный портрет-картина к сроку не был выполнен. Из-за неудовлетворительного сходства с Великой княгиней он переделывался несколько раз, и из дальнейшей переписки Елизаветы Феодоровны остается неизвестным, был ли этот портрет вообще закончен.

ГЛАВА 4

Император Александр III, или Саша, как его называли Елизавета Феодоровна и его супруга Императрица Мария Феодоровна — Минни, с большой лаской и любовью приняли новую родственницу в свою семью. Елизавета Феодоровна, которая оставила своего отца, сестер и брата в далеком Дармштадте, так нуждалась теперь в крепкой дружной семье, в родственных чувствах. Она очень оценила теплое отношение к себе со стороны Императора и Императрицы и привязалась к ним всей душой.

Император Александр III с супругой были очень простыми в своих вкусах и не любили блеска и пышности. Они большую часть своего времени проводили в скромном дворце в Гатчине, расположенном около 12 километров от Петербурга.

Нижеприведенные некоторые письма Великой княгини Елизаветы Феодоровны королеве Виктории и брату Эрнесту дают характеристику той уютной домашней жизни, которая существовала при дворе Императора Александра III, а также и показывают отношение Императорской четы к Великой княгине:

Гатчина, 6 ноября 1884 г.

Моя дорогая Бабушка,

...с вечера вторника мы находимся здесь, в этом красивом месте, и Минни так же добра ко мне, как и все; также и тетя Алиса — во многих вещах, даже в том, что она обставила здесь комнаты так, что я почти могу вообразить, что нахожусь в Англии... Но я надеюсь, что в следующем году Вы позволите нам иметь удовольствие видеть Вас. Сергей тоже

очень хочет немного узнать о стране, где я провела так много счастливых дней...

Благодарю Вас... и остаюсь всегда Ваша любящая внучка...

Элла.

Гатчина, 10 ноября 1884 г.

Дорогой Эрни,

...Минни сейчас рисует здесь, в нашей комнате, а маленький Миша¹ старается копировать домики, которые я показала ему, как делать. Они такие же, какие мы всегда раньше делали...

Тысяча поцелуев от твоей любящей сестры

Элла.

Гатчина, 21 ноября 1884 г.

Моя дорогая Бабушка,

Может быть, Вы захотите узнать о нашем пребывании в Гатчине, где я так хорошо провожу время. Саша и Минни оба такие добрые, и я провожу все послеобеденное время с Минни. Утром мне дают уроки русского языка, потом, после завтрака, Императрица приходит ко мне, и мы вместе пишем красками, потом выходим вместе, а после чая Император читает — таким образом, время проходит очень приятно. Иногда после обеда мы все остаемся вместе — или пишем, или читаем. В те дни, когда у меня нет уроков, я занимаюсь тем же самым и по утрам... На этой неделе два раза устраивались полковые торжества... Мы останемся здесь, вероятно, еще на неделю и потом вернемся в город.

С нашей самой нежной любовью...

Ваша любящая внучка Элла.

¹ Младший сын Императора Александра III.

Первое Рождество Христово, которое особо торжественно празднуется как в Англии, так и в Германии, Великая княгиня Елизавета проводила вне своего родного дома в Дармштадте. Конечно, в эти дни праздников она особенно чувствовала разлуку со своими родными. Из Петербурга 14 декабря она писала королеве Виктории:

...Эта новая страна, конечно, становится мне очень дорогой, особенно потому, что все без исключения очень добры. Но первое мое Рождество здесь все равно будет таким печальным, что я даже немного этого боюсь. Я буду особенно скучать без Папы и без других в этот день...

Несмотря на свой успех в обществе, на частые выезды и приемы, Великая княгиня Елизавета чувствовала в себе стремление к уединению и размышлению. Она, когда только представлялась возможность, шла гулять одна и находила где-нибудь в парке Царского Села, Гатчины или Петергофа уединенное место, где могла без посторонних глаз предаться созерцанию красоты природы и думать о ее Создателе.

В парке Петергофа Елизавета Феодоровна нашла укромный уголок, который стал ее любимым местом уединения. В углу сада, далеко от других фонтанов, возле дома садовника, был маленький фонтан, изображающий небольшого человечка, сидящего на камне в окружении уток и собачки. При виде такого необычайного фонтана Великая княгиня пришла в восторг, зарисовала его на бумаге и послала своему брату Эрнесту.

Сидя там, в углу этого прекрасного сада, она смотрела на окружавшие ее вековые деревья, на цветы, прислушивалась к журчанию фонтана и пению птиц. Ее чистая душа тогда витала не среди блеска балов, изящных кавалеров и прекрасных дам в ослепительных туалетах. Она думала тогда, что все это пройдет, и пройдет очень быстро, что весь тот блеск унесет с собой река времени в бесконечность. А тогда какая же цель жизни? Тут она начинала думать о назначении бытия человека и о Спасителе мира Иисусе Христе. Постепенно ее

мысли невольно переносились в очаровавшие ее старинные храмы Кремля Первопрестольной и в Троице-Сергиеву лавру. Она молилась, и душа ее, еще не понимая этого, уже тянулась к Православию.

* * *

Время шло. Великая княгиня Елизавета продолжала усердно заниматься русским языком и никогда не пропускала этих уроков, тщательно к ним готовясь. Она также прекрасно освоилась с ролью русской Великой княгини и стала втайне от других творить дела благотворительности. Только ее супруг, Великий князь Сергей Александрович, знал об этом и еще очень немногие близкие ей люди.

Она сильно привязалась к своему мужу, который любил ее безгранично. В некоторых книгах написано, что его любовь иногда была даже эгоистичной, когда он хотел всегда и везде сопровождать ее. Но Великая княгиня не противилась этому. Она это ценила и не раз говорила: «Я счастлива и очень любима».

Когда Елизавете Феодоровне представилась возможность поехать в Дармштадт к своим родным, она написала брату Эрнесту, что так хотела бы видеть своих близких, но для нее долг как супруги и Великой княгини — прежде всего. Ее долг — оставаться в своей новой стране и работать там и что она не сможет даже и на короткое время оставить своего мужа одного, до того он ей дорог.

Елизавета Феодоровна полюбила всех родственников со стороны своего мужа. Но особенную симпатию она питала к любимому брату Сергея Александровича — Павлу, который часто посещал их дом и подолгу гостил в их имении Ильинское. Она привязалась также всей душой и к молодому наследнику престола Николаю Александровичу — Ники, как называли его все в Императорской семье.

Елизавета Феодоровна, когда предоставлялась возможность, ездила в Крым, в Ливадию. Красота природы Крыма и моря очень привлекали к себе молодую Великую княгиню.

В своем письме королеве Виктории из Ливадии от 2/14 мая 1886 года она писала:

Дорогая Бабушка,

...после более чем месячного пребывания в этом прекрасном Крыму нам завтра очень не хочется уезжать. Погода такая чудесная, как летом. Все кругом зеленое и покрыто розами, глициниями, жимолостью. Все это покрывает не только дома, но также свисает и с деревьев. Что меня особенно очаровывает — это море, которое напоминает мне Осборн и высокие холмы Шотландии... Здесь много очень красивых дач, и одна особенно мне нравится.

Я продолжаю писать мое письмо на бумаге с фотографией этого дома. Внутри он похож на Виндзор, особенно большой холл с деревянными панелями; и запах тоже — это возвращает меня обратно в дорогу Англию... ниже террасы — море...

Всегда Ваша самая любящая внучка

Элла.

Весной следующего, 1887 года Сергей Александрович, как представитель России, должен был поехать на юбилейные торжества в Англию, и Великая княгиня была этим несказанно обрадована. Она, воспользовавшись удобным случаем, теперь могла навестить как свою бабушку, королеву Викторию, так и по пути в Англию остановиться на несколько дней в Дармштадте и встретиться с дорогими ей отцом, сестрами и братом.

Из Ильинского 7/19 мая 1887 года она писала королеве Виктории:

Моя дорогая Бабушка,

...мысль видеть Вас так скоро — такая прекрасная, и, хотя наш визит и будет коротким, он будет очень приятным. Ники¹ начнет свою военную службу в лагере в этом году и в полку моего дорогого мужа. Так

¹ Наследник Цесаревич Николай Александрович.

как Сергей является генералом и «командиром» с этой весны, он должен будет вернуться обратно к назначенному дню, чтобы принять Ники... Мы собираемся ехать в Дармштадт через несколько дней. Я надеюсь, что кавказская шаль, которую я пошлю Вам ко дню Вашего Рождения, Вам пригодится. Как только я увидела ее, я подумала, что подарю ее Вам, зная, как постоянно Вы носите шали.

С самой нежной любовью

Ваша внучка Элла.

Конечно, встреча с родными принесла большую радость Елизавете Феодоровне. Великий князь Сергей Александрович, как представитель династии Романовых и как муж любимой внучки Эллы, был ласково принят королевой Викторией. Королева также была ласкова и с приближенными Елизаветы, которые были очарованы таким отношением королевы.

Вернувшись домой, в Россию, еще полная воспоминаний недавнего свидания с родными, Елизавета Феодоровна писала королеве английской:

1 июля 1887 г.

Моя дорогая Бабушка!

Наше пребывание в Англии кажется сном; и кажется таким странным быть опять здесь — каждый момент я ожидаю, что увижу Папу или одного из родных, входящих в комнату... Сергей и я, мы оба, никогда не забудем всю Вашу доброту, и мы глубоко благодарим Вас от всего сердца.

Могу я опять попросить Вас, если это не доставит Вам много беспокойства? Можете ли Вы послать мне Ваши фотографии для моих трех дам и двух придворных? Я знаю, что они будут весьма тронуты этим и будут хранить Ваш портрет как ценное воспоминание о Вашей доброте к ним...

Сергей и я целуем Ваши дорогие руки с большой признательностью. С глубокой благодарностью мы

будем всегда вспоминать ту любовь, которую Вы нам оказали.

Всегда Ваша самая любящая внучка

Элла.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна продолжала вспоминать свою поездку в Лондон и Дармштадт. В душе она уже стала совершенно русской, но родственная связь между нею, Англией и Дармштадтом никогда не прерывалась. В октябре из Ильинского она писала своей бабушке:

...слова не могут выразить того, что я чувствую, когда я имею радость видеть Вас. Это так, как будто Вы моя собственная мать, и любовь к Вам, которую я берегу в моем сердце, очень глубока... Все, что я могу всегда повторить, — это то, что я вполне счастлива. Но, несмотря на это, в моем новом доме и жизни я никогда не забуду моего старого дома и всех тех, кто так дорог мне...

При всяком удобном случае, когда Великий князь Сергей Александрович мог отлучиться из Петербурга, он и Елизавета Феодоровна ехали в Ильинское. Там, в окружении прекрасной природы, они могли отдохнуть от светского шума и придворного этикета.

Ильинское было летней резиденцией. Зимой там жизнь замирала. Для отдыха зимой Великий князь выстроил себе другой дом, из кирпича и камня, — Усово. Это был большой комфортабельный дом в английском стиле с зимним садом, с центральным отоплением. Но тем уютом, который царил в Ильинском, дом в Усове не отличался, и поэтому не пользовался особой любовью у великокняжеской четы.

Летом же жизнь в имении Ильинское протекала тихо и спокойно в окружении зеленых лугов и леса.

Обычно день в Ильинском начинался рано. Елизавета Феодоровна еще до завтрака шла гулять по парку, а Сергей Александрович в это время обходил хозяйство Ильинского.

Он шел на конюшню проверять лошадей, потом отправлялся на молочную и куриную фермы. Утренний кофе молодые супруги пили на балконе, наслаждаясь свежим воздухом, и здесь у них шла задушевная беседа. Потом Елизавета Феодоровна или занималась русским языком, или писала письма. Полуденный завтрак проходил за главным столом, где собиралась обычно большая компания. В Ильинское часто приезжали гости — родные или друзья, и как Великая княгиня Елизавета, так и Сергей Александрович были очень гостеприимными хозяевами. Каждый, кто когда-либо гостил у них в имении, уносил с собой чувство тепла и легкой радости.

Время после полудня Елизавета Феодоровна обычно проводила в саду. Найдя прохладное место под сенью развесистого дерева или в тени террасы, она занималась рукоделием или же писала красками с натуры. В это время кто-нибудь из дам читал ей вслух.

Елизавета Феодоровна не любила легких романов, а читала книги с большим выбором, главным образом английских писателей. Знакомилась она и с произведениями русских классиков. Очень тяжелое впечатление на нее произвела книга Достоевского «Записки из Мертвого дома». Французские романы Елизавета Феодоровна не любила, считая их фривольными.

К обеду Великая княгиня всегда хорошо одевалась, и за столом собирались все живущие в доме. Потом шли в гостиную и проводили время, занимаясь музыкой или чтением. Сергей Александрович любил читать вслух по-русски. Он читал с выражением, его приятно было слушать. Сергей Александрович и его брат Павел иногда принимали участие в постановках русских пьес с соседями по имению. В одном из своих писем Елизавета Феодоровна писала королеве Виктории, что Сергей с братом Павлом любят играть на сцене и определенно имеют сценический талант.

В Ильинском, кроме дня Ангела Елизаветы Феодоровны, еще торжественно отмечались и дни преподобного Сергия Радонежского, и день святого пророка Илии.

День Преподобного Сергия был днем Ангела Сергея Александровича. В этот день в июле приглашалось много гостей и устраивался розыгрыш лотереи в пользу крестьян.

Приглашенные к этому дню обычно съезжались в Ильинское с вечера. Они размещались в летних домиках, разбросанных по парку имения. Гости простаивали всю ночь в храме, а утром — Божественную литургию и молебен. Затем следовал праздничный полуденный завтрак, и все шли на поле, где происходил розыгрыш лотерейных вещей. Военный духовой оркестр играл вальсы и польки. Сюда стекалось также много посторонних из окрестных жителей. Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна переходили от одной группы к другой, любезно разговаривая со всеми.

После розыгрыша лотереи гости шли в сад, где уже были накрыты столы с закусками и чаем.

День святого пророка Илии был приходским и местным праздником. Тогда устраивалась ярмарка, и крестьяне окружающих сел и деревень выставляли свои изделия и продукты для продажи. За несколько дней до ярмарки местные купцы строили прилавки вдоль улицы и на площади, укрепляли столбы для качелей и карусели и сооружали палатки и балаганы для приезжей труппы артистов и фотографов.

Ярмарка продолжалась три дня, и на нее приезжали крестьяне в повозках и фургонах даже из самых далеких поселений. Каждый хотел выставить что-то из своей продукции. Мелкие ремесленники и торговцы, соревнуясь между собой, старались хвастнуть своим товаром.

На ярмарке можно было найти все необходимое для домашнего хозяйства: куски льняного полотна и яркого ситца, шали, платки, разную посуду — от гончарной до стеклянной, изделия из дерева — деревянные шкатулки, миски, ложки и кружки. Некоторые изделия были и с портретами Императора, Императрицы и великокняжеской четы. Целые ряды были уставлены продуктами, включая и разнообразные сладости.

В день святого пророка Илии, после церковной службы, Великий князь Сергей Александрович торжественно открывал ярмарку и вместе с Великой княгиней и всеми насельни-

ками Ильинского шел после завтрака за покупками. Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна считали своим долгом подойти к каждому продавцу, поговорить с ним и что-то купить. Они начинали идти с одного конца, обходя все ряды, и возвращались снова обратно и шли опять, чтобы не пропустить никого. Люди несли за ними корзины, которые быстро наполнялись. Здесь покупались и разные сувениры, и подарки для всех, включая и служащих Ильинского.

Вечером при свете плашек и свечей начиналось на ярмарке народное гулянье: представления, карусель... Неслись звуки гармоники, пения и пляски. Так веселились крестьяне Ильинского и соседних деревень. Они любили Великого князя и Великую княгиню, которые были душой Ильинского.

ГЛАВА 5

Император Александр III, будучи очень религиозным человеком, жертвовал большие суммы из личных средств на украшение святынь на Святой Земле. Император вместе со своими братьями Владимиром, Алексеем, Сергеем и Павлом построил великолепный храм святой Марии Магдалины в Гефсимании в память своей матери Императрицы Марии Александровны.

Этот пятиглавый храм, типичный образец русской архитектуры, и до сего дня — один из самых красивых храмов в Иерусалиме. Его иконостас сделан из белого мрамора изящного узора искусной точеной работы и обрамлен темной бронзой. Такого же узора и бронзовые Царские врата, и бронзовое паникадило. Пол храма сделан из плит дорогого цветного мрамора. Весь храм расписан академиком В. Верещагиным. Особенно замечателен его запрестольный образ — явление ангела женам-мироносицам, — который стали копировать везде как верещагинский образ.

Император Александр III, как глава огромного государства, не мог отлучиться из России, чтобы лично присутствовать в Иерусалиме на освящении этого замечательного храма-памятника. Зная глубокую религиозность своего брата, Великого князя Сергея Александровича, Император поручил ему быть его представителем на торжестве освящения.

Сергей Александрович уже был на Святой Земле в 1881 году, и при его участии было основано Православное Палестинское Общество, председателем которого он и стал.

Целями этого Общества было изыскание средств в России для помощи Русской Миссии в Палестине, расширение там миссионерской работы, приобретение земель с памятни-

ками старины на Святой Земле и помощь паломникам, едущим из России в Палестину на поклонение святыням. Чтобы понять, почему у русских православных людей был такой интерес к Палестине, необходимо заглянуть в страницы истории.

Первая попытка встать на защиту христиан, подданных Османской империи в Палестине, была сделана Императором Петром I, когда Россия настаивала на возвращении грекам Гроба Господня. Этого добиться не удалось. В 1700 году было подписано соглашение о свободном доступе русских паломников на Святую Землю. Постепенно Россия стала получать все больше прав от турецкого правительства в отношении Палестины. Наконец, Православный Русский Синод настоял на открытии русского консульства в портовом городе Яффе, через который русские паломники прибывали на Святую Землю.

В 1841 году начались переговоры России с турецкими властями о свободе передвижения паломников по Святой Земле и обустройству гостиницы. Тогда был отправлен в Палестину первый представитель Русской Православной Церкви архимандрит Кирилл. Целью его поездки было изучение на месте тяжелого положения православных арабов, а также и общего положения христиан и паломников в Палестине. Следующим духовным представителем на Святой Земле был архимандрит Порфирий, который поехал туда в 1843 году с целью установления дружеских контактов со священнослужителями других церквей. Архимандрит Порфирий посетил большое количество православных церквей в Палестине и составил подробный отчет о положении Православия на Ближнем Востоке. Он снискал к себе любовь и уважение со стороны как православных арабов, так и греков. В 1848 году в Иерусалим прибыла группа русских монахов. При архимандрите Порфирии была открыта духовная семинария при монастыре Святого Креста для арабов, где изучались арабский, греческий, русский и церковно-славянский языки. Стали выпускаться и учебники на арабском языке. Эту плодотворную деятельность прервала Крымская кампания 1855–1856 гг., когда все русские,

в том числе и духовенство, были высланы из пределов Палестины турецким правительством.

После войны Святейший Синод России направил в Палестину миссию. Целью этой миссии было установление официального представительства Российской Церкви в Палестине. Во главе этой миссии стоял епископ Кирилл, который продолжал дело укрепления Православия в среде арабов, приобретал земли, связанные с историей христианства, строил церкви, гостиницы и больницы. В то время был основан и Палестинский Комитет в Палестине по инициативе Великого князя Константина Николаевича. С 1864 года этот комитет был преобразован в Палестинскую Комиссию.

Очень больших успехов в отношении палестинского вопроса достиг начальник Русской Духовной Миссии архимандрит Антонин Капустин, который прожил в Палестине 29 лет, там и похоронен в склепе русского храма на Елеонской горе. Его заслуг в деле укрепления Православия в Палестине Русская Православная Церковь никогда не забудет.

Архимандрит Антонин начал свою деятельность в Палестине 1869 году. Будучи высокообразованным человеком и ученым, он проводил благотворительную работу среди арабов, улучшил условия для паломников, строил монастыри и церкви и организовал археологические раскопки. Православное Палестинское Общество вместе с Русской Духовной Миссией вело работу на Святой Земле. Были посланы археологические экспедиции в Сирию и Палестину. В результате всех этих работ было составлено шестьдесят три тома научных трактатов, что явилось большим вкладом для всего ученого мира от русских исследователей Палестины.

С момента революции в России приток помощи оттуда прекратился, и управлять русским имуществом в Палестине стала Русская Православная Церковь Заграницей во главе с председателем Архиерейского Синода.

Арабо-израильская война 1948 года привела к разделу Иерусалима и части Палестины между новосозданным государством Израиль и Иорданией. В результате этого имущество Русской Духовной Миссии оказалось по разные стороны

от демаркационной линии Иерусалима. Советский Союз один из первых признал государство Израиль и предъявил свои права на русское имущество Русской Православной Церкви Заграницей в Палестине. Израильское правительство признало собственником русских владений на израильской земле Советский Союз.

Когда после Шестидневной войны 1967 года большая часть Палестины оказалась в руках Израиля, дипломатические отношения между Израилем и СССР были прерваны. Но советская духовная миссия осталась как представитель советского руководства в Израиле, и Советы использовали миссию для своей пропагандистской цели. Истинная же Русская Духовная Миссия и Православное Палестинское Общество продолжали существовать и находились в ведении Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, узнав о предстоящей поездке на Святую Землю, несказанно этому обрадовалась. Ее душа стремилась увидеть те места, где жил и ходил Спаситель и где Он был распят и воскрес из мертвых. Она хотела все видеть своими глазами, везде побывать. Ее желанием было прилечь к мраморной плите Гроба Господня и молиться о себе, о Сергее, о своих родных, о России.

Шел 1888 год. Елизавета Феодоровна была замужем уже четыре года — достаточный срок, чтобы привыкнуть ко всему, понять многое, и то, что казалось раньше непонятным, и проанализировать внутреннее состояние своей души.

Великая княгиня с первых же дней замужества заинтересовалась Православием. Эта религия притягивала ее к себе. Она бывала иногда в протестантской кирке, разговаривала с пастором, но почему-то здесь, в России, она уже не испытывала того, что она чувствовала там, в Дармштадте. Протестантство больше не могло удовлетворить духовные потребности Елизаветы Феодоровны. В православных же церквях, куда она ходила, сопровождая всегда своего мужа, она испытывала сладостное и умирительное чувство в своей душе, и ей так

хотелось молиться! Она не могла не видеть радостного состояния Сергея Александровича после принятия им святых Таин Христовых, и ей так страстно хотелось самой тоже подойти к святой чаше и причаститься и разделить с любимым человеком его радость! Но это было недоступно ей. Вероятно, отчужденно чувствовала себя Елизавета Феодоровна и Великим постом в среде говеющей Императорской семьи, когда прекращались все увеселения и к столу подавалась постная пища. Возвращаясь от Светлой Заутрени Христова Воскресения, когда везде раздавалось «Христос Воскресе!», она не могла с полным счастья сердцем повторить эти слова, принадлежа старой своей вере.

Сергей Александрович был очень набожным человеком и строго соблюдал все церковные каноны и порядки. Он много молился, говел и всегда ходил в церковь. Но, несмотря на такую духовную настроенность своей души, Сергей Александрович никогда ни одним словом не дал понять Елизавете Феодоровне о том, как он желал, чтобы она приняла Православие.

Великую княгиню Елизавету мучили сомнения. Она хотела доискаться истины, хотела своим умом и сердцем постичь, какая же религия правильна. Елизавета Феодоровна стала просить своего мужа достать ей книги духовного содержания, толкователи, православно-христианский катехизис, и сама читала их и просила Сергея Александровича читать ей вслух.

Когда же предоставилась возможность Елизавете Феодоровне поехать на Святую Землю, она с радостью приняла это как Промысл Божий и решила, что там, в Иерусалиме, у Гроба Господня, Спаситель Сам откроет ей Свою волю. Еще Елизавета Феодоровна хотела помолиться о своем отце, который чувствовал себя одиноким. Теперь уже три его дочери были замужем: она — за Великим князем Сергеем, Виктория — за принцем Луи Баттенбергским и Ирена — за Генрихом Прусским. Оставалась еще незамужней младшая дочь, Аликс. Но здесь было все очень сложно. Аликс беззаветно любила наследника Российского престола Цесаревича Николая Александровича, и он отвечал ей тем же. Но на пути к их счастью

стояли препятствия, много препятствий. Елизавета Феодоровна очень желала этого брака и стремилась помочь молодым. Теперь, на Святой Земле, она могла помолиться и об этом.

Великий князь Сергей Александрович и Елизавета Феодоровна прибыли в Палестину в октябре 1888 года. Ехали они поездом до Одессы, а оттуда — пароходом. По пути была остановка в Киеве. Этот старинный русский город произвел большое впечатление на Великую княгиню, которая продолжала восторгаться всем новым, что она видела в России.

Паломничество великокняжеской четы в Палестине началось с города Назарета, места Благовещения Преподобной Девы Марии, затем они посетили гору Фавор, где Господь Иисус Христос преобразился пред Своими учениками и показал им Свою славу¹. Гора Фавор, в форме перевернутой чаши, с развалинами древних когда-то существовавших здесь храмов, с богатой растительностью, не могла не очаровать духовно тонкое воображение Елизаветы Феодоровны.

Все на Святой Земле было новым, необычным и таинственным. Иерусалим с его сказочной стеной Старого города, где казалось, что время вернулось на несколько веков назад; оливковые деревья и камни; древние памятники, развалины старинных построек и разбросанные везде храмы различной архитектуры, как православные — греческие и русские, так и католические, — все это настраивало Елизавету Феодоровну на размышление и молитву. В ее сознании неотступно звучала мысль, что здесь ходил и учил Спаситель мира Иисус Христос.

Храм св. Марии Магдалины был построен в Гефсиманском саду у подножия Елеонской горы. С золочеными куполами, величественный, окруженный густой зеленью кипарисов и оливковых деревьев, он представлял собой изумительное по красоте зрелище. А наверху Елеонской горы,

¹ В греческом храме на горе Фавор висела на стене красивая икона в позолоченной ризе, изображающая Преображение Господне. Внизу на иконе была выгравирована надпись, что это дар от Великого князя Сергея Александровича. В настоящее время эта икона хранится в Иерусалиме, в греческой Патриархии.

рядом с другим православным храмом, высилась гигантская колокольня, прозванная «русской свечой». Колокола для этой колокольни, привезенные из России, русские паломники тащили на себе, впрягшись в упряжь, из портового города Яффы, чтобы своим трудом-подвигом угодить Господу.

Увидев всю эту красоту и величие, Великая княгиня Елизавета сказала: «Как я бы хотела быть похороненной здесь». Тогда красивая, полная радости и надежд молодая женщина и не думала, что исполнятся эти ее слова, что здесь, в храме св. Марии Магдалины, и будут почивать ее святые мощи до того дня, когда воскреснет свободная Россия и ее с честью, вероятно, перенесут в ту страну, которую она так любила.

В дар храму св. Марии Магдалины Великая княгиня Елизавета Феодоровна привезла из России драгоценную утварь для совершения богослужений — святые сосуды, Евангелие и воздухи¹.

Со Святой Земли Елизавета Феодоровна написала письмо королеве Виктории, письмо длинное и беспорядочное от всех тех впечатлений, которыми тогда была полна душа Великой княгини.

Это письмо приводится здесь почти полностью.

Иерусалим, 3/15 октября 1888 г.

Понедельник.

Моя дорогая Бабушка!

Во все наше путешествие у нас было мало времени для писем. Имея свободное утро, я использую его, чтобы послать Вам несколько строк из этого Святого города. Это такая большая радость — быть здесь, и мои мысли все время переносятся ко всем вам, я молю Бога благословить Вас во всем...

Я постараюсь в нескольких словах обрисовать нашу поездку, где каждое место было новым для

¹ Эти предметы высочайшей ценности употреблялись за Божественной литургией в храме св. Марии Магдалины в Гефсимании в день перенесения мощей святых Новомучениц — Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары в мае 1982 года.

меня, начиная с Киева. Какой красивый город и величественная река Днепр! Город расположен на холмах, и надо ехать вверх и вниз по улицам. Везде такие красивые виды! Наш художник-пейзажист сделал несколько прекрасных зарисовок.

Из Одессы до Константинополя море было прекрасным... Только жара была иногда ужасной. Но здесь лучше, так как ночами прохладнее и всегда чувствуется легкий бриз... Я начинаю почти что привыкать к жаре... Я называю наше путешествие и ознакомительным и духовным.

Сначала мы поехали в Назарет и на гору Преображения, а потом приехали сюда. Это как сон — видеть все эти места, где наш Господь страдал за нас, и также огромное утешение — приехать в Иерусалим.

Страна теперь действительно прекрасная. Кругом все серые камни и дома того же цвета. Даже деревья не имеют свежести окраски. Но тем не менее, когда к этому привыкнешь, то находишь везде живописные черты и приходишь в изумление от прекрасных стен вокруг этого города. Это производит настоящий эффект мертвого города. Но иногда встречаются те библейские фигуры в их красочных одеяниях, и они создают настоящую картину на этом спокойном фоне. Я рада, что страна соответствует настроению мыслей... и можно тихо молиться, вспоминая слышанное маленьким ребенком, когда все это воспринималось с таким благоговейным трепетом.

Я боюсь, что мое письмо очень неаккуратно написано и есть даже ошибки в правописании, но когда получаешь так много новых впечатлений, то в голове все путается.

Я веду дневник, и, когда я вернусь в Петербург, я его аккуратно перепишу, и тогда, может быть, Вы захотите прочитать его. Я заносу туда всевозможные детали...

Пожалуйста, простите эти ужасные каракули. Сергей и я нежно целуем Ваши дорогие руки. Надеюсь, что Вы вполне здоровы, я остаюсь, дорогая Бабушка, Ваша любящая внучка

Элла.

Вернувшись со Святой Земли, Великая княгиня Елизавета Феодоровна продолжала размышлять о Православии и переживала заново все те моменты религиозного подъема, которые она испытала на Святой Земле. Она уже твердо решила перейти в Православие, но ее от этого шага удерживала мысль, что она этим определенно нанесет удар своим любимым родным, и в первую очередь отцу.

Елизавета Феодоровна и Сергей Александрович любили тихую жизнь в деревне. Великая княгиня, имея высокодуховную натуру от природы, много молилась и любила уединяться, чтобы наедине, среди природы беседовать с Богом и размышлять. Светские удовольствия и развлечения отвлекали ее от этого, а ей так необходимо было набраться мужества и сил, чтобы больше не скрывать своего желания перейти в новую, избранную ею веру — Православие.

В это время состоялась женитьба брата Сергея Александровича — Павла на греческой принцессе Александре¹. Елизавета Феодоровна была всецело поглощена заботами об устройстве этой свадьбы. Ей очень нравилась новая родственница, восемнадцатилетняя принцесса Александра, и Елизавета Феодоровна своей бабушке писала о ней как об умной и обаятельной женщине, с которой она имела много общего. Павел Александрович со своей молодой женой часто приезжал в Ильинское, и они подолгу там гостили.

Королева Виктория приглашала Елизавету Феодоровну и Сергея Александровича приехать в Англию навестить ее, но поездка не состоялась из-за чрезвычайной занятости Сергея Александровича, а оставлять мужа и ехать одной Великой княгине не хотелось. Она еще ни разу не оставляла своего супруга одного.

¹ Мать принцессы Александры, королева эллинов Ольга, по рождению была русской Великой княгиней.

1890 год прошел тихо и спокойно. Это, кажется, был последний год, когда еще семейное горе не коснулось Елизаветы Феодоровны.

У молодых супругов Павла Александровича и принцессы Александры родилась дочь Мария. Восприемниками ребенка были Императрица Мария Феодоровна и Великий князь Сергей Александрович.

Елизавета Феодоровна писала королеве Виктории:

Село Ильинское, 10/22 мая 1890 г.

Моя дорогая Бабушка,

...мы собираемся остаться здесь до 1 июня, чтобы провести приятно и спокойно время перед лагерем, когда у Сергея будет много дел, особенно если Вилли приедет и маневры будут продолжаться дольше обычного. Уже более месяца у нас стоит превосходная летняя погода. Весь сад наполнен ароматом многочисленных кустов сирени, и ландыши такие прекрасные! В воскресенье 6/18 состоялось крещение маленькой девочки Павла и Алисы. Минни и Сергей были восприемниками и держали на руках хорошенькую маленькую Марию... Этот день был также и днем рождения Ники — какой он милый, очень похож на Георга Уэльского, только я нахожу, что он немного спокойнее, но веселый и умный. Он и его брат Георгий¹ поедут в очень длинное путешествие, почти вокруг света. Уезжают этой осенью и возвращаются через год, но первый, вероятно, вернется сушей через Сибирь...

Теперь, дорогая Бабушка, разрешите нам обоим поцеловать Ваши дорогие руки, и пусть Господь благословит Вас.

Ваша очень нежно любящая «собственная дочь»

Элла.

¹ Одаренный сын Императора Александра III Георгий Александрович умер от туберкулеза двадцати восьми лет в 1899 году.

В конце 1890 года в Ильинское приехал отец Елизаветы Феодоровны. Великая княгиня надеялась, что в этот приезд отец заметит, какое глубокое благоговение она питает к Православию, и начнет об этом разговор, и тогда она откроет ему свое сердце. Но ничего этого не произошло. Великий герцог Людвиг или не замечал ничего, или же думал, что все это несерьезно. Отец уехал обратно в Дармштадт, а Елизавета Феодоровна не решилась сама затронуть этот мучивший ее вопрос. Она продолжала от всех скрывать свои переживания. Королеве Виктории она написала самое обычное письмо, где выражала свою радость видеть отца у себя:

...Это была такая радость — видеть Папу и других здесь! Мы ждали их приезда, чтобы провести некоторое время в деревне и показать им Ильинское, где мы чувствуем себя больше дома, чем когда мы в городе... Теперь, осенью, мы ведем тихую жизнь, и нам жаль уезжать отсюда в Петербург... Сергей возвращается к своей военной службе. Каждый вечер мы все сидим вместе, и, в то время как граф Стэнбок читает, мы работаем или рисуем. Сергей и я обожаем проводить так время, он мне читает много по-русски...

Наконец, после отъезда отца обратно в Дармштадт, Великая княгиня Елизавета решилась написать ему письмо о своем намерении перейти в Православие. Это ее письмо отцу — крик наболевшей души. Она и боится огорчить его и вместе с тем уже не имеет больше сил скрывать свое желание стать православной. Она слишком долго терпела и страдала, прячась под личиной лютеранства. Она так любит своего отца, сестер и брата, и нанести им такой сильный удар ее нежной душе невероятно трудно.

В своем письме отцу Елизавета Феодоровна просит и молит его дать свое благословение на этот шаг и послать ей телеграммой только одну строчку.

Ниже приводится это письмо полностью:

Петербург, 1 января 1891 г.

Мой дорогой Папа!

Самое любящее нежное спасибо за Ваши ласковые открытки и такое дорогое письмо, которое я получила накануне Нового года. Еще и еще раз спасибо за Ваш приезд, и Бог даст, мы сможем встретиться очень скоро опять. Пока трудно заранее определить время, но Вы знаете, что настоящие обязанности Сергея не препятствуют этому. Это всегда такая *огромная радость* — перелететь к Вам, всем дорогим, в мой дорогой старый дом. Получили ли Вы нашу телеграмму с наилучшими пожеланиями к Новому году? Как часто я вспоминаю счастливые дни этой осенью в Ильинском и наши совместные беседы!

А теперь, дорогой Папа, я хочу что-то сказать Вам и умоляю Вас дать *Ваше благословение*.

Вы должны были заметить, какое глубокое благоговение я питаю к здешней религии с тех пор, как Вы были здесь в последний раз более полутора лет назад. Я все время думала, и читала, и молилась Богу указать мне правильный путь и пришла к заключению, что только в этой религии я могу найти всю настоящую и сильную веру в Бога, которую человек должен иметь, чтобы быть хорошим христианином. Это было бы грехом оставаться так, как я теперь — принадлежать к одной Церкви *по форме* и для *внешнего мира*, а *внутри себя* молиться и *верить* так, как и мой муж. Вы не можете себе представить, каким он был добрым, что никогда не старался принудить меня никакими средствами, предоставляя все это *совершенно одной моей совести*. Он знает, какой это серьезный шаг и что надо было быть *совершенно уверенной*, прежде чем решиться на него. Я бы это сделала даже и прежде, только мучило меня то, что этим я доставляю Вам боль и что многие родные *не поймут* меня.

Но Вы, разве Вы не поймете, мой дорогой Папа? Вы знаете меня так хорошо! Вы должны видеть, что я решилась на этот шаг только по *глубокой вере* и что я чувствую, что пред Богом я должна предстать с чистым и верующим сердцем. Как было бы просто оставаться так, как теперь, но тогда как лицемерно, как фальшиво это бы было, и как я могу *лгать* всем, притворяясь, что я протестантка во всех внешних обрядах, когда моя душа принадлежит полностью религии здесь?!

Я думала, и думала глубоко обо всем этом, находясь в этой стране уже более шести лет и зная, что религия найдена. Я так сильно желаю на Пасху причаститься Святых Таин вместе с моим мужем. Возможно, что это покажется Вам внезапным, но я думала об этом уже так долго, и теперь наконец я не могу откладывать этого. Моя совесть мне этого *не позволяет*. Прошу, прошу по получении этих строк простить Вашу дочь, если она Вам доставит боль. Но разве вера в Бога и вероисповедание не являются одним из самых главных утешений этого мира? Пожалуйста, протелеграфируйте мне только одну строчку, когда Вы получите это письмо. *Да благословит Вас Господь*. Это будет такое *утешение* для меня, потому что я знаю, что будет *много неприятных моментов*, так как никто *не поймет* этого шага. Прошу только маленькое ласковое письмо.

Я сейчас напишу Бабушке и сестрам, и потом, когда я получу от них ответ, я скажу об этом Михэн¹ — я боюсь, что она будет очень переживать, но я бы хотела, чтобы она узнала об этом раньше, чтобы как можно меньше причинить ей боли, потому что потом, вероятно, поднимутся разные разговоры. Поэтому ответьте мне скорее, дорогой Папа.

Да благословит Вас Господь, мой любимый Папа.

Ваша очень нежно любящая дочь

Элла.

¹ Михэн — супруга Великого князя Владимира.

Покажите это письмо Эрни и Аликс, пожалуйста, дайте его им. Я напишу каждому из них несколько строк. *Пожалуйста*, не говорите *никому* в Дармштадте до тех пор, пока я не напишу еще, когда уже будет знать Михэн.

Отец не послал Елизавете Феодоровне желаемой телеграммы с благословением, а написал ей письмо, которое очень огорчило ее:

Дармштадт, 14—1—1891 г.

Дорогая Элла!

Твое сообщение принесло мне большую боль, так как я не понимаю необходимости этого шага... Я должен винить себя, что не предвидел этого раньше... Ты знаешь, что я против строгости и фанатизма и сознаю, что каждый может быть религиозным в своей вере. Но я так страдал несколько ночей... когда ты сообщила и о возможном обращении Аликс¹... ты даже не можешь себе представить, как я себя чувствовал. То, что Сергей не был замешан в этом деле, меня успокаивает. Я знаю, что уговаривание и споры не изменят твоего мнения... Обдумай это серьезно!.. Твой шаг не изменит моей любви к моему ребенку... Мой Бог! Что здесь можно сказать!.. ...Это мучает меня так сильно, что я должен кончить это письмо. Пусть Бог тебя защитит и простит тебя, если ты поступаешь неправильно...

Твой старый верный Папа

Людвиг.
(Пер. с нем.)

¹ Здесь Великий герцог Людвиг пишет о своей младшей дочери Аликс, которая, полюбив наследника Российского престола Николая Александровича, при выходе за него замуж должна была перейти в Православие.

Конечно, получив такое письмо, Великая княгиня Елизавета могла прийти в отчаяние. Но она проявила твердость¹ и, несмотря на сильные моральные страдания, шла вперед к своей цели стать православной.

В ответ на письмо отца Елизавета Феодоровна послала ему второе письмо, от 14/26 января 1891 г.:

Мой дорогой...

Я благодарю Вас от всего сердца за Ваше письмо. Я глубоко чувствую то горе, которое я причиняю Вам. Пожалуйста, пожалуйста, простите меня, но это должно быть так. Я уже слишком долго игнорировала голос моей совести, так как я была уверена, что все вы будете очень переживать из-за меня... написали мне... что Вы нашли мое решение очень странным... Но я ведь ждала так долго. Моя совесть не позволяет мне продолжать в том же духе — это было бы грехом; я ждала все это время, оставаясь для всех в моей старой вере... Это было бы невозможным для меня продолжать жить так, как я раньше жила. Сергей меня никогда не заставлял и не старался переубедить меня. Он предоставил мне самой принять личное решение. И я сделала этот шаг совершенно сама. Конечно, он был несказанно обрадован, так как он начинал уже терять всякую надежду, как мне сказала г-жа... Он знал очень хорошо, что это надо самому прочувствовать. Мы вместе много читали. Я сказала ему, что хочу по-настоящему хорошо узнать его религию, чтобы все могла видеть с совершенно открытыми глазами. Пожалуйста, пожалуйста, не упрекайте себя тем, что не поговорили со мной. Это было бы невыносимо тяжело и ничего не изменило бы. Я думала

¹ Одним из качеств Великой княгини Елизаветы была твердость характера. Приняв какое-либо решение, она прямо шла к этой цели и, несмотря ни на какие препятствия, добивалась своего. Эта черта ее характера проявилась и в создании ею Марфо-Мариинской обители, когда ей пришлось преодолеть очень большие трудности.

об этом такое долгое время, и только для Вас одного я все ждала. Я надеялась, что Вы поймете... Здесь не потребуется еще раз креститься. Только Миропомазание, которого мы не имеем, когда нас крестят... Тем не менее я опишу все для Вас в деталях и пошлю Вам. Конечно, я попрошу Сашу, чтобы по возможности все прошло так, как должно быть... Я всегда буду думать о моей первой Церкви с такой любовью... Я чувствую внутри себя, что этот шаг ведет меня ближе к Богу...

Ваша глубоко любящая дочь

Элла.
(Пер. с нем.)

Чтобы убедить своего отца в правильности веры православной, она попросила протопресвитера Иоанна Янышева изложить в письменной форме догматы православной веры и различие между православием и протестантством. Это объяснение было написано собственноручно протопресвитером Иоанном Янышевым по-немецки на шести страницах и озаглавлено «Пункты различия между Православным и Протестантским вероучением» и датировано 25 марта 1891 года¹. На полях этого изложения в некоторых местах сделана приписка — объяснение самой Великой княгиней Елизаветой по-английски. Приводим некоторые из них: «Дева Мария, конечно, является самой Святейшей из всех женщин, и, так как Она никогда не была замужем после рождения Спасителя в мир чрез Духа Святого, Она является самой первой из всех рожденных на земле». «Даже по-славянски я понимаю почти все, никогда не уча его. Библия есть и на славянском, и на русском языке, но на последнем легче читать».

Елизавета Феодоровна послала письмо также своему брату Эрнесту и сестрам, но никто из ее родных не понял этого шага Великой княгини. Только одна ее сестра, принцесса Виктория Баттенбергская, сердечно отнеслась к намерению

¹ Этот документ хранится в государственном архиве Дармштадта.

Елизаветы Феодоровны стать православной и старалась ее утешить.

Брат Эрнест писал ей, что не только любовь к мужу заставляет ее пойти на перемену веры, но и пышные внешние церковные обряды Русской Православной Церкви очаровали ее.

Одному Богу известно, как переживала Елизавета Феодоровна, читая эти строки. Но ее нежная натура не возмутилась от неправильного понимания ее намерения. Она не написала в ответ брату ни одного резкого слова. Она только старалась объяснить ему, что поступает так по своему собственному убеждению и что ее муж никогда ни единым словом не старался повлиять на нее. Она просит брата защищать Сергея Александровича, когда общественность начнет его в этом обвинять. Она также пишет, что здесь, в России, ее поймут и будут радоваться ее переходу в Православие.

Елизавета Феодоровна послала ответ брату из Петербурга 11/23 января 1891 года:

Мой родной, милый мальчик!

Да благословит тебя Господь за твое ласковое и милое письмо. Как хорошо ты понял мои строчки. Но все же, дорогой, в некоторых местах не совсем.

Я нежно тебя благодарю за все то, что ты сказал так открыто, и поэтому отвечу тебе в том же правдивом тоне.

Не думай, что только земная любовь привела меня к этому решению, хотя я и чувствовала, как Сергей желал этого момента; и я знала много раз, что он страдал от этого. Он был настоящим ангелом доброты. Как часто он мог бы, коснувшись моего сердца, привести меня к перемене религии, чтобы сделать себя счастливым; и никогда, никогда он не жаловался; и только теперь я узнала через жену Павла, что у него были моменты, когда он приходил в отчаяние. Как ужасно и мучительно сознавать, что я заставила многих страдать: прежде всего моего родного, моего любимого мужа и теперь всех вас, доро-

гих. Все же я тогда чувствовала, что в очах Господних я была права так же, как и теперь в перемене веры. Прежде всего совесть должна быть чистой и ясной, и надо думать и о будущем мире. Все мы христиане — дети Христа.

Эта перемена религии многих, я знаю, заставит поднять крик, но я чувствую, что это приблизит меня к Богу. Я знаю все ее доктрины и буду с радостью продолжать изучать их. Когда я почувствую себя опять спокойной, я напишу тебе в деталях об этой религии, о которой я так хочу, чтобы ты узнал. Ты называешь меня, дорогой, несерьезной и что *внешний блеск* Церкви очаровал меня. В этом ты *ошибаешься*. *Ничто внешнее не привлекает* меня, и не богослужение, но *основа* веры. Внешние признаки только напоминают нам о внутреннем. Ирена думает так же, как и ты. Я не хочу разбирать мою новую веру по кусочкам и объяснять ее наскоро. Я это сделаю как-нибудь спокойно, и, может быть, ты выделишь тогда минуту своего времени, чтобы прочитать. Я только хочу поблагодарить тебя еще и еще за твое ласковое письмо. Будь на моей стороне, когда время придет. Пусть люди кричат обо мне, но только никогда не говори и слова против моего Сергея. Стань на его сторону перед ними и *скажи им*, что я *обожаю его*, а *также и мою новую страну и что таким образом научилась любить и их религию*. Но, несмотря на это, я *никогда* не забуду моих старых, дорогих. Последние будут кричать против меня и не поймут, в то время как здесь вся страна, я знаю, будет ликовать. И в результате этого будет больше за меня, чем против меня. Но не об этом я думаю. Я хочу, чтобы ты простил меня за боль, причиняемую тебе. Почему? Конечно, мы будем любить друг друга, как и прежде. Я не могу продолжать идти так, как я шла раньше. «Ах, в этом не было никакой необходимости», — вы все говорили, мой до-

рогой мальчик. Подумай хорошо и серьезно и тогда ты поймешь, что нельзя продолжать так: оставаться внешне протестанткой, чтобы избежать неприятных моментов. Это просто лгать пред Богом и людьми. Это было бы отвратительным, презренным.

Увы, я не имела достаточно веры *раньше*, не имела достаточно сил, чтобы сказать то, что я думаю уже давным-давно. Я не могу простить этого себе, но я хотела, чтобы ты догадался об этом сам постепенно. Я чувствовала, что это будет ударом, и боялась той боли, которую я вам причиняю. Ты видишь, как серьезно я об этом думала. Я прочитала здесь с Сергеем много книг о религии — я просила его об этом, мне хотелось объяснений.

Теперь я должна заканчивать письмо. Да благословит тебя Господь, дорогой.

С нежной любовью от Сергея и от твоей горячо любящей старшей сестры.

Элла.

Не забудь, когда придет время и все об этом узнают, что ты должен говорить: «Я перехожу из чистого убеждения; чувствую, что это самая высокая религия и что я делаю это с верой, с глубоким убеждением и уверенностью, что на это есть Божие благословение».

Королева английская Виктория своим чутким сердцем и умом поняла душевное состояние своей любимой внучки. Она не упрекала ее, а, наоборот, поддержала ее и написала ей очень ласковое ободряющее письмо, на которое Елизавета Феодоровна, преисполненная благодарности, ответила:

Петербург, 7/19 февраля 1891 г.

Моя дорогая Бабушка,

...Вы не можете себе представить, как сильно и глубоко я была тронута всем тем, что Вы написали.

Я так боялась, что, может быть, Вы не поймете этого шага, и ту утешительную радость, которую дали мне Ваши дорогие строки, я никогда не забуду.

Я сказала теперь всем родственникам здесь, и поэтому уже нет необходимости держать это в секрете... Греческая Церковь напоминает мне Английскую Церковь, и поэтому я ее понимаю по-другому и не так, как те, кто был воспитан на немецкой протестантской Церкви... а также и иметь одинаковую религию с мужем — это такое счастье!

Единственное, что заставило меня ждать так долго, — это то, что я знала, что это принесет боль многим и они не поймут меня. Но Господь дал мне мужество, и я надеюсь, что они простят меня за эту боль, которую я им причинила. Я это делаю, принадлежа всей моей душой этой Церкви здесь, и я чувствую, что лгала всем и моей старой религии, продолжая оставаться протестанткой. Это большое дело совести, где только лицо, имеющее к этому отношение, может понять по-настоящему всю глубину этого шага.

От всего моего сердца я благодарю Вас еще и еще. Пусть Господь благословит Вас за все то, кем Вы всегда были для меня, за Вашу великую доброту и материнскую любовь...

С нежной любовью от Сергея и от Вашей самой преданной и любящей внучки.

Элла.

Когда Елизавета Феодоровна сказала о своем решении перейти в православную веру мужу, он так был растроган, что у него на глазах появились слезы.

Император Александр III с супругой Марией Феодоровной были также преисполнены радости. Радовались и все родственники семьи дома Романовых — православные. Но некоторые не могли понять искренних побуждений Великой княгини Елизаветы и винили Сергея Александровича, приписывая все это его влиянию.

Самые сильные слухи об этом долго распространялись в Германии, чему много способствовал по своей ненависти к Сергею Александровичу кайзер Вильгельм¹.

Елизавета Феодоровна, конечно, знала обо всем этом, но она предвидела это и раньше, при переходе в Православие. Она также знала, что, идя по правильному пути и взяв на себя крест Христов, надо быть готовой к перенесению всяких неприятностей и переживаний. Главным же было для нее то, что теперь она уже принадлежала к долгожданной православной вере.

Елизавета Феодоровна писала отцу из Петербурга 8/20 марта 1891 года:

Дорогой Папа,

...пожалуйста, пожалуйста, простите меня за то, что я доставила Вам так много страданий. Но я чувствую себя такой безгранично счастливой в моей новой вере. Земное счастье я всегда имела — когда была ребенком в моей старой стране, а как жена — в моей новой стране. Но, когда я видела, каким глубоко религиозным был Сергей, я чувствовала себя очень отставшей от него, и, чем больше я узнавала его Церковь, тем больше я чувствовала, что она приближает меня к Богу. Это чувство трудно описать... Однако в этом случае все в моих руках и в руках Господних, и я уверена, что Он благословит этот шаг; я уповаю на Его всемогущество, и я постоянно молюсь, чтобы я всегда была хорошей дочерью и верной женой и всегда была бы хорошей христианкой и чтобы в моем земном счастье я всегда думала о будущем и о моем спасении и была готова всегда к этому (к смерти. — *Авт.*)... Пожалуйста, покажите Аликс и... это письмо. Я целую всех вас тысячу раз... Я пошлю Вам перевод Божественной службы. Здесь не будет Крестных родителей, как Вы думаете. Я должна буду сказать Символ веры, и после этого последует

¹ E. M. Almedingen. «An Unbroken Unity». London. The Bodley Head, 1964.

благословение, затем Миропомазание, целование креста, святого Евангелия, и потом последует святое Причащение. Мне даже не надо будет идти к исповеди перед этим, если я этого не захочу. Это будет происходить в субботу 13/25 апреля, под Вербное воскресенье, и очень скромно. В четверг я опять причащусь Святых Таин в соответствии с православным обычаем вместе с Сергеем...

Ваша глубоко любящая дочь

Элла.
(Пер. с нем.)

Как уже говорилось выше, имя Елизаветы в протестантстве Великая княгиня носила в честь одной из своих предков — святой Елизаветы Тюрингенской. Для Елизаветы Феодоровны святая Елизавета Тюрингенская являлась примером благочестивой жизни и любви к ближним. Поэтому, переходя в Православие, Великая княгиня не захотела расстаться с этим именем, а только избрала себе новую небесную покровительницу — святую праведную Елизавету, мать святого Иоанна Крестителя, память которой Православная Церковь празднует 18 сентября.

Во время Таинства перехода в Православие, после святого Миропомазания, Император Александр III благословил свою невестку драгоценной иконой Нерукотворного Спаса, и эту икону Елизавета Феодоровна свято чтит всю свою жизнь.

12 мая 1891 года Великая княгиня Елизавета писала королеве Виктории: «... церемония прошла так хорошо и была такой прекрасной! Я описала ее по-немецки Папе, который передаст ее и сестрам, и, если Вы пожелаете прочитать, они пошлют описание Вам...»

ГЛАВА 6

В 1891 году Император Александр III назначил своего брата, Великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатором города Москвы.

В Москве, и особенно в Московском университете, часто возникали беспорядки политического характера, и Москва с ее многочисленным населением, состоявшим из самых различных слоев общества, представляла собой один из самых трудных центров России в смысле управления.

Император Александр III, зная твердый нрав своего брата, считал, что Сергей Александрович вполне справится с этой ответственной должностью губернатора.

Когда Великая княгиня Елизавета узнала о назначении Сергея Александровича генерал-губернатором города Москвы, она очень взволновалась. Она страшилась будущего и боялась ответственности.

В марте 1891 года Елизавета Феодоровна писала отцу из Петербурга:

Дорогой Папа!

Вы хорошо сможете понять, как великая доброта Саши и его доверие тронули нас. Но мы не можем и представить себе, какие большие перемены может принести нам жизнь в будущем. После семи долгих счастливых лет нашей супружеской жизни, которую мы провели с нашими дорогими родственниками и друзьями здесь, в Петербурге, теперь мы должны начать совершенно новую жизнь и оставить нашу уютную семейную жизнь в городе. Мы должны будем сделать так много для людей там,

и в действительности мы будем там играть роль правящего князя, что будет очень трудным для нас, так как, вместо того чтобы играть такую роль, мы горим желанием вести тихую личную жизнь. Я думаю, что Сергей даже более опечален, чем я, так как он надеялся остаться в полку еще на один год... Офицеры действительно такие милые. Они так преданы ему, и мысль о том, что мы оставим Павла¹... Вы знаете, как Сергей всегда жил для своего брата, обращаясь с ним скорее как с сыном. Он имеет такое глубокое любящее сердце... Это ужасно тяжело для моего дорогого Сергея; он побледнел и похудел. Как я бы желала взять его сейчас в Дармштадт, чтобы он смог отдохнуть. Они никогда не оставят его в покое; он удвоил свою работу, и наша жизнь в Москве не будет являться отдыхом, так как мы должны будем всегда находиться в Москве... Волосы поднимаются дыбом, когда подумаешь, какая ответственность возложена на Сергея... староверы, купечество и евреи играют там важную роль... Теперь все это надо привести в порядок с любовью, твердостью, по закону и с терпимостью. Господь, дай нам силы, руководи нами, так как все это будет таким трудным и тяжелым...

После Пасхи мы переезжаем в Москву... Утешение для нас то, что нас ожидают там с открытыми объятиями и что жители Москвы очень лояльны и радуются, встречая брата Императора в своем городе. Я также надеюсь, что смогу помогать немного Сергею. Я буду стараться исполнять отлично все то, что выпадет на мою долю...

(Пер. с нем.)

Королеве Виктории Елизавета Феодоровна писала 12 мая 1891 года:

¹ Постоянным местом жительства брата Сергея Александровича, Павла, был Петербург.

Дорогая Бабушка,

...мы уезжаем в пятницу с тяжелым сердцем, так как для нас начнется совершенно новая жизнь. Да благословит Господь нашу жизнь в Москве так, как Он благословил семь лет нашей совместной жизни полного счастья...

Пожалуйста, простите, что это письмо беспорядочно написано. Но Вы не можете себе представить, как много дел я должна сделать ввиду нашего скорого отъезда. Я Вам напишу из Москвы к Вашему дорогому дню рождения. Если бы мы имели крылья, как мы бы хотели полететь, чтобы увидеть Вас! Это кажется неблагодарностью, что мы не были так давно в дорогой Англии. Но я не могу оставить моего драгоценного Сергея; я никогда еще не уезжала без него, а у него так много служебных обязанностей, которые препятствуют ему уехать в долгое путешествие...

Я остаюсь Ваша очень любящая внучка

Элла.

Но напрасно беспокоилась Елизавета Феодоровна о будущем. Москва помнила ее еще по первому визиту, когда молодая Великая княгиня после своей свадьбы останавливалась в Москве по пути в Ильинское; и Москва, сердце России, широко открывала перед ней свои двери.

1891 год принес Великой княгине и Сергею Александровичу и первое семейное горе. Совсем неожиданно умерла невестка Елизаветы Феодоровны, молодая жена Павла Александровича принцесса Александра. Она ожидала второго ребенка и была уже на седьмом месяце беременности. Она приехала с мужем погостить в Ильинское и здесь внезапно заболела, родила ребенка и умерла. Доктора не успели вовремя вызвать, и, когда он приехал, было уже поздно. Принцесса Александра, не приходя в сознание, скончалась.

Это было страшным потрясением для всех. Крестьяне Ильинского горько оплакивали так рано ушедшую в иной мир молодую женщину. Ее гроб они несли на руках

до самой железнодорожной станции — расстояние около 13 километров. Эта траурная процессия напоминала собой не похороны, а встречу прекрасной невесты: весь гроб покойной утопал в цветах и цветы были везде, по всему пути этого шествия — их бросали под ноги идущим.

Великий князь Сергей Александрович был так удручен, что закрыл наглухо дверь комнаты, где скончалась принцесса Александра, и не позволял никому туда входить. Он хотел сохранить комнату в том виде, как это было в момент ее смерти.

В то время не было инкубаторов для преждевременно родившихся младенцев, и Сергей Александрович сам купал его в специальных ваннах, прописанных доктором.

Новорожденный был мальчик. Назвали его Дмитрием (впоследствии он участвовал в заговоре против Григория Распутина).

Елизавета Феодоровна очень переживала смерть своей невестки, с которой она так близко сошлась. Она глубоко привязалась как к Павлу Александровичу, так и к его молодой жене. Видеть страдания Павла Александровича было для нее невыносимым.

Своей бабушке она писала в ноябре 1891 года:

...Дети Павла здоровы, и беби делается таким милым... Крещение состоится 29 октября/10 ноября... День их помолвки был только три года назад. Такое идеальное счастье было так скоро разбито. Это так печально... она имела такое ободряющее влияние на обоих братьев, особенно, когда они непрерывно говорили о своем детстве...

В том же письме Елизавета Феодоровна писала, что после такого тяжелого события — смерти Александры — ей и Сергею Александровичу необходимо уехать. Они собирались к королеве Виктории в Англию, но должность генерал-губернатора Москвы препятствует отлучаться из России, и им придется отложить свою поездку до следующего года. Ехать же одной,

без мужа, Елизавете Феодоровне не хотелось. Она писала: «...я никогда не оставляла его одного; может быть, я и должна была поехать, но это будет только мучить меня — ехать без него...»

...Елизавета Феодоровна, когда жила в Петербурге, много уделяла времени помощи нуждающимся, больным, обездоленным. Но мало кто знал об этом. Знали лишь, что она возглавляла разные благотворительные организации, а о ее личной работе знали очень немногие люди. В имении Ильинское тоже, несмотря на то что туда всегда приезжало много гостей, Великая княгиня Елизавета постоянно обходила жилища крестьян окружающих деревень и помогала везде, где была нужда. Все это она обсуждала с Сергеем Александровичем, и он во всем ее поддерживал.

Когда Елизавета Феодоровна и Сергей Александрович переехали в Москву, начались постоянные приемы, балы, концерты. Елизавете Феодоровне, как первой даме города, необходимо было показываться везде. Это очень утомляло Великую княгиню и часто вызывало у нее сильные головные боли — мигрени.

В богатой Москве наряду с зажиточным слоем дворянства и купечества проживало много и бедноты. И вот там, в Москве, и развернулась во всей своей широте благотворительная деятельность Елизаветы Феодоровны.

В Москве, где было несколько сот церквей, Великая княгиня Елизавета постоянно ходила по церквям. И везде она видела на папертях храмов оборванных нищих, просящих милостыню «Христа ради». Ходила Елизавета Феодоровна и по больницам для бедняков, в дома для престарелых, в приюты беспризорных детей. Посещала она и заключенных в тюрьмах. Везде, во всех этих домах и учреждениях, Великая княгиня старалась сделать что-то, чтобы облегчить страдания людей. Она раздавала продукты питания, одежду, улучшала жилищные условия несчастных.

Жители Москвы скоро это оценили и боготворили Елизавету Феодоровну. Но никто тогда не знал тайников ее души: вид каждого беспризорного ребенка, страдающего больного,

вид нищих и убогих — все это болью отзывалось в ее добром сердце. О ее впечатлениях и переживаниях знал, конечно, и Сергей Александрович, который никогда не препятствовал ей в делах милосердия.

Несмотря на свою занятость социальными проблемами, Елизавета Феодоровна исполняла и свою обязанность как супруга генерал-губернатора Москвы. Это была пора ее душевного и духовного роста. Ни одного вопроса, каким бы он ни казался трудным, не оставляла без внимания Елизавета Феодоровна и прилагала все свои усилия к разрешению его. Это было следствием ее морального мужества и самоанализа, основанного на глубокой религиозности.

Как-то при разговоре со своим братом Эрнестом, она сказала, что каждый человек должен иметь перед собой идеал, к которому он обязан стремиться. На вопрос брата: каков же ее идеал, — она ответила: «Быть совершенной женщиной, а это самое трудное, так как надо уметь все прощать»¹.

Какие чувства питали москвичи к Великой княгине Елизавете, а также ее внешний облик описаны одной молодой девушкой в письмах своим родителям. Эта девушка приехала из г. Курска в Москву и, встретившись несколько раз с Елизаветой Феодоровной, в восторге описывала внешность Великой княгини, ее манеры и обращение с людьми. Она писала, что достоинство Елизаветы Феодоровны не замораживало окружающих ее и что, кто ее видел среди детей, тот знает, какой хорошей матерью она могла бы быть.

Вскоре новое семейное горе постигло Елизавету Феодоровну: скончался ее отец, Великий герцог Людвиг Гессенский. С ним произошел удар, и он уже едва мог говорить, когда в Дармштадт спешно приехала Великая княгиня с Сергеем Александровичем.

Как писала Елизавета Феодоровна королеве Виктории, утешением для нее было то, что умирающий узнал ее и Сергея. Она писала своей бабушке: «... я ношу постоянно Вашу прекрасную брошку... Я вложила туда волосы Папы. Какой

¹ Golo Mann «Erinnertes», p. 63.

красивый рисунок и идея изобразить его инициалы с сердцем в середине...»

Великая княгиня Елизавета очень любила своего отца и сильно переживала его смерть. Эти две смерти в семье — молодой жены Павла Александровича и Великого герцога Людвига — очень отразились на здоровье Елизаветы Феодоровны. Она страдала как душевно, так и физически: у нее были постоянные головные боли, ревматизм и другие недомогания. Ее также мучил и до сих пор не разрешенный вопрос в отношении помолвки ее младшей сестры Аликс и наследника Русского престола Цесаревича Николая Александровича.

Чтобы немного прийти в себя и получить утешение от Всевышнего, она с Сергеем Александровичем поехала по Волге с остановками в некоторых городах, таких, как Ярославль, Ростов и Углич, где произошло убийство сына Иоанна Грозного, царевича Димитрия, в 1591 году. Во всех этих городах супруги посещали храмы, где усердно молились Богу.

Елизавета Феодоровна стремилась поехать к своей бабушке, королеве Виктории, в Англию. Ей и Сергею Александровичу так необходим был в это время отдых, чтобы отвлечься на время от мыслей о недавних печальных событиях. Но в это время в России, в некоторых губерниях, вспыхнула эпидемия холеры, и долгом Сергея Александровича, как губернатора Москвы, было остаться в городе, чтобы проводить необходимые меры против распространения этой эпидемии.

В июле 1892 года Елизавета Феодоровна писала королеве Виктории:

Моя любимая Бабушка,

...мы так хотим поехать в Англию, особенно это необходимо для бедного Сергея. Для него будет хорошо переменить атмосферу, чтобы уехать от всех тех печальных воспоминаний. Мы остались на два дня в Красном для дня Ангела Павла. Душа раздиралась видеть его таким покорным и совершенно подавленным. Его маленький сын до сих пор был с нами... он славный, полненький, здоровый ребенок с веселым характером; но настоящая красавица — это его

сестренка¹. Я редко видела более прекрасное дитя. Бедные дорогие сиротки. Это слишком тяжело... как мы все были счастливы год тому назад... Какой это был год для всех нас. Куда ни посмотришь — везде горе. Я так надеюсь, что холера не придет к нам. Конечно, это будет долгом Сергея, как генерал-губернатора, оставаться в Москве, и, конечно, я буду с ним... Я думаю, что опасности нет, и, по счастью, никто из нас обоих не боится никакой болезни, так как мы часто ходим в клинику. Вероятно, если Вам это подходит, то в конце сентября мы приедем в Балморал. Я прошу извинить меня, что не могу точно указать даты, так как в работе Сергея могут появиться непредвиденные обстоятельства, которые могут разрушить наши планы... Я боюсь, что Вы найдете нас очень похудевшими. Но после этих печальных событий, а также недавно я страдала от ревматизма, это не будет удивительным. И ничто не может быть приятнее, как совершенно переменить обстановку и дать отдых телу и уму.

Мы совершили очень интересное путешествие вниз по Волге, которое продолжалось несколько дней, с остановками в Ярославле, Угличе и Ростове. Особенно прекрасны в своем совершенстве церкви. Страна везде представляет собой равнину, но красивая...

Я больше не увижу любимого Папу, а мне все время хочется написать ему и спросить его мнение или рассказать ему о многих вещах. Это будет ужасным — ехать обратно в Дармштадт, как это было в прошлый раз. Несмотря на переживания во время его болезни, все же он был там и приветствовал нас своей ласковой улыбкой. Мы не можем не благодарить Бога за то, что мы имели утешение все быть вокруг него, и за то, что он вполне узнал нас...

Я остаюсь Ваша нежно любящая...

Элла.

¹ Мария Павловна.

В конце года состоялась поездка Великой княгини с супругом в Англию. Елизавета Феодоровна была глубоко тронута сердечным приемом, оказанным ей и Сергею Александровичу королевой Викторией, и по пути обратно, в Россию, остановившись на несколько дней в Дармштадте, Великая княгиня в своем письме королеве выражала ей свою благодарность. Также Елизавета Феодоровна писала, что встретить всех родных в Дармштадте было для нее большой радостью, но все же приходили и тяжелые моменты, когда так не хватало «дорогого и любимого Папы».

Наступил 1893 год. Великая княгиня продолжала носить траур по отцу. Но в ее положении, как супруги генерал-губернатора Москвы, приходилось принимать приглашения и устраивать у себя ответные приемы. Чтобы избежать по возможности увеселений, Елизавета Феодоровна старалась вместо балов и банкетов давать у себя концерты, что более соответствовало печальному состоянию ее души.

Делегаты от дворянства, прибывшие в Москву, давали бал в Дворянском собрании, и, конечно, ожидалось там присутствие губернатора с супругой.

Елизавета Феодоровна, посоветовавшись с Императрицей Марией Феодоровной, пошла туда, чтобы не нанести обиды устроителям.

Ниже приводится письмо Елизаветы Феодоровны королеве Виктории, характеризующее отношение Великой княгини к своему долгу, как главной дамы г. Москвы. Еще это письмо интересно и тем, что иллюстрирует официальные балы, которые происходили когда-то в царской России.

Москва, 12 февраля 1893 г.

Моя драгоценная Бабушка,

...никогда еще зима не начиналась так рано с сильным морозом, и кажется, что она никогда не окончится. Мы давали много концертов, чтобы пригласить все общество небольшими группами, и это менее натянуто, чем рауты, и в моем глубоком трауре это единственно возможное, чтобы по-

казать себя любезной. Вся знать из разных районов московской губернии прибыла для выборов, и поэтому мы должны были принимать их. Они устроили в их «Дворянском собрании» грандиозный бал, куда мы оба пошли по решению Минни, что это мой долг. Мы протанцевали три полонеза, проходя кругом и кланяясь гостям. Затем они устроили круг, а мы смотрели с эстрады и разговаривали с теми, кто был около нас... Мы там оставались около часа и перед отъездом выпили чашку чая с главными присутствующими. Все они были так тронуты. Они не ожидали, что я приеду. Так как это было не развлечение, но простая вежливость... я уверена, что Вы тоже согласитесь, что я исполнила свой долг, поехав туда. Я была вся в белом, но в других случаях на наших приемах, конечно, я в черном. Это было первый раз, что мы появились на таком приеме, и люди здесь суеверные относительно черного цвета.

Кажется почти невозможным, что уже приблизительно через две недели пройдет целый год, но все же я не могу поверить, что мы больше не увидим любимого Папу...

Я остаюсь Ваша сердечно любящая «собственная дочь»

Элла.

Великая княгиня Елизавета и Сергей Александрович вели очень занятую жизнь в Москве, и оба много работали.

Елизавета Феодоровна писала своей бабушке из Москвы 9/21 мая 1893 года: «... мы ожидаем Сашу из Крыма для закладки памятника покойному Императору¹. ...Мы очень заняты и имеем такую деятельную жизнь: открытие всех сортов учреждений и т. п. ...»

В октябре 1893 г. Елизавета Феодоровна и Сергей Александрович ездили в Дармштадт. Но и здесь, вне своей стра-

¹ Императору Александру II, Освободителю.

ны, Елизавета Феодоровна работала, делая разные вещи для благотворительного базара в пользу бедняков России. Распродажу этих предметов Великая княгиня собиралась устроить после своего возвращения домой. Воспользовавшись своей поездкой в Дармштадт, она вместе с братом и сестрами постаралась приготовить как можно больше изделий для продажи.

Она писала королеве Виктории: «Мы проводим очень приятно и тихо время здесь все вместе. Много рисуем и раскрашиваем с Эрни и сестрами для базара, который состоится в первых числах ноября...»

А из Москвы Елизавета Феодоровна писала своей бабушке в ноябре: «... в Дармштадте мы работали, как рабы, чтобы все закончить для базара... Здесь масса дел и много людей, которых надо принять, и сейчас я должна была отложить прием некоторых лиц, чтобы освободить время и писать спокойно. Есть люди, которые приходят просто представиться, но есть и много членов благотворительных организаций, которые желают, чтобы я им помогала...»

В другом письме своей бабушке Великая княгиня Елизавета писала:

Москва, 8/20 декабря 1893 г.

Моя дорогая Бабушка,

...я очень занята. Целое утро занимают прием людей и различные более важные дела, касающиеся благотворительных учреждений. Мы встретились с мисс Марстон, которая скоро едет искать «своих прокаженных». Какая она замечательная женщина! Вечера, как правило, мы проводим дома. Сергей читает, а мы все рисуем и выжигаем для базара, который я собираюсь устроить постом. Я слушала «Сельскую честь»¹, которая давалась в Итальянском оперном театре, и думала о том, как в прошлом году Ваш оркестр исполнял ее так прекрасно...

Всегда Ваша нежно любящая и благодарная...

Элла.

¹ Опера, музыка Масканы.

Поглощенная работой для благотворительных целей, Елизавета Феодоровна продолжала беспокоиться относительно все еще не решенного вопроса помолвки сестры Аликс и Цесаревича Николая Александровича. Великая княгиня была очень этим озабочена. Она так хотела видеть свою сестру счастливой.

В письме королеве Виктории в ноябре 1893 года она писала:

...Теперь об Аликс. Я коснулась этого вопроса, но все, как и прежде. И если когда-нибудь будет принято то или иное решение, которое совершенно закончит это дело, я, конечно, напишу сразу... Да, все в руках Божиих... Увы, мир такой злобный. Не сознавая, какая это продолжительная и глубокая любовь с обеих сторон, злостные языки называют это честолюбием. Какие глупцы! Как будто подняться на трон заслуживает зависти. Только любовь, чистая и сильная, может дать мужество принять это серьезное решение. Будет ли это когда-нибудь? Хотела бы я знать. Я прекрасно понимаю все, что Вы говорите... только я желаю этого потому, что мне нравится этот молодой человек. Его родители¹ ведут примерную семейную жизнь, и эта сердечность и религиозность, которая дает им силы в трудные моменты их жизни, и приближает их к Богу...

Я остаюсь Ваша очень любящая и послушная...

Элла.

Это письмо, конечно, не требует комментариев. Оно показывает, какие интриги и сплетни велись вокруг чистой любви наследника Российского престола Николая Александровича и принцессы Алисы (Аликс).

Наконец, решение о помолвке состоялось, и принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская стала невестой сына Императора Александра III, Цесаревича Николая Александровича.

¹ Император Александр III и его супруга Мария Феодоровна.

Великая княгиня Елизавета писала королеве Виктории из Ильинского 3 августа 1894 года:

...Мы только что вернулись из Петергофа, где мы провели 10 дней... Нам приятно было узнать, что наконец Ники и Аликс счастливы, и я уверена, что Господь благословит этот союз, в котором такое глубокое религиозное чувство. Я думаю, что Аликс делает прогресс в русском языке. Она пишет Ники так красиво и делает очень мало ошибок, и построение фраз вполне правильное. Он мне сказал, что она стесняется разговаривать. Относительно же свадьбы, кажется, еще точно не установлено...

Елизавета Феодоровна была счастлива, что молодые влюбленные наконец смогут соединиться и ее сестра Аликс будет жить в одной с ней стране, в дорогой ее сердцу России.

Принцессе Алисе тогда было 22 года, и при еще вполне молодом и здоровом Императоре Александре III, которому было только 49 лет, она, как надеялась Елизавета Феодоровна, живя в России, привыкнет ко всему, поймет и полюбит русский народ, в совершенстве овладеет русским языком и будет иметь много лет впереди, чтобы подготовиться к будущему своему высокому положению Императрицы Российской.

Но судьба распорядилась по-другому.

Кто мог тогда предвидеть, что Император, который только в июле выдавал свою дочь, царевну Ксению, замуж за Великого князя Александра Михайловича и казался совершенно здоровым, через три месяца скончается в Ливадии, не успев завершить все то, что он хотел еще сделать для России.

О физической силе Императора Александра III ходили даже легенды. Он мог легко сгибать пальцами серебряный рубль, и в народе рассказывали, что Император во время покушения революционеров на императорский поезд в 1888 году один на своих плечах удержал крышу разрушенного взрывом вагона и тем спас свою семью.

Этот гигант-Император, который легко управлял одной шестой частью суши земного шара, никогда не любил ни роскоши, ни помпы. Какой была его жизнь, такой была и его кончина — истинного христианина, смиренно склонившегося пред волей Всевышнего.

ГЛАВА 7

Во время болезни Императора Александра III была спешно вызвана из Дармштадта невеста Цесаревича Николая Александровича принцесса Алиса. Она прибыла в Ливадию незадолго до кончины Императора. Министр двора, потрясенный серьезной болезнью Императора, так растерялся, что не вызвал к русской границе императорский поезд за невестой наследника, и принцесса Алиса, будущая Императрица Российская, ехала по России в Ливадию в простом поезде.

Император Александр III скончался 20 октября 1894 года¹. Великий князь Александр Михайлович в своей «Книге воспоминаний» (с. 169) писал: «Каждый... сознавал, что наша страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть. Никто не понимал этого лучше самого Ники. В эту минуту... я увидел слезы на его голубых глазах».

На следующий день после кончины Императора Александра III состоялся переход в Православие принцессы Алисы с принятием ею имени Александры.

В своем письме королеве Виктории Елизавета Феодоровна подробно описала последние минуты жизни и кончину Императора Александра III, Миротворца. Это письмо, как исторический документ, помещается здесь полностью.

Ливадия, 24 октября/5 ноября 1894 г.

Моя дорогая Бабушка!

Самое сердечное спасибо за Ваши ласковые строки. Я не могла писать до этого времени. Мы были в таком волнении. То было хуже, то лучше, и, наконец, это ужасное горе.

¹ 20 октября по старому стилю, 1 ноября по новому.

Простите, что я пишу на цветной бумаге. Я не имела с черным кантом с собой. Несмотря на плохие новости, мы надеялись до последнего момента, и наше единственное утешение теперь то, что он умер, как настоящий христианин, каким он и всегда был. Гретхен и Вернер дадут Вам все подробности этих дней, так как они разговаривали с доктором. Поэтому я опишу Вам только детали его прекрасной смерти и напишу о планах, которые более или менее установлены на будущее.

Как Вы знаете, это был день моего рождения. Он провел такую тяжелую ночь и был ужасно слабым. Мы пришли рано. Минни позвала нас туда. Только подумайте, он позвал меня, чтобы поздравить меня и Сергея, и потом поцеловал нас всех одного за другим. Он говорил ясно и сознавал все. Но мы заметили уже знак смерти в его глазах. Его дети и Минни стояли на коленях вокруг него, и Аликс, конечно, тоже, которая была как маленький ангел утешения в продолжение всего того времени, а также и теперь.

Потом мы оставались в соседней комнате. Дверь была широко открыта, и можно было видеть заднюю часть его головы. Он сидел в кресле. Лежать в постели было для него мукой с его ослабевающим сердцем и водой, от которой он так опух. Да, он помолился за меня.

Был вызван священник, его личный духовник, и мы все встали на колени. Он попросил причастить его Святых Таин, после чего он отдыхал, а затем попросил другого священника, которого вся страна очень почитает¹. Тогда двери закрыли, но дети сказали мне, что, когда этот священник положил свою руку на его голову, он сказал: «Я чувствую себя так хорошо» — и все это время хотел, чтобы тот священник

¹ Это был отец Иоанн Кронштадтский, чудотворец, причисленный к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей 1 ноября 1964 года, а Российской Церковью — в июне 1990 года.

был рядом. Потом этот батюшка помазал его святым Елеем. Тогда Саша отпустил его отдохнуть и попросил прийти опять, что тот священник и сделал. Они разговаривали друг с другом и с другими... Внезапно доктора сказали нам, что пульс становится сильнее, но через несколько минут его пульс стал ослабевать. Двери открыли, и мы опустились на колени, чтобы услышать его тихий последний вздох. Никакой агонии не было, и эта чистая душа отлетела на небо. О, когда умирают так, то чувствуешь присутствие Господа и то, что из этого мира он призван к настоящей жизни. Если бы Вы знали, какие спокойствие и тишину это дало нашим душам, а в то же время наши сердца разрывались от горя. Пусть Господь благословит его. Никогда Он не имел более верного, более благородного слуги. Бедная дорогая Минни здорова и так полна христианского смирения! Она, Ники и я причастились Святых Таин на следующий день вместе с Аликс после ее обращения в Православие, которое было таким прекрасным и трогательным. Она прочитала все превосходно и была очень спокойной. Слава Богу, она здорова, не чувствует сильно боли в ногах и как можно больше отдыхает днем. В четверг все едем в Севастополь морем, потом — в Москву... и в понедельник — в Петербург. Похороны, я думаю, будут через несколько дней, так как весь народ захочет увидеть его еще раз. Аликс, конечно, находится вместе со своими будущими свекровью и мужем. В Петербурге Эрни и она будут жить с нами в нашем доме, и вскоре после этого состоится свадьба. Эта свадьба будет семейной, как и свадьба Мамаы. Это не только их желание, но желание всей семьи и всей России. Они смотрят на это как на свой долг и обязанность начать эту новую и трудную совместную жизнь, благословенную священным Таинством брака. Это будет скоро, вероятно 14/26 числа. Это последние дни, когда могут венчать, так как начинается Рождественский

пост, и потом можно только уже в новом году. Минни, вероятно, уедет сразу после этого, чтобы быть с Георгием, и не останется в своем старом доме, где жизнь без него может убить ее. Я так беспокоюсь, чтобы она не заболела. Она такая тоненькая, как маленький ребенок. Она ухаживала за ним днем и ночью все эти месяцы без отдыха, переживая в своем сердце. Я так рада, что тетя Александра¹ с нею и они спят вместе, что очень хорошо и является утешением для бедной Минни.

Нежно целую. Я должна кончать, но скоро напишу еще. Телеграфируйте, если Вы захотите еще что-либо узнать. Я получила такое ужасающее количество телеграмм, на которые должна немедленно ответить, и у меня сейчас нет даже и свободного момента времени.

Господь да благословит Вас.

Всегда Ваша послушная и любящая...

Элла.

Все члены Императорской семьи сопровождали тело покойного Императора Александра III из Ливадии в Петербург, где происходили похороны.

Бракосочетание молодого Императора Николая II и Александры Феодоровны состоялось приблизительно через неделю после похорон, и начало совместной жизни новобрачных происходило среди панихид и погребальных песнопений.

Что могло быть более трагичным для молодой четы и для всей России?!

В своем письме королеве Виктории Елизавета Феодоровна подробно обрисовала подвенечное платье Александры Феодоровны и для ясности сделала три рисунка царской невесты, которые воспроизводятся в этой книге. Также она описала и церемониал одевания к венцу и торжественный выход невесты.

¹ Принцесса Уэльская, родная сестра Императрицы Марии Феодоровны.

Петербург, 5/17 ноября 1894 г.

Дорогая Бабушка!

Свадьбу решили устроить в день рождения Минни, 14/26 ноября, в понедельник, и, вероятно, перед 12 часами дня... Семья будет помогать надевать коронные драгоценности и фату, как это делалось на всех наших свадьбах. Потом статс-дамы надедут мантию темно-рубинового цвета с горностаем. Платье из вышитой серебряной материи — русский придворный наряд и выглядит очень красивым. Как у невесты, у нее будут спускаться два локона. В старое время только молодые девушки имели право носить волосы висячими локонами. Это выглядит очень прелестно и красиво обрамляет лицо.

Законченное одевание невесты, блеск бриллиантов и бархатная мантия (я должна сказать, что последняя — тяжелая и было бы гораздо красивее без нее), прибавляется немного цветов мирты к платью и к малюсенькой короне. Хотя полный наряд и тяжелый, но чудесные бриллианты идут всем, и Аликс, высокая ростом, будет выглядеть очень красивой. Я видела только жену Павла и Ксению так. Обе невысокого роста, но даже и они не выглядели приземистыми, но обе были очаровательны. Я думаю, что это потому, что все белое и серебро сияет, как лучи электрического света, и красивая мантия оживляет все, хотя я бы и предпочла, чтобы она была белой. Все мы будем в наших русских костюмах — белых или серебряных — и в белых драгоценностях.

Когда невеста одета, она идет через большие залы, заполненные придворными и обществом, прямо в церковь, а потом домой.

Как правило, устраивается банкет, а вечером — полонез. Но, конечно, ничего этого теперь не будет, и я думаю, что они вернутся прямо в Аничков, где и останутся на время... Более или менее это уже

in the cloak of dark red
velvet & ermine —

The dress is in embroidered
silver cloth Russian
and very pretty
she wears
in old
very many
had the
of having
hair kept
it looks
very pretty
& a pretty
frame
for the
lace —

the complete iridescence
& splendour of diamonds
in the velvet cloak (I
must say the latter
is heavy & can
be worn without)

Рисунки царской невесты, сделанные Великой княгиней
Елизаветой Феодоровной в письме королеве Виктории

Moscow

Dec. 9/31 1895

Dearest Grandmother

Our heartiest
best Christmas
we are sending you
a very simple paper-
knife to use for
opening your letters

Факсимиле письма Великой княгини
Елизаветы Феодоровны своей бабушке
королеве Виктории

решено, но, конечно, могут быть и изменения. Все они здоровы. Минни держится изумительно в ее страшном горе. Помоги ей Господь. Она так глубоко религиозна и молится так горячо. Это прекрасно и трогательно. О, если бы Вы видели, как она любила своего мужа и ухаживала за ним. Бедная, она так похудела и побледнела... Бедный Ники не имеет отдыха и выглядит похудевшим и побледневшим. Бедный, так много дел надо выполнить... дни проходят очень монотонно. Дважды в день совершаются прекрасные богослужения в крепости, а между ними визиты ко всем приехавшим на этот траур...

Я остаюсь Ваша любящая «собственная дочь»

Элла.

Королева Виктория, конечно, очень беспокоилась за свою внучку Аликс и за положение в стране. Ее любящему сердцу бабушки было тяжело, что Аликс выходила замуж в такое траурное для России время и сразу же вступала на тяжелый путь Императрицы Российской. Елизавета Феодоровна все это сознавала и своим письмом от 19 ноября/1 декабря старалась разуверить королеву в ее тяжелых предчувствиях. В этом письме Великая княгиня описала отношение русского народа к новобрачным и его энтузиазм при виде новых Царя и Царицы:

Любимая Бабушка,

...вопросы, которые Вы задали о религии в Вашем последнем письме, совсем не встревожили Аликс. Ее обращение в Православие прошло прекрасно... Поддержкой было то, что она после этого приняла святое Причастие вместе с Ники, Минни и со мной. Это дало нам силы, чтобы пройти через это тяжелое время. Энтузиазм здесь к этим двум молодым монархам замечательный. Вся страна оплакивает своего любимого Миротворца, как называют Сашу, и выражает сочувствие этой молодой паре, которая, начиная свою новую жизнь у смертного ложа, показывает такую свою

глубокую религиозность. Господь действительно благословляет их, так как все, что они ни делают, завоевывает сердце России. И русские — это теплосердечные и лояльные подданные. Первое — это то, что эти двое детей пришли вместе. Она — в свой новый дом, чтобы ухаживать за Сашей и успокаивать Минни. После его смерти она принимает религию своей новой семьи и дома, молясь вместе с ними и скорбя со всеми. Теперь бракосочетание соединило их, чтобы исполнять свои новые обязанности вместе, чтобы помогать своей стране и утешать бедную вдову. Все это понятно любящему сердцу народа, и он благословляет своих молодых монархов и любит их. Я бы хотела, чтобы Вы все это видели и почувствовали. Это было бы настоящим утешением для Вас, так как я вижу, что Вы беспокоитесь за них. Они выглядят такими спокойными и счастливыми и такие милые. На следующий день после свадьбы они пошли на могилу Саши. Каждый день толпы людей идут туда. И когда они узнали их, как было трогательно видеть их радость: целовали руки Аликс, чуть не стянули с нее плащ... В день бракосочетания они также поехали прямо из Зимнего дворца в собор, и те, кто это видел, говорят, что толпа была как безумная от радости. В тот день толпа собралась перед Аничковым дворцом, и целый вечер допоздна раздавалось пение гимна и молитв, прерываемое приветствиями...

От Вашей любящей и преданной...

Эллы.

Елизавета Феодоровна очень любила свою сестру Александру Феодоровну и радовалась ее счастью. Она писала королеве Виктории: «... Ники и Аликс выглядят такими счастливыми, как это только возможно. Они в таком восхищении, что ожидается Беби, и она так весела — как ребенок, и тот ужасно печальный взгляд, который смерть Папы наложила на нее, исчезает в ее постоянной улыбке...»

В другом письме Елизавета Феодоровна писала: «... как печально, что ни Папа, ни Мама не видят нас всех такими счастливыми в браке...»

Весной 1896 года состоялась блистательная коронация Императора Николая II и Императрицы Александры Феодоровны. Она происходила в Москве. Это было величественное и незабываемое по красоте торжество, и те, кто видел его, помнили его во всех деталях до конца своих дней.

Коронационные торжества начались в Москве со дня торжественного въезда Императора Николая II в город 22 мая, в день праздника перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца, небесного покровителя Государя.

Уже с утра несметные толпы народа заполнили все площади и улицы, примыкавшие к пути следования Императорской четы.

Сначала Император с Царицей-матерью и Государыней проследовал к Иверской часовне¹, чтобы поклониться чудотворному образу Иверской Божией Матери. При въезде Государя на коне на Красную площадь города грянул орудийный салют и понесся колокольный звон всех сорока сороков колоколов Первопрестольной. Все это сопровождалось нескончаемым «ура!» народных масс.

Прежде чем проехать ко дворцу, Император с матерью и супругой вошел в Успенский собор, чтобы приложиться к чудотворной Владимирской иконе Божией Матери и к мощам святых. После Успенского собора последовало поклонение Императора гробницам князей и царей московских в Архангельском соборе.

До дня коронавания Императорская чета пребывала в Александрийском дворце, гоя и готовясь к коронации.

¹ Точная копия этой Иверской часовни была построена русскими в Китае, в городе Харбине, возле Свято-Николаевского кафедрального собора. Как эта часовня, так и собор в числе других православных храмов в Китае были снесены китайцами-коммунистами во время «культурной революции».

Рано утром в день коронования раздались залпы орудий и ударили колокола Кремля, а за ними и всех церквей города Москвы. По всему пути шествия Царственных особ вытянулись шпалерами войска. Чин коронования происходил в старинном Успенском соборе, где короновались на царство все русские цари и императоры¹. Там, посредине храма, возвышалось тронное место, обтянутое малиновым бархатом с золотым позументом. На этой площадке стояли два трона: для Государя и Государыни. Отдельно стоял трон для вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Над тронами раскинулись бархатные балдахины темно-красного цвета, разукрашенные золотом.

Для священного коронования в Успенском храме собрался сонм духовенства во главе с митрополитами — все в парчовых облачениях и митрах.

Русские великие княгини были одеты в русские парадные придворные платья с драгоценностями, а великие князья — в парадные формы своих полков.

Перед появлением Высочайшей четы началось великолепное шествие, возвещенное сигналами трубачей. От Красного крыльца в направлении собора двинулся взвод кавалергардов, за ними шли пажы, и замыкали шествие представители от городов и от разных чинов. Все это двигалось, плавно маршируя и сверкая золотом и богатыми мундирами.

Когда появились молодые Царь с Царицей, раздались мощное многотысячное «ура!» неисчислимой массы народа и звуки Государственного гимна в исполнении нескольких оркестров.

Император Николай II был в форме Преображенского полка, а Александра Феодоровна — в русском платье из серебряной парчи. Вступив под балдахин, установленный у Красного крыльца, Императорская чета направилась к собору. Балдахин несли около тридцати генералов. За Императором ассистентами следовали Великий князь Михаил Александрович и Великий князь Владимир Александрович. Ассистентами

¹ Успенский собор был построен Великим князем Иоанном III в 15-м веке по образцу Успенского собора города Владимира.

Императрицы были супруг Елизаветы Феодоровны Великий князь Сергей Александрович и его брат Павел Александрович.

Встреченные на паперти духовенством, Император с супругой приложились к кресту и, окропленные святой водой, проследовали в храм, где, поклонившись перед Царскими вратами и приложившись к святым иконам, заняли свои места на тронах. Обряд коронования и Божественная литургия шли под прекрасное пение объединенных церковных хоров.

По ходу чина коронования два митрополита взошли на тронное место для царственного облачения Императора. Возложив на плечи Государя порфиру и прочитав молитву о ниспослании благодати Духа Святого, митрополит Петербургский взял с бархатной подушки императорскую корону и передал ее Государю, который сам возложил ее на себя. Далее со словами молитвы митрополит вручил коронованному Монарху скипетр и державу. Тогда супруга Государя Александра Феодоровна склонилась перед ним на коленях, и он увенчал ее голову малой короной и при содействии ассистентов и фрейлин надел на ее плечи порфиру.

По завершении этой церемонии было провозглашено протодиаконом «Многая лета», подхваченное мощным пением хора. После многолетия хор собора перешел к исполнению величественной молитвы-гимна, хвалы Господу: «Тебе Бога хвалим». А в это время пушечные залпы возвещали всей Москве о совершении коронования Императора.

Когда в храме водворилась тишина, Император опустился на колени и громко прочел молитву, прося Господа наставить его и умудрить в царствовании.

После принятия Императором и Императрицей поздравлений в соборе началась Божественная литургия, где митрополитам и епископам в среде других священников сослужил и отец Иоанн Кронштадтский.

Во время литургии над Императором было совершено Таинство Миропомазания. При совершении этого Таинства также помазывалась и грудь¹. Причащение Святых Таин

¹ Для этого в мундирах императоров делались небольшие, прикрытые сверху отверстия.

Христовых Императором происходило по священническому чину — через его вхождение в Царские врата у святого престола, а Императрицы — у Царских врат.

После окончания богослужения коронованная чета в предшестве митрополита Петербургского направилась в Архангельский и Благовещенский соборы, чтобы поклониться святыням и могилам предков.

Посетив соборы, процессия двинулась к Красному крыльцу. У Красного крыльца балдахин остановился, и Император с супругой поднялись по лестнице на Красное крыльцо. Отсюда они отвесили три низких поклона стоявшей внизу толпе. Это был момент апогея праздника. Народные массы в неудержимом «ура!» покрыли и звон колоколов, и пушечные выстрелы, и звуки гимна. Так народ приветствовал своего молодого Царя, возлагая на него новые, радужные надежды.

Вечером вся Москва светилась иллюминацией. Народ был везде, и всюду раздавались крики «ура!» и «Боже, царя храни».

Коронационные торжества продолжались несколько дней, но они были омрачены страшным бедствием, затемнившим собой весь праздник коронации.

Это случилось на Ходынском поле, где раздавались подарки народу — специальные коронационные кружки с вензелем их Величеств и с Государственным гербом. Там народу собралось около пятисот тысяч — гораздо больше, чем ожидалось. Когда в толпе пронесся слух, что подарков не хватит на всех, то началась давка — вся масса лавиной хлынула вперед, к прилавкам. Произошла катастрофа — тысячи людей были ранены или задавлены. (Согласно книге М. Палеолога, погибли две тысячи человек.)

Это народное горе легло темной тенью на настроение коронованной Императорской четы, и они усмотрели в этом предзнаменование грядущих страшных событий.

Елизавета Феодоровна, имея доброе и отзывчивое на каждое горе сердце, конечно, очень переживала эту катастрофу, тем более что раздавались голоса, которые винили Сергея Александровича в недостаточной предусмотрительности.

Великая княгиня в своих письмах королеве Виктории не упомянула об этом. Она не хотела причинить беспокойство своей бабушке, которая остро воспринимала все то, что касалось ее внуков.

Всевозможные интриги, клевета, сильная перегруженность работой отразились на здоровье Елизаветы Феодоровны. Всякая ложь болью отзывалась в ее сердце.

Нашлись люди, которые старались очернить даже семейную жизнь Великой княгини и Сергея Александровича. Некоторые приписывали ей зависть к своей сестре-Императрице и во время коронавания зорко следили, поцелует ли она руку своей сестры. Нашлись и такие, которые думали, что Великая княгиня и Сергей Александрович могут влиять на действия нового Императора и Императрицы.

Елизавета Феодоровна всегда держалась вне всякой политики, никогда ни одним словом не стремилась она повлиять на то или иное дело государственной важности.

В этот период ее жизни в ее письмах стали проскальзывать горькие ноты о злобе и зависти людской, о сплетнях. Теперь она уже знала, что за любезными улыбками некоторых придворных и «друзей» часто скрываются зависть и недоброжелательство.

В одном из писем королеве Виктории Елизавета Феодоровна писала:

...хорошо, что мы не живем в одном городе, особенно вначале. Вы знаете, какие люди злобные, и любовь между двумя сестрами никогда не будет принята просто. Или они скажут, что я интригую и честолюбива — две вещи, к которым я не склонна, или же, что Аликс ничего не может сделать без моего совета, что также неправильно...

А после совместной поездки с Императором и Императрицей в Дармштадт, где все они прекрасно провели время и отдохнули, Елизавета Феодоровна написала своей бабушке письмо, полное горечи:

Москва, 3/15 ноября 1896 г.

Дорогая Бабушка,

...мы получили полное удовольствие все вместе в Дармштадте, и ехали очень хорошо вместе домой. Это очень удивительно, что люди говорят, что мы не любим друг друга и т. д. Да, ужасная ложь распространяется о нас, и им от этого не стыдно. Интриги просто отвратительны. Но я верю, что однажды вся правда выйдет наружу. Главное — это иметь чистую совесть пред Богом, а Он может изменить злобу мира, а в этом случае — сеть завистливых интриг.

Наше прекрасное путешествие освежило нас обоих, хотя бедный Сергей и выглядит очень худым. Люди, я думаю, не могут поверить, что мы безобидны и счастливы, и поэтому начали стараться доказывать противоположное. Правда, мы ничего не хотим. Мы очень счастливы и стараемся исполнять наш долг, и я должна сказать, хотя это и звучит тщеславно, люди здесь¹ любят нас и опять показали свою любовь тем, что принимали нас очень тепло, когда мы вернулись сюда несколько дней назад. А наши враги стараются доказать Ники и Аликс, что нас здесь не любят. Я бы хотела, чтобы они были невидимы для других, а судили бы только сами себя. Да, во всем плохом есть и хорошее. И для нас теперь открылись глаза: те же искренние настоящие друзья и только немного врагов. Люди будут интриговать и лгать до тех пор, пока существует мир, и мы не первые и не последние, которые были оклеветаны. У нас здесь много дел, и с каждым годом нам это место нравится все больше и больше. Я нахожу, что в любом случае хорошо то, что мы живем в другом городе, чем Аликс. Это лучше главным образом для нее. Это делает ее совершенно независимой. Позднее, когда ее узнают, а также и о ее взглядах, это уже не будет важным. Тогда никто не сможет

¹ В Москве.

сказать, что, что бы она ни сделала, посоветовала я ей. Ее уже очень полюбили в ее новом доме. И это для меня самая большая радость. Я не могу понять ревность между сестрами или нелюбовь к младшим за то, что они имеют более высокое положение. Я знаю, что во время коронации люди наблюдали, поцелую ли я ее руку. Почему? Это было настоящей радостью — человеку, которого ты любишь, да и она гораздо моложе меня и всегда была мне более как дочь, чем сестра... Пусть мужья и жены всегда любят друг друга так, как мы. И я уверена, что это благословение Папы и Мамы, которое окружает нас и дает нашей семье жить так счастливо... это эгоистично говорить о нашей радости, когда многие другие переживают глубокое горе...

Нежные поцелуи Вам от Сергея и Вашей любящей внучки.

Элла.

В 1900 году Император Николай II решил возобновить забытый уже более пятидесяти лет обычай — проводить дни Светлого Христова Воскресения в Москве.

В своем письме Великому князю Сергею Александровичу, губернатору города Москвы, Император писал, что его горячим желанием и желанием Императрицы Александры Феодоровны является причаститься Святых Таин и провести этот Праздник Праздников в Москве, среди великих национальных святынь, что являлось многовековой традицией русских царей. И в конце письма Император писал, что он, объединяясь в молитве со своими подданными, молится, чтобы Господь помог ему послужить России к ее славе.

Императорская семья прибыла в Москву к Страстной неделе. Царственная чета выстаивала с начала до конца каждодневные утренние и вечерние богослужения в разных храмах Кремля. Громадные толпы народа, жителей Москвы, с энтузиазмом встречали Государя и Государыню. Вдоль улиц и дорог, по которым следовал Император, стеной стоял народ.

Люди иногда простаивали часами, чтобы увидеть своих Царя и Царицу.

После Светлой заутрени начались праздничные торжества. Великая княгиня Елизавета Феодоровна очень много работала все эти дни. Ей необходимо было подумать обо всем, предусмотреть все и надлежащим образом принять у себя Императорскую семью.

На Светлой неделе начались официальные приемы и балы как в губернаторском доме, так и в Нескучном дворце. Всем этим руководила Елизавета Феодоровна.

Когда все торжества были окончены, Великий князь Сергей Александрович с супругой были очень счастливы, что все прошло так хорошо. Они радовались за свой город Москву — эти прекрасные богослужения Страстной седмицы в храмах Кремля, так духовно настраивающие душу верующего; трогательное пение церковных хоров; говенье; затем — величайшее торжество Православной Церкви — крестный ход Светлой заутрени и радостное «Христос Воскресе!». И в заключение — пышные пасхальные приемы и энтузиазм москвичей при виде Императора — и никаких инцидентов политического характера, которые могли бы омрачить всеобщий подъем.

ГЛАВА 8

Тесная дружба великокняжеской четы с братом Сергея Александровича Павлом вскоре оборвалась. Причиной же послужила женитьба его на разведенной без Высочайшего на то разрешения¹. В результате по указу Императора Павел Александрович должен был проживать вне России, а его двое детей, Мария и Дмитрий, перешли на попечение Великого князя Сергея Александровича и Елизаветы Феодоровны.

Великая княгиня Елизавета и Сергей Александрович очень переживали эту семейную трагедию и жалели детей. Они всеми силами старались заменить им настоящих родителей и заботились о них, как о своих собственных детях.

Июль 1903 года ознаменовался великим событием Православной Российской Церкви: был причислен к лику святых преподобный Серафим Саровский².

В Саров на это прославление поехала вся Императорская семья. Императрица Александра Феодоровна ехала к Угоднику Божию, чтобы молиться о даровании ей сына. Когда через год наследник Цесаревич родился, по желанию Император-

¹ От этого брака у Павла Александровича родился сын Владимир. Этот весьма одаренный и талантливый юноша-поэт Владимир Палей в возрасте двадцати одного года был брошен большевиками вместе со святой мученицей Великой княгиней Елизаветой в шахту в Алапаевске, где и скончался в ужасных мучениях.

² Император Николай II проявлял особое усердие в прославлении великих подвижников земли Русской. В некоторых случаях он даже шел впереди Святейшего Синода, стараясь доказать ему необходимость поспешить с канонизацией святого. Это был случай с прославлением святителя Иоанна, митрополита Тобольского. В царствование Императора Николая II Российской Православной Церковью было причислено к лику святых восемь подвижников и святителей.

ской четы престол нижней церкви, построенной в Царском Селе, был освящен во имя преподобного Серафима Саровского, а верхняя часть храма — во имя Феодоровской иконы Божией Матери, особо чтимой царственным домом Романовых¹.

В Саров на прославление, конечно, поехала и Елизавета Феодоровна с супругом. Много о чем Великая княгиня хотела просить новоявленного святого, и прежде всего его святых молитв о даровании мира и спокойствия России, где революционеры уже начали творить свои гнусные дела террора, внося дезорганизацию и брожение в людские умы.

Саровская пустынь, где подвизался святой подвижник, находилась в глухом лесу — около шести километров от ближайшего поселения.

На саровские торжества прославления шел и съезжался православный народ со всей России. Там собралось более двухсот тысяч богомольцев.

При открытии мощей святого Серафима Саровского было запротоколировано много случаев чудесных исцелений неиз-

¹ Феодоровская икона Божией Матери получила свое наименование от святого великомученика Феодора Стратилата — воина, обезглавленного в 4-м веке за веру Христову. Первые сведения об этой иконе относятся к 13-му веку, ко времени монгольских набегов на Русь. Тогда этот образ Пресвятой Богородицы появлялся чудесным образом в людских поселениях, разоренных монголами. В народе ходило предание, что святой Феодор Стратилат странствовал по Руси и приносил им в утешение святую икону Богоматери. Впоследствии местопребыванием чудотворного образа Феодоровской Божией Матери стал город Кострома, где для этой иконы был построен Успенский собор с приделом во имя святого великомученика Феодора Стратилата, и икона стала известна как Феодоровская-Костромская. Во время Смутного времени собрался Всероссийский собор около Костромы, в Ипатьевском монастыре, чтобы избрать Царя всей Руси. И когда был выбран юный Михаил Романов, то посольство, неся с собой чудотворные иконы Божией Матери «Владимирская» и «Феодоровская», направилось к матери Михаила Романова инокине Марфе с просьбой отпустить сына на царство. Марфа сначала отказалась, но потом, упав на колени пред Феодоровской иконой Божией Матери, сказала: «Да будет воля Твоя, Владычица! В Твои руки предаю сына моего. Наставь его на путь истинный, на благо Себе и отечеству!» С тех пор эта икона Феодоровской Божией Матери особо почиталась всеми царями и царицами дома Романовых.

лечимых болезней. Исцеленные хромые калеки бросали свои костыли и сжигали их в присутствии множества народу на берегу речки Саровки. Были случаи исцеления немых и слепых от рождения, которые, погрузившись в Серафимов источник, сразу же начинали говорить и прозревали. Парализованные, раньше лежавшие без движения, без языка и слуха, начинали ходить, говорить и слышать.

От города Арзамаса члены Императорского дома ехали в Саров в экипажах. Они были встречены колокольным звоном всех церквей Саровской обители.

Император с Императрицей и Великая княгиня Елизавета с Сергеем Александровичем во время саровских торжеств жили в игуменском доме монастыря. Отсюда все они ходили пешком к целебному источнику преподобного и в его Дальнюю пустынь.

Император на свои средства заказал красивую серебряную раку для мощей святого преподобного Серафима, а Императрица Александра Феодоровна собственноручно вышила покров на гробницу. Конечно, Великая княгиня Елизавета с Сергеем Александровичем привезли в Саров и свои дары преподобному, которого Елизавета Феодоровна почитала всю свою жизнь.

Вся Императорская семья говела и причащалась святых Таин в Сарове в эти дни торжеств.

Накануне прославления гроб со святыми мощами преподобного Серафима Саровского из церкви святых Зосимы и Савватия крестным ходом был перенесен в Успенский собор. Гроб несли Император Николай II, Великий князь Сергей Александрович, другие великие князья и священнослужители. Во время крестного хода, а также и на следующий день в Успенском соборе произошло несколько случаев чудесных исцелений.

В соборе мать немой девочки отерла своим платком гроб со святыми мощами преподобного, а потом и лицо своей дочери, и та сразу же заговорила. Этот случай был также упомянут Великой княгиней Елизаветой Феодоровной в письме своей сестре, принцессе Виктории Баттенбергской¹:

¹ Письмо перепечатано из книги протопресвитера М. Польского

Как много красивых и здоровых впечатлений! Мы ехали шесть часов в экипажах до монастыря. По дороге в деревнях красивые, здоровые люди были живописны в ярко-красных сарафанах и рубахах. Монастырь очень красив и расположен в необъятном сосновом бору. Богослужения и молитвы, читаемые в нем, были замечательны. Святой Серафим был монахом, жил в 18-м столетии¹, был известен чистотой и святостью своей жизни и при этом исцелял больных и нравственно поддерживал к нему обращающихся, а после его кончины чудеса не прекращаются. Тысячи и тысячи народу со всех концов России собрались в Саров на день его прославления и привезли своих больных из Сибири, Кавказа... Какую немощь, какие болезни мы видели, но и какую веру! Казалось, что мы живем во времена земной жизни Спасителя. И как они молились, как плакали, эти бедные матери с больными детьми, и, слава Богу, многие исцелились. Господь сподобил нас видеть, как немая девочка заговорила, но как молилась за нее мать!..

После саровских торжеств вся Императорская семья заехала в Дивеевский монастырь, основанный святым преподобным Серафимом.

Вернувшись домой, Великая княгиня Елизавета продолжала усердно молиться, творить дела милосердия и невидимо восходить по духовной лестнице. Но благодаря своему смирению она этого не чувствовала, а думала, что стоит ниже других. Она строго следила за всеми своими поступками и мыслями и всеми силами старалась во всем угодить Богу.

В письме брату Эрнесту от 26 ноября/9 декабря 1903 года, когда у него умерла от тифа восьмилетняя дочь, Великая княгиня Елизавета писала:

«Новые мученики Российские», том 1. Изд. Свято-Троицкого монастыря, Джорданвилль, США, 1949.

¹ Преподобный Серафим жил в 1759—1833 годах.

...Я знаю, что твоя настоящая христианская вера и спокойствие дают тебе силы, которые никакие слова сочувствия не могут дать. Но все же я хотела бы быть в том доме, где и ты, чтобы помочь тебе немного в каждодневных заботах... Я была помилована от тех ужасных моральных переживаний, которые вошли, увы, в твою жизнь. Несмотря на это, основа в наших характерах — сходная. Но ты стоишь на высшей ступени лестницы на небо, а я все еще ниже тебя. Я так сильно стараюсь подняться вверх, но, кажется, всегда скольжу вниз опять... Твоя маленькая молится о тебе. Ее земные горести закончились, и она витает вокруг своего дорогого Папы, его хранитель, Ангел теперь.

Мир тебе, дорогой, мир в Боге и в людях...

* * *

Понемногу тучи стали сгущаться над Россией. Возобновились революционные брожения среди интеллектуальных кругов, среди рабочих и даже крестьянства. Появились разные группировки и организации, целью которых было проводить террористические акты. Начались забастовки в Петербурге, Москве и других городах страны. В 1902 году произошло убийство министра Сипягина, а в 1904-м — министра внутренних дел В. Плеве. Стали убивать губернаторов, начальников полиции, жандармских офицеров и даже мелких стражников и городских. Революционный терроризм разрастался и пускал свои корни в почву России.

Вскоре началась для России несчастная Русско-японская война. Поводом к этой войне явилась разработка русскими лесной концессии на реке Ялу и рост русского влияния в Маньчжурии.

Японцы без объявления войны в ночь с 8 на 9 февраля (по новому стилю) 1904 года внезапно атаковали своими миноносцами русскую эскадру, находившуюся на внешнем рейде Порт-Артура. Это было типичным японским маневром — сначала нанести удар, а потом уже объявить войну.

Когда стало известно о начале Русско-японской войны, в Москве, в Успенском соборе, был отслужен молебен о даровании русским войскам победы над Японией и в соборе был прочитан императорский Манифест о начале войны.

Сначала, когда еще неудачи не постигали русскую армию, настроение в народе было приподнятым и толпы патристически настроенных москвичей с портретами Императора и Императрицы, собирались на площади перед дворцом генерал-губернатора, пели национальный гимн и выражали свой подъем приветственными возгласами.

Тогда общим мнением было, что война с Японией закончится очень скоро полной и блестящей победой русских. Думали, что Япония, эта маленькая азиатская страна, не могла иметь ни хорошей армии, ни хорошей боеспособности.

Как только началась Русско-японская война, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, которая уже имела достаточный опыт в деле работы на благотворительность, немедленно начала весьма активную деятельность для облегчения положения воюющих солдат. Можно сказать, несколько не преувеличивая, что она являлась одной из главных руководителей организации труда на помощь фронту не только в одной Москве, но и во всем большом округе.

Благодаря самоотверженному примеру Елизаветы Феодоровны поднялось патриотическое движение во всех слоях общества сначала в Москве, а затем оно перекинулось и в провинцию. Приходилось удивляться энергии этой удивительной женщины. Как только она могла поспевать везде, руководить всем и работать наравне с другими до полного изнеможения?!

Одним из ее замечательных начинаний того времени была организация женского труда помощи солдатам. Елизавета Феодоровна заняла под мастерские этого труда все залы Кремлевского дворца. Только один Тронный зал, как символ монархии, был ею оставлен нетронутым.

На призыв Великой княгини откликнулись множество женщин всех слоев общества.

Кремлевский дворец, с его великолепными залами, с лепными позолоченными украшениями, с уникальными

картинами, напоминал тогда собой улей, где женщины, склонившись над швейными машинами и над рабочими столами, с утра до вечера трудились для фронта. Туда поступали пожертвования как деньгами, так и подарками для армии со всей Москвы и из провинции. Из этой мастерской на фронт отправлялись в колоссальном количестве тюки как с продуктами питания, с обмундированием, с медикаментами, так и с подарками для солдат.

Личность Великой княгини Елизаветы была незаурядной. Она своим энтузиазмом, своим горением невольно вдохновляла всех тех, кто с ней соприкасался.

Женщины Москвы, которые видели Великую княгиню в ее мастерской, помнили ее одетой в простое бледно-серое или бледно-голубое платье, с маленькой шляпой-током на голове; помнили ее правильные черты лица и ласковую улыбку, когда она ходила по рядам работающих женщин, радуясь тому, что их труд может облегчить положение солдат и офицеров, защищающих интересы своей родины¹.

Все русское общество тогда горело желанием помогать раненым солдатам как в госпиталях, так и на фронте, и Елизавета Феодоровна была совершенно поглощена этой работой. Ее помощь не ограничивалась только посылками на фронт. Она отправляла туда и походные церкви с иконами и со всем необ-

¹ Покойная матушка Варвара, игумения Гецсиманской обители в Иерусалиме, хорошо помнила Великую княгиню Елизавету. Когда матушка была еще несовершеннолетней девушкой Валентиной Цветковой, жительницей Москвы, она пошла в эту мастерскую помогать в работе. По словам матушки Варвары, Елизавета Феодоровна излучала особое обаяние, и черты ее лица отличались необычайной духовной красотой. Она почему-то всегда обращала свое внимание на Валентину Цветкову и разговаривала с ней. Очевидно, Елизавета Феодоровна уже тогда почувствовала, что перед ней стоит не обыкновенная девушка, а будущая монахиня. В статье газеты «Русская мысль» за апрель 1983 года написано, что Великая княгиня Елизавета, когда первый раз встретилась с Валентиной Цветковой, сказала: «Валентина будет моей». А ко дню своего шестнадцатилетия Валентина получила письмо-поздравление от Елизаветы Феодоровны, где Великая княгиня писала, что счастье на земле можно обрести, только следуя евангельской любви к Богу и к людям, и в делах милосердия.

ходимым для совершения богослужений. И солдатам лично она посылала святое Евангелие, иконки и молитвенники.

Великая княгиня Елизавета сформировала несколько прекрасно экипированных санитарных поездов, которые шли на Дальний Восток и обратно с ранеными по Сибирской магистрали. В Москве она устроила госпитали для принятия раненых. Она их все время посещала, уделяя этому обычно все свое послеобеденное время. Создала Елизавета Феодоровна и специальные комитеты по обеспечению вдов и сирот.

Построила Великая княгиня Елизавета на берегу Черного моря, у Новороссийска, в живописном месте, санаторий для раненных в Русско-японской войне. Этот санаторий был оборудован всем необходимым для лечения и отдыха раненых: удобные специальные кровати, новая мебель с письменными столиками, ковры, гравюры на стенах, а для тяжелобольных — кресла на колесах. Санаторий обслуживался опытным медицинским персоналом. Внизу, у здания санатория, расстилалось прекрасное море. Все продумала Елизавета Феодоровна, до самой мелочи. Санаторий был торжественно освящен в октябре 1904 года.

Война шла, но русские терпели одно поражение за другим. Только героический Порт-Артур храбро держался в продолжение 11 месяцев, из них 7 месяцев в полной изолированности, когда после поражения русских при Кин-Чжоу Порт-Артур был отрезан с суши. Тогда началась блокада Порт-Артура — «Порт-Артурское сидение».

В Русско-японской войне русские войска и флот проявили сверхчеловеческий героизм и храбрость. Русские шли на смерть и уничтожали свои орудия и топили корабли, чтобы они не достались врагу. В народе слагались песни, где воспевалась эта храбрость.

Последней страшной трагедией для России в Русско-японской войне было уничтожение русской эскадры при Цусиме, которая шла на помощь осажденному Порт-Артуру под командой адмирала Рожественского.

После Цусимского поражения Российское правительство вынуждено было начать переговоры о мире с Японией.

Террористическая организация, которая была образована к концу 1901 года, ставила своей целью путем убийств идти к революции. Это была фракция партии социалистов-революционеров. Одним из главарей был Гершуни, а после его ареста деятельное участие там стал принимать Борис Савинков при поддержке Евно Азефа, который играл двойную роль: считаясь лидером террористов, он в то же время состоял и на службе секретной полиции.

Савинков убивал не своими руками, а использовал для этого дела фанатиков-революционеров. Он умел разыскивать истерических молодых людей, которые под его влиянием были готовы идти на смерть во имя революции. Эти несчастные, как убийца Великого князя Сергея Александровича Каляев, погибали, а в это время Борис Савинков благополучно скрывался за границей.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» (с. 194) пишет, что Савинков, сидя в парижском ресторане за бокалом вина, рассказывал любопытным слушателям о своих похождениях. Оправдывая себя, почему не он совершил покушение на Великого князя Сергея Александровича, Савинков говорил: «Я убил бы Великого князя собственными руками... но я заметил, что с ним в экипаже сидят двое детей»¹. Эта история производила впечатление на присутствующих. Но факт оставался, что бомбу в Сергея Александровича все-таки бросили, бросил Каляев, в то время как Савинков скрывался в безопасном месте.

Невероятные побеги Савинкова были возможны только благодаря его тесной связи с Азефом.

Соучастник террористов и полицейский агент — Е. Азеф, зная за несколько дней о готовящемся покушении на Великого князя Сергея Александровича, намеренно не предупредил об этом департамент полиции. В губернаторском доме в Москве Великий князь Сергей Александрович

¹ Это было за несколько дней до убийства Великого князя Сергея Александровича, когда вся семья вместе с княжной Марией и князем Дмитрием ехали в карете в московский оперный театр.

вич много работал и был обеспокоен общим положением в стране.

Большие забастовки и беспорядки политического характера начались в России, и особенно в Москве. Сергей Александрович считал, что необходимо принять более крутые меры по отношению к революционерам, а не продолжать политику либерального пассивного наблюдения. Он доложил об этом Императору и сказал, что при сложившейся ситуации не может больше занимать должность генерал-губернатора города Москвы, и просил Государя принять его отставку.

Предварительно обо всем этом Сергей Александрович поделился со своей супругой. Елизавета Феодоровна не прекословила. Она никогда не вмешивалась в дела политического характера. С тяжелым сердцем она покидала ставший ей родным губернаторский дом. Супруги переехали временно во дворец Нескучное.

Главари террористов приговорили Великого князя Сергея Александровича к смерти. Они везде следили за ним и выжидали только удобного случая, чтобы выполнить свой зверский план.

Елизавета Феодоровна знала, что ее супругу угрожает смертельная опасность, и он записан в черный список жертв революционеров. Она получала анонимные письма, где ее предупреждали, чтобы она не сопровождала своего мужа, если не хочет разделить с ним его участь. Великая княгиня очень боялась за жизнь своего Сергея и старалась не оставлять его одного и везде по возможности показывалась вместе с ним. Но работа в мастерской на фронт препятствовала ей всегда быть с супругом.

Дворец Нескучное все время охранялся солдатами, но в воздухе ощущалась напряженность и казалось, что скоро вспыхнет революция. Дальнейшее пребывание в Нескучном стало небезопасным.

Однажды ночью, зимой, по тревоге, Великий князь Сергей Александрович с Елизаветой Феодоровной, разбудив уже спавших своих приемных детей Марию и Дмитрия, в экипаже с задернутыми шторами на окнах, спешно переехали в Нико-

лаевский дворец под защиту Кремлевских стен. Этот дворец был расположен возле Чудова монастыря. Супруги думали, что по окончании волнений они опять вернутся в Нескучное. Но вышло все по-другому. Из этого Николаевского дворца Великий князь Сергей Александрович выехал, чтобы принять свою страшную смерть, а Великая княгиня Елизавета Феодоровна, пережив там трагическую кончину любимого мужа, перешагнула порог к новой, лучезарной жизни, которая повела ее к венцу святости.

ГЛАВА 9

В тот роковой день 18 февраля (по новому стилю) 1905 года, после полудня, Великий князь Сергей Александрович должен был ехать в губернаторский дворец на совещание. Он знал, что заклеймен революционерами, и поэтому ездил один, даже без своего адъютанта. Великая княгиня Елизавета Феодоровна в это время собиралась в свою мастерскую в Кремлевский дворец на работу.

Вскоре после того, как Сергей Александрович отъехал от Николаевского дворца, раздался сильный взрыв, который потряс здание дворца так, что задребезжали стекла в окнах и зазвенели и закачались люстры. Потом наступила зловещая тишина.

Служащие дворца растерялись. Никто не мог понять, что случилось: был ли это взрыв бомбы, или обвал рядом стоящего здания, или еще что-то непонятное.

Одна Елизавета Феодоровна сразу почувствовала сердцем, что случилось страшное, непоправимое несчастье. Случилось что-то с ее Сергеем. Она, как была, в одном платье, без шляпы, бросилась вниз по дворцовой лестнице к выходу. Кто-то у дверей успел набросить на ее плечи плащ. С нею побежала и гувернантка княжны Марии Павловны мадемуазель Елена.

У ворот стояли готовые сани, чтобы везти Великую княгиню в мастерскую. Обе женщины поспешно сели в них и помчались к месту взрыва.

Погиб Великий князь Сергей Александрович так же, как и его отец Император Александр II Освободитель, — был разорван бомбой террориста.

Когда сани-экипаж Сергея Александровича проехали Чудов монастырь и выехали на площадь, Иван Каляев бросил в него бомбу, которая, ударившись в грудь Великого князя, разорвала его на части. Только лицо Сергея Александровича осталось целым.

Убийца Каляев, слегка раненный кусками дерева от саней, был на месте арестован полицией. Борясь с полицейскими, он успел выкрикнуть: «Долой Царя! Да здравствует революция!»¹

Когда Елизавета Феодоровна подъехала к месту взрыва, там уже начала собираться толпа. Какие-то две женщины бросились к ней, чтобы воспрепятствовать ей подойти к останкам того, кого она так любила и кто несколько минут тому назад был еще живым, ее дорогим Сергеем.

Великая княгиня раньше по долгу своей работы, посещая госпитали с ранеными фронта, видела кровь и изуродованные войной тела солдат, но то, что предстало теперь перед ее взором, по своему ужасу превосходило всякое человеческое воображение: кругом на снегу, пропитанном кровью, в разных местах лежали куски тела и костей ее мужа и куски его одежды и обуви; и все это силой взрывной волны было разбросано вперемешку с изломанными частями экипажа и составляло одно кровавое месиво.

Елизавета Феодоровна молча, без крика и слез, склонилась над останками своего супруга. Она ни на кого не смотрела, ничего не сознавала, кроме того, что нужно как можно скорее собрать то, что осталось от Сергея Александровича.

Она, как позднее говорила своей сестре, принцессе Виктории, в эту минуту думала только об одном: «Скорее, скорее — Сергей так ненавидел беспорядок и кровь»².

В стороне, облокотившись о забор и поддерживаемый солдатами, стоял еле живой верный кучер Андрей, прослуживший у Великого князя двадцать пять лет. Его тело было во многих местах пробито гвоздями и осколками от экипажа. Он был почти без сознания и не видел, что его хозяин убит.

¹ М. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier», p. 36.

² E. M. Almedingen. «An Unbroken Unity», p. 53.

Быстро были принесены солдатские носилки, и Великая княгиня, стоя на коленях в снегу, стала собирать куски тела Сергея Александровича и класть их с помощью солдат на носилки.

Подъехала и санитарная повозка, и раненого кучера Андрея увезли в ближайший госпиталь.

Толпа росла, но, онемевшая от ужаса, она молчала; только взгляды всех скрестились на Елизавете Феодоровне. Лицо ее было неузнаваемым: мертвенно-бледное, с остановившимся взглядом, окаменевшее.

Кто-то из солдат своей шинелью прикрыл на носилках то, что было недавно Сергеем Александровичем, — образовался только небольшой бугорок под шинелью¹.

Когда все было закончено, Елизавета Феодоровна поднялась с коленей и пошла пешком за останками своего мужа. В руке она крепко зажала иконки, которые Сергей Александрович всегда носил на цепочке на шее. Она их подобрала рядом с кусками его тела.

В это время раздались мерные погребальные удары колокола Чудова монастыря, и только тогда толпа зашевелилась, заохала, заговорила.

Носилки с останками несчастного Великого князя отнесли в церковь Чудова монастыря и поставили их перед амвоном храма.

Елизавета Феодоровна встала на колени рядом с ним и, павши ниц, простояла так, не двигаясь, всю службу.

Церковь быстро заполнилась людьми. В храме стоял полумрак, только мерцали свечи в руках собравшихся. Из-под шинели на носилках жутко высовывался сапог Великого князя, и капли крови, медленно просачиваясь вниз, падали на пол храма, образуя темно-багровую лужицу.

¹ В течение нескольких дней после взрыва люди находили еще куски тела и костей Великого князя Сергея Александровича, которые силой взрыва разбросало везде, даже на крыши домов. Во время похорон Великого князя еще приносили завернутые куски его тела и клали их в гроб. Говорили, что сердце Сергея Александровича нашли на крыше какого-то здания.

Священник, дрожащим от страха голосом, служил первую панихиду по новопреставленному рабе Божию Сергии, и, вторя ему, несло ввысь панихидное пение молящихся.

По окончании службы народ стал расходиться, тогда Елизавета Феодоровна поднялась с коленей и направилась к выходу, где стояли ее приемные дети Мария и Дмитрий.

Великая княгиня Мария Павловна в книге «Education of a Princess» пишет, что никогда не сможет забыть выражения глаз своей тети в этот момент. Елизавета Феодоровна не плакала, но лицо ее было белым и искажено ужасом. Она шла медленно, опираясь на руку губернатора города. Когда она заметила детей, то протянула к ним свои руки. Княжна Мария с братом побежали к ней. Великая княгиня обняла их и прижала к себе со словами: «Он так вас любил, так любил!» Она это повторяла непрерывно, прижимая головы детей к своей груди. Толпа сочувствующих и любопытных стала собираться вокруг них. Тогда, чтобы избежать их взоров, дети осторожно повели свою тетю к выходу.

Прибыв во дворец и пройдя в свои комнаты, Елизавета Феодоровна тяжело упала в кресло. Лицо ее продолжало сохранять ту же мертвенную бледность и неподвижность, а глаза как бы остекленели и ничего не видели. Голубое платье ее было в пятнах крови. Запекшаяся кровь была и на руках ее.

Немного погодя Елизавета Феодоровна попросила надеть на нее черное траурное платье, и тогда она бросилась в свой кабинет и стала лихорадочно писать телеграммы, и прежде всего своей сестре-Императрице Александре Феодоровне, прося ее не приезжать на похороны. (Тогда Императрица нянчила своего младенца — Цесаревича Алексея, и это могло бы плохо отразиться на ее здоровье и на здоровье ее сына.) Великая княгиня боялась как за жизнь своей сестры-Императрицы, так и за жизнь Императора.

Террористы вполне могли использовать «подходящий» для них момент — похороны Великого князя, чтобы бросить бомбу в Императорскую чету.

Потом Елизавета Феодоровна написала несколько телеграмм и всем своим родственникам за границей.

Сестра Елизаветы Феодоровны, принцесса Виктория Баттенбергская, и сестра покойного князя Сергея Александровича, Мария Александровна, герцогиня Эдинбургская, сразу же по получении телеграммы покинули Англию и поехали в Москву. Выехал немедленно из Дармштадта и брат Елизаветы Феодоровны, герцог Эрнест с супругой.

Когда Великая княгиня Елизавета писала телеграммы, она несколько раз справлялась о состоянии раненого кучера Сергея Александровича. Ей сказали, что положение безнадежно и он может скоро умереть. Тогда Елизавета Феодоровна, чтобы не огорчить умирающего, сняла с себя траурное платье и надела то же самое голубое, в котором была до этого, и поехала в госпиталь.

Там, склонившись над постелью несчастного страдальца, она уловила его вопрос о Сергее Александровиче. Елизавета Феодоровна, чтобы успокоить его, пересилила себя, улыбнулась ему своей ласковой улыбкой и сказала: «Он направил меня к вам»¹. И, успокоенный ее словами, думая, что Сергей Александрович спасен, преданный кучер Андрей скончался в ту же ночь².

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том 1, с. 269.

² Мне была любезно прислана Всеволодом Михайловичем Кузнецовым газета «Ступинская панорама» от 19 сентября 1999 года. В этой газете, в небольшой статье, настоятель церкви Рождества Иоанна Предтечи села Ивановского священник Николай Тронский написал о состоянии могилы кучера Великого князя Сергея Александровича, Андрея Алексеевича Рудинкина.

Отец Николай пишет, что на ступинской земле, в селе Ивановском, верующими была восстановлена поруганная и разрушенная коммунистами церковь и в 1991 году храм был открыт для богослужений. Возле храма существовало раньше кладбище, но святотатцы растащили все ценные памятники, а потом уничтожили и остальные надгробия. Не сохранился также величественный и красивый памятник, в свое время украшавший кладбище, поставленный Великой княгиней Елизаветой кучеру А. Рудинкину. Рука святотатцев достигла и его, остался лишь один постамент красного гранита. На нем высечена надпись: «Здесь погребен кучер Вел. князя Сергея Александровича Андрей Алексеевич Рудинкин, крестьянин Московской губернии

В тот памятный вечер огней в Николаевском дворце не зажигали. Почти везде царили мрак и тишина. Слуги ходили на цыпочках и разговаривали шепотом только о самом необходимом. Стол к обеду был накрыт только для княжны Марии и ее брата Дмитрия. Великая княгиня к концу обеда появилась в столовой и села с детьми за стол. Но к еде она даже не при- тронулась, а сидела молча. Та же бледность и неподвижность были на ее лице.

Как писал в своих воспоминаниях брат ее Эрнест, врачи были в отчаянии, так как Элла ничего не ела. Она выглядела осунувшейся, с оцепеневшим взглядом и выполняла все необходимое автоматически, а ночи напролет проводила в молитве¹.

В ту первую ночь Елизавета Феодоровна, помолившись с детьми, пошла вместе с княжной Марией в ее комнату — у нее не было сил провести эту ночь в одиночестве в своей спальне.

В книге воспоминаний «Education of a Princess» Великая княгиня Мария Павловна писала, что они долго не спали, разговаривали о Сергее Александровиче, а потом постепенно Елизавета Феодоровна стала приходить в себя. Окаменение, которое держало ее столько часов наконец отступило, и она

Серпуховского уезда Хатунской волости деревни Сумароковой». На другой стороне постамента: «Умер от ран, полученных им от бомбы, убившей Вел. князя Сергея Александровича в Московском Кремле 4-го февраля 1905 года». Далее шли слова из Евангелия от Матфея: «Добрый и верный раб! В малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость Господина твоего». И последняя надпись: «Памятник сей поставлен Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, Августейшей супругой в Бозе почившего Вел. князя Сергея Александровича».

Теперь верующие села Ивановского водрузили на граните деревянный крест и обнесли могилу А. А. Рудинкина деревянной оградкой.

Когда хоронили кучера А. Рудинкина, Великая княгиня Елизавета Феодоровна, несмотря на свое горе, потерю супруга, шла пешком за гробом верного слуги Великого князя до Павелецкого вокзала. Она позаботилась и о семье покойного: все дети А. А. Рудинкина получили хорошее образование, а шестого ребенка — девочку, родившуюся после гибели отца, Великая княгиня крестила, сделавшись ее крестной матерью.

¹ Golo Mann «Erinnertes».

разразилась неутешными рыданиями. Мария Павловна уснула, так и не узнав, спала ли в эту ночь ее тетя.

На следующий день тело Великого князя Сергея Александровича уже лежало в гробу. Лицо и руки его были прикрыты вуалью, а остальную часть тела покрывала парча.

Елизавета Феодоровна в этот второй день причастилась Святых Таин Христовых в храме при гробе своего супруга. В церкви все время шли панихиды и заупокойные литургии, и Великая княгиня всегда была там, стоя на коленях у гроба. Она ходила туда и в то время, когда там не было служб, и стояла на каменных плитах храма одна рядом со своим супругом.

В журнале «Вечное» за июль — август 1968 года, в статье-воспоминании о Великой княгине Елизавете Феодоровне графини Белевской-Жуковской, написано, что через два дня после убийства супруга, молясь у его гроба, Великая княгиня почувствовала, что душа покойного от нее чего-то просит. Она догадалась, что Сергей Александрович направляет ее к убийце Каляеву, чтобы передать ему свое прощение.

Тогда Елизавета Феодоровна на третий день после трагической смерти мужа поехала в тюрьму, где содержался убийца Великого князя Каляев.

Сама Елизавета Феодоровна не испытывала ненависти к тому, кто своей страшной рукой разрушил ее счастье. Она жалела Каляева, жалела его заблудшую душу. Она хотела, чтобы он раскаялся в своем ужасном преступлении и просил у Господа прощения.

Эти нравственная сила Великой княгини, величие ее духа, которые она проявила, чтобы встретиться лицом к лицу с убийцей Сергея Александровича, поразили всех.

Елизавета Феодоровна была такой всю свою жизнь. Жертвуя собой, забывая о себе, она думала только о других. (Это ее чувство было проявлено и в отношении умирающего кучера Андрея.)

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» на с. 138 писал: «Не поза или рисовка, а истинное милосердие побудило ее навестить убийцу ее мужа в его камере...»

Елизавета Феодоровна желала, чтобы ее визит в тюрьму Каляева остался тайной. Она не хотела, чтобы знали об этом люди, и очень была огорчена, когда вся Москва, а за ней и Петербург заговорили об этом.

В книге протопресвитера М. Польского «Новые мученики Российские», 1-го тома на с. 268, описывается это свидание:

...Когда он увидел ее... он спросил: «Кто вы?»
«Я его вдова, — ответила она, — почему вы его убили?» «Я не хотел убить вас, — сказал он, — я видел его несколько раз в то время, когда имел бомбу наготове, но вы были с ним, и я не решился его тронуть». «И вы не сообразили того, что вы меня убили вместе с ним?» — ответила она...

Далее Елизавета Феодоровна сказала преступнику, что принесла ему прощение от Сергея Александровича. Она говорила ему об ужасе его греха и просила его покаяться; в руках она держала святое Евангелие и умоляла Каляева прочитать его, но он отказался.

Великая княгиня сказала: «Если вы покаетесь, я попрошу Императора вас помиловать, и я буду молить Господа, чтобы Он простил вас, а я уже вас простила...»

Но Каляев отказался покаяться в своем грехе убийства.

Все же Елизавета Феодоровна оставила святое Евангелие и маленькую иконку на столе в камере преступника, надеясь, что он передумает и обратится к Богу. Выходя из тюрьмы, Великая княгиня сказала ожидавшему ее представителю администрации тюрьмы: «Моя попытка оказалась безрезультатной, хотя, кто знает, возможно, что в последнюю минуту он осознает свой грех и раскается в нем» (слова Великой княгини — из той же книги «Новые мученики Российские» (с. 269)).

Брат Великой княгини Елизаветы Феодоровны, Эрнест, в своих мемуарах писал, что через несколько дней он заметил на окаменевшем лице Эллы промелькнувшую улыбку. Когда он спросил ее о причине, она ответила, что недавно

посетила убийцу Сергея Александровича, Каляева, в тюрьме. Она сделала это потому, что знала, что Сергей чувствовал бы себя несчастным, зная, что кто-то из-за него может потерять покой души. Она сказала, что провела в камере с убийцей около двух часов и когда уходила, то поняла, что почти ничего не достигла. Уходя, она оставила на его столе маленькую иконку и попросила тюремщика сообщить ей, если он заметит какую-либо перемену в поведении заключенного. И далее она сказала брату, что в этот день она узнала от стражника, что Каляев положил ее иконку рядом с собой на подушку. Вот это и обрадовало Елизавету Феодоровну и вызвало на ее измученном лице улыбку¹.

Великая княгиня написала прошение на Высочайшее имя, прося Государя помиловать Ивана Каляева.

Слухи о посещении Елизаветой Феодоровной убийцы супруга преувеличивались и распространялись везде. Но общественное мнение сводилось к тому, что Каляев согласился просить Императора о помиловании. Эти слухи проникли и в тюрьму убийцы, который не замедлил написать Великой княгине оскорбительное письмо²:

«Я не говорил Вам, что я сожалею о том, что я сделал. Но Вы воспользовались моим положением. Если я согласился выслушать Вас, то это только потому, что я смотрю на Вас как на несчастную вдову человека, которого я убил. Мне было жаль Вас в вашем горе, и это все. То, что Вы рассказываете о нашем разговоре, — это для меня оскорбление. Я не хочу помилования, которое Вы просите для меня...»

Для Елизаветы Феодоровны это письмо было ударом. Она никому не рассказывала о своем разговоре с Каляевым.

В книге М. Палеолога «Aux portes du jugement dernier» и в брошюре игумена Серафима «Мученики христианского

¹ Golo Mann «Erinnertes».

² М. Paleologue. «An Ambassador's memoirs». London, Hutchinson & Co, 1923, p. 157—159.

долга» написано, что Великая княгиня Елизавета Феодоровна просила Императора Николая II о помиловании преступника Каляева. Но это прошение было отклонено. Император в этом отношении действовал из тех побуждений, что если он помилует такого террориста, как Каляев, то это только придаст смелости другим революционерам к их дальнейшим кровавым актам.

Император Николай II очень переживал смерть своего дяди Сергея, с которым его связывала тесная дружба.

Императрица Александра Феодоровна была также потрясена этой ужасной кончиной супруга своей сестры Эллы, и это наложило навсегда отпечаток на ее чувствительную душу.

Император и Императрица желали присутствовать на похоронах Великого князя Сергея Александровича, но под влиянием общественного мнения и по совету полицейского управления, они не решились ехать в Москву.

Из великих князей на похоронах Сергея Александровича были только Константин Константинович¹ и родной любимый брат Сергея Александровича Павел Александрович, которому Император разрешил ввиду особого случая — смерти брата — приехать в Россию на похороны.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна, несмотря на свое страшное горе, сама лично разработала все детали церемонии похорон своего супруга.

Елизавета Феодоровна пожелала, чтобы тело ее Сергея покоилось в склепе Чудова монастыря.

В ожидании сооружения этого последнего места упокоения Сергея Александровича гроб с его телом после отпевания временно был поставлен в одну из церквей монастыря.

В день похорон по распоряжению Елизаветы Феодоровны были отпущены бесплатные обеды беднякам города Москвы в помин души усопшего. Отпевание прошло очень торжественно. Почетный караул офицеров стоял вокруг гроба своего командира. Отпевание совершалось высшим духовенством города Москвы. Храм был переполнен людьми

¹ Общеизвестный поэт, подписывавшийся под своими стихотворениями К. Р.

разных сословий, пришедших отдать последний долг покойному Великому князю и разделить горе с его вдовой, которую любила вся Москва. Было много цветов и венков.

После перенесения гроба с прахом Сергея Александровича во временное место упокоения — маленькую церковь Чудова монастыря¹ там ежедневно в течение сорока дней совершались заупокойные литургии и панихиды, и Великая княгиня Елизавета всегда присутствовала на каждой этой службе и часто ходила туда ночами, где молилась в уединении, возносясь в своих мыслях к Богу и молясь за душу новопреставленного супруга. И здесь, в Чудовом монастыре, она почувствовала помощь и укрепление от святых мощей святителя Алексия, митрополита Московского, которого стала с тех пор очень почитать. Этот святой вложил в ее душу желание посвятить свою дальнейшую жизнь Богу².

На месте, где был убит Великий князь Сергей Александрович, Елизавета Феодоровна воздвигла памятник-крест по проекту художника Васнецова. На этом памятнике Великая княгиня выразила настроение своей души, написав великие евангельские слова Спасителя: «Отче, отпусти им: не ведают бо, что творят». Она также знала, что это было и желанием ее Сергея³.

¹ Чудов монастырь основан святым Алексием, митрополитом Московским, в 1365 году в память совершенного им чуда — исцеления от слепоты жены монгольского хана Джанибека — Тайдулы. Ханша Тайдула за свое исцеление испросила у своего супруга милостей для Русского государства. В числе многих тысяч разрушенных коммунистами старинных храмов и монастырей в России был полностью разрушен и этот древний Чудов монастырь в 1928 году.

² Великая княгиня Елизавета Феодоровна носила серебряный крестик с вложенной туда частицей мощей святого Алексия, митрополита Московского. Этот крестик, как и другие некоторые вещи святой мученицы Великой княгини Елизаветы (ее наволочки, платки, поручи), после ее убийства был привезен в храм святой Марии Магдалины в Гефсимании, в Иерусалиме. И этот крест постоянно носила на груди покойная игумения Гефсиманской обители матушка Варвара.

³ Когда пришли к власти большевики, то Ленин, как-то проходя мимо, увидел этот крест. На его вопрос, почему крест до сих пор не сне-

Когда великолепная усыпальница для Сергея Александровича была готова, туда перенесли его гроб. Этот склеп-усыпальница был сделан в стиле древних римских катакомб.

В начале 1990 года, когда производились земляные работы на месте взорванного коммунистами Чудова монастыря, был обнаружен вход, ведущий вниз, к закрытой двери. Когда в присутствии искусствоведа дверь была открыта, то за ней оказалась часовня с гробницей. Гробницу вскрыли. Там были обнаружены останки Великого князя Сергея Александровича, прикрытые военным мундиром с орденами и образком. Говорят, что серебро, покрывавшее крышку гроба, было снято, но гроб с прахом покойного князя оставался на месте до 1995 года, когда его останки были с честью перенесены и погребены в усыпальнице семьи Романовых в Новоспасском монастыре.

Краткая история этого монастыря. Он был основан в 13-м веке князем Даниилом Московским и назван Спасским. Потом Иоанн Калита перенес монастырь на новое место, и, наконец, в 15-м веке Спасский монастырь перевели на левый берег Москвы-реки и переименовали его в Новоспасский. Здесь при Иоанне III был заложен собор в честь Преображения Господня. Этот монастырь стал местом упокоения семьи Романовых до 18-го века, когда столицей России был объявлен город Санкт-Петербург. В монастыре, по описи 17-го века, находилось семьдесят гробниц царских предков. Там похоронена и инокиня Марфа, мать первого Государя из династии Романовых.

Новоспасский монастырь перенес большое разорение в дни Наполеона в 1812 году, но большее разорение он претерпел от большевиков в 1918 году, когда коммунисты закрыли монастырь, монахов разогнали: кого арестовали, кого сослали или расстреляли. В монастыре варвары-коммунисты устроили

сен, его сопровождающие услужливо стали давать какие-то сбивчивые объяснения. Тогда вождь пролетариата потребовал канат. Получив его, он с помощью Янкеля Свердлова сделал петлю и накинул ее на крест. Подоспевшие товарищи помогли мерзавцу Ленину свалить и разрушить этот крест.

тюрьму для заключенных. Гробницы они вскрыли и изломали — искали там золото.

Когда советская власть ликвидировала в монастыре тюрьму, там НКВД устроило какой-то склад, а во время войны с немцами в склепе было оборудовано бомбоубежище. Теперь в усыпальнице осталось только двадцать гробниц вместо семидесяти. Гроб инокини Марфы сохранился, также чудом уцелел и иконостас главного, Спасо-Преображенского храма, среди которого имеется ценнейшая Смоленская икона Божией Матери, именуемая «Одигитрия», — дар инокини Марфы.

Передача Новоспасского монастыря Российской Православной Церкви состоялась в 1991 году, и с тех пор монастырь реставрирован и восстановлен в своем прежнем величии.

* * *

Остается еще сказать несколько слов об инспираторах этого кровавого дела — убийстве Великого князя Сергея Александровича — Савинкове и Азефе.

Согласно книге М. Палеолога «Aux portes du jugement dernier», когда Каляев бросал бомбу в Великого князя, Борис Савинков, Моисеенко и сообщница Савинкова Дора «Прекрасная» стояли невдалеке и наблюдали эту сцену убийства.

Как только произошел взрыв бомбы Каляева, все трое сообщников моментально скрылись из Кремля, а ночью все они сели на поезд на Смоленском вокзале и уехали из Москвы. Лица у всех троих сияли счастьем.

Убийство Великого князя для историков было загадочным до 1909 года, когда было установлено, что Азеф числился в списках агентов секретной полиции и ему платили жалованье в размере 14000 рублей в год. (Сведения из той же книги М. Палеолога.)

В книге «The fall of the Romanoffs» (London, Herbert Jenkins) на с. 34 написано: «... предательское участие Азефа, одного из самых ценных секретных агентов полиции, в организации этих убийств (Плеве и Великого князя Сергея Алек-

сандровича. — *Авт.*), не вызывает ни малейших сомнений...»
(пер. с англ.)

Каляев на суде держал себя вызывающе и чувствовал себя героем. В своей книге М. Палеолог, в гл. 7, описывает суд над Каляевым (пер. с фр.): «... когда ему было дано последнее слово перед вынесением приговора, он сказал самым спокойным тоном: «Будьте осторожны в вынесении мне приговора. Если я буду оправдан, я скоро снова возьму оружие в руки, чтобы уничтожить царизм и освободить русский народ. Вы поэтому должны приговорить меня к смертной казни. Я повторяю свое требование, и я требую публичной казни».

Ему был вынесен смертный приговор.

На следующий день министр юстиции Сергей Манушкин пришел к Императору с докладом и просил уважить просьбу Великой княгини Елизаветы Феодоровны и помиловать Ивана Каляева.

Государь ему ничего не ответил и отпустил его, но сейчас же вызвал к себе Ковалевского, директора департамента полиции и дал ему секретное поручение.

В это время Каляева уже перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Через несколько дней в его камеру вошел представитель Генерального прокурора Федоров, которого Каляев знал еще в студенческие годы. Федоров обратился к нему со словами: «Мне поручено передать вам, что если вы обратитесь с просьбой к Государю о помиловании, то его Величество помилует вас».

Каляев твердо ответил, что он желает умереть за свою идею. Федоров продолжал в убедительном и мягком тоне уговаривать его, и убийца дрогнул. На его глазах появились слезы. Но он был тверд и сказал: «Я хочу умереть, я должен умереть. Моя смерть будет даже полезнее, чем смерть Великого князя Сергея для цели революции».

Тогда Федоров понял, что переубедить Ивана Каляева он не может, и с печалью в сердце покинул камеру несчастного.

Публичной казни, как этого хотел Каляев, не было. Но убийца-фанатик, уверенный в правоте своего преступ-

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
в придворном русском бальном платье в 1885 г.*

*Великая Княгиня Елизавета
Феодоровна в 1886 г.*

*Великий Князь
Сергей Александрович*

Счастливые годы. Групповая семейная фотография 1894 г. Слева направо: сидят — принцесса Прусская Ирена, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великая герцогиня Виктория Мелита, Великий Князь Сергей Александрович; стоят — Наследник Российского престола Цесаревич Николай Александрович, принцесса Алиса Гессенская, принцесса Виктория Баттенбергская, Великий герцог Эрнест Людвиг

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
в доме Ильинского. 1901 г.*

*Фотография Великой
Княгини Елизаветы
Феодоровны.*

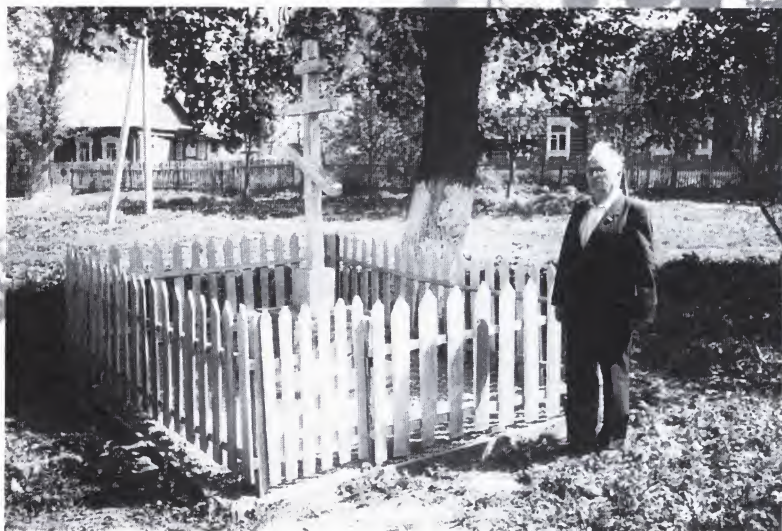
*Внизу ее автограф:
«Елисавета, Москва:
1904—1905»*

*Общий вид на Гефсиманский сад и храм
святой Марии Магдалины в Иерусалиме*

*Андрей Алексеевич Рудинкин,
кучер Великого Князя Сергея Александровича*

*Могила кучера Великого Князя Сергея Александровича —
Андрея Алексеевича Рудинкина.
На снимке — внук кучера Ю. А. Рудинкин.
Снимок 1999 года, любезно предоставлен В. Кузнецовым*

*Храм святой Марии Магдалины по окончании его постройки.
Снимок сделан до освящения храма*

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
перед принятием ею сана настоятельницы
Марфо-Мариинской обители*

*Крест-памятник, воздвигнутый
Великой Княгиней Елизаветой Феодоровной на месте
убийства Великого Князя Сергея Александровича.
Крест был снесен собственноручно палачами
Владимиром Лениным и Янкелем Свердловым*

Вид храма обители со стороны колокольни

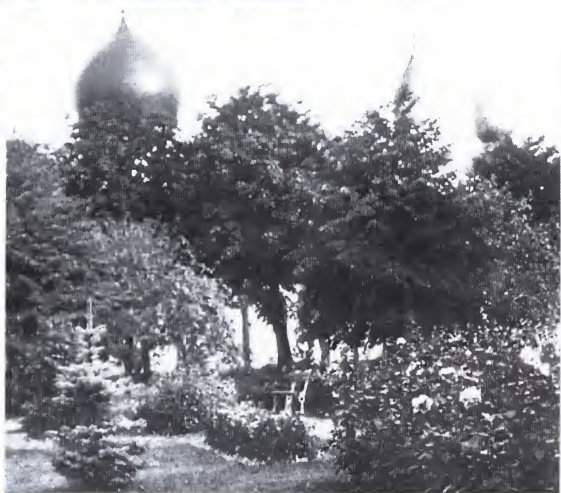
*По происхождению немецко-английская принцесса,
но ставшая по духу чисто русской, Великая Княгиня
Елизавета Феодоровна*

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна,
настоятельница Марфо-Мариинской обители*

Соборный храм Марфо-Мариинской обители во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Построен по плану академика А. В. Щусева. Роспись стен и иконостаса — академика М. В. Нестерова

Сад Марфо-Мариинской обители милосердия

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна
у стены созданной ею обители*

*Протоиерей Митрофан
Сребрянский (архимандрит
Сергий) († 5 апреля 1948 г.)*

*Великая Княгиня Елизавета Феодоровна и ее сестра
принцесса Виктория Баттенбергская
в Марфо-Мариинской обители*

*Храм святой Марии Магдалины в Гефсимании, в Иерусалиме,
где покоятся мощи святых Преподобномучениц
Великой Княгини Елизаветы и инокини Варвары*

ления, был повешен в Шлиссельбургской крепости в мае 1905 года.

Каляев не дожил до революции 1917 года и не увидел своими глазами, какую «свободу» принесла эта революция русскому народу и сколько миллионов людей погибло в застенках ЧК, ГПУ, НКВД, КГБ и в лагерях смерти ГУЛАГа.

ГЛАВА 10

С момента кончины Великого князя Сергея Александровича Елизавета Феодоровна еще глубже ушла в молитву. Она не снимала траур, все время проводила в храме и очень редко куда выходила. Она получила полное отвращение ко всякой животной пище. Вероятно, ужас той картины, которая представилась перед ней после взрыва бомбы, навсегда оттолкнул ее от употребления мяса и даже рыбы. Ее ежедневным столом являлись теперь только молоко, хлеб, овощи и яйца. И этим она питалась еще задолго до того, как стала монахиней.

На ее лице все время оставалось выражение безысходной тоски, и это продолжалось до тех пор, пока она не осознала суетности этого мира и не перешла в мир духовной жизни. Тогда ее глаза стали излучать спокойствие и радость, как будто она своим внутренним взором уже видела красоту иного мира.

Елизавета Феодоровна не отошла от своего общественного и благотворительного труда, а, наоборот, отдалась ему еще с большим усердием. Во всех домашних и хозяйственных делах она следовала по стопам своего покойного супруга, и при каждом возникавшем вопросе ее первой мыслью было: «Как в этом случае поступил бы Сергей?» (Из воспоминаний Великой княгини Марии Павловны.)

Елизавета Феодоровна изменила вид своей спальни в Николаевском дворце, которая стала напоминать монашескую келью. Вся роскошная мебель была оттуда вынесена. Стены перекрашены в белый цвет и кругом повешены только иконы и картины духовного содержания. В углу она поставила большой деревянный крест, внутри которого были вложены куски одежды Сергея Александровича, в которой он был в момент своей смерти.

Чтобы не быть одной на праздник Святой Пасхи, Великая княгиня поехала с детьми в Царское Село, где среди Императорской семьи она надеялась забыть свое горе.

Но праздничные дни Светлого Христова Воскресения 1905 года проходили в атмосфере предчувствий грядущих тяжелых событий: русская армия продолжала терпеть поражения на фронте, а внутри страны все явственнее ощущалась работа революционеров. Настроение Императорской четы не было веселым.

Елизавета Феодоровна первый год встречала праздник Святой Пасхи одна, без мужа. Вероятно, она вспоминала счастливые годы, когда вдвоем с Сергеем она так радостно проводила эти великие дни, и эти воспоминания усугубляли ее грусть. Она старалась бежать от светской жизни и искала себе новых путей.

На летний период она поехала в Ильинское, где решила организовать госпиталь для раненых. Этому делу она стала уделять все свое время. Не жалея себя, она ухаживала за ранеными и в этой работе стала находить себе успокоение.

В Москве, около Кремля, Елизавета Феодоровна арендовала помещение и открыла там тоже госпиталь для раненых. Таким образом, сама еще не сознавая этого, она стала готовить себя к полному самоотречению и самопожертвованию для блага других.

Осенью 1905 года революция шагала уже полными темпами: крестьяне жгли помещичьи усадьбы и жестоко расправлялись с помещиками, рабочие бастовали, в губерниях было убито несколько губернаторов.

После заключения мира с Японией возник вопрос о скорейшем возвращении русских войск с Дальнего Востока в Россию. Но это очень осложнялось забастовкой рабочих железных дорог.

Забастовки и беспорядки всколыхнули всю Россию, а в Москве все это безумие грозило разразиться полным восстанием.

Великая княгиня Мария Павловна в книге «Education of a Princess» пишет, что все средства сообщения: почта, телеграф

и телефон — были прерваны; в городе ощущался недостаток в воде и провизии. Николаевский дворец освещался только потому, что в Кремле была своя электросиловая станция, но вечерами боялись зажигать огни. Лампы в комнатах дворца стояли под столами, чтобы не привлекать внимания извне. Ворота Кремля держали закрытыми, и только днем можно было въехать туда по особому пропуску.

Несмотря на предупреждения полиции, Великая княгиня Елизавета продолжала ежедневно выезжать из Кремля, чтобы быть в своем госпитале.

В той же книге Великая княгиня Мария Павловна описывает один такой случай, когда ввиду особо тревожного положения в городе Елизавета Феодоровна, чтобы не быть узнанной, пошла в свой госпиталь пешком в сопровождении только одного генерала Лайминга¹.

Был уже поздний вечер, а Елизавета Феодоровна все не возвращалась домой. Княжна Мария с братом Дмитрием стали очень беспокоиться, не случилось ли какого несчастья с их тетей Эллой.

Когда Великая княгиня вернулась домой и села за стол, где ожидал ее уже давно остывший ужин, княжна Мария, несмотря на приученную сдержанность и строгие правила этикета, не выдержала и стала высказывать все, что накопилось в ее молодой душе, упрекая Елизавету Феодоровну в излишнем рвении и неосторожности.

Великая княгиня сидела молча и не прерывала ее. Когда же Мария Павловна упомянула имя Сергея Александровича, она опустила голову и заплакала. Потом она начала говорить, что госпиталь и раненые стали для нее главным в ее жизни и что этого Сергей, вероятно, не одобрил бы. Она говорила о своем одиночестве и о том, что, ухаживая за несчастными больными, она забывает свое горе.

После этого разговора Великая княгиня, чтобы не причинять беспокойства детям, больше не ходила в свой госпиталь по вечерам.

¹ Генерал Лайминг был воспитателем князя Дмитрия и искренним другом семьи.

Одно письмо Елизаветы Феодоровны брату Эрнесту до некоторой степени отражает тревожное положение в России в революцию 1905 года, а также и состояние души Великой княгини, и ее любовь к России. Она еще во время первой революции была полна решимости, если настанет опасная ситуация, не только не оставлять своей новой родины — России, но даже и умереть там.

Москва, 19 ноября/2 декабря 1905 г.

Дорогой Эрни!

Только несколько строк, которые я попросила Машу взять, так как она едет в... и наша почта опять остановилась. Все идет от худшего к худшему, и не надо строить себе никаких иллюзий, что лучшее время наступит через несколько месяцев. Мы живем во времена революции. Как все обернется — никто не знает, так как правительство такое слабое, или, скорее сказать, кажется, что его и не существует.

Физически мы себя чувствуем очень хорошо и имеем крепкие нервы и не думаем переезжать. Ничто не сможет заставить меня оставить это место. Конечно, если случится самое худшее, я всегда смогу безопасно отправить детей Павла. Но я буду или жить, или умру здесь. Мне кажется, что я выросла в это место, и не боюсь. Я вполне спокойна и счастлива, да, счастлива сознавать, что мой дорогой¹ находится в мире близко от Бога и что он не переживает это ужасное время.

Мои молитвы и сердце — около тебя. Мы всегда рядом; и наша жизнь готовит нас к Следующей, и мы должны быть готовы так, как только наши слабые души могут, чтобы идти в наше Настоящее жилище. Да благословит вас обоих Господь, дорогие.

Твоя любящая Элла.

¹ Покойный супруг Елизаветы Феодоровны.

В поздравительной открытке брату Эрнесту к Рождеству Христову и Новому, 1906 году Елизавета Феодоровна писала:

...Да поможет нам Господь перейти от этого тяжелого времени к лучшему будущему, когда мы сможем встретиться с вами, дорогие. Теперь наши молитвы соединяются в нежной любви, *и да будет всегда так...*

17 октября (ст. ст.) 1905 года Император Николай II подписал Манифест о создании Государственной Думы.

* * *

Когда и при каких обстоятельствах зародилась мысль у Великой княгини Елизаветы Феодоровны о создании Марфо-Мариинской обители — неизвестно. Вероятно, это было в конце 1906 года.

Продолжая носить траур по мужу, Елизавета Феодоровна ходила по церквям и госпиталиям. Ни на каких светских увеселениях она не появлялась. Если ей необходимо было присутствовать на бракосочетаниях или крестинах родственников или друзей, то она приходила только в храм, чтобы помолиться во время самого таинства, а на официальную часть торжества никогда не оставалась. Сразу же после церковного обряда она уезжала к себе домой.

В высшем свете ее некоторые упрекали за то, что она не выпивала и бокала шампанского за здоровье молодых или крещеного младенца. Но на эти разговоры Елизавета Феодоровна не обращала внимания. Ее мысли были заняты совершенно другим. Она хотела всю свою остальную жизнь посвятить служению Богу и людям¹.

¹ Когда племянница Елизаветы Феодоровны, Мария Павловна, выходила замуж за шведского принца Вильяма в 1908 году, Великая княгиня, одетая в простое белое креповое платье с белой вуалью на голове, благословила невесту иконой и присутствовала только в храме во время бракосочетания. На свадебный прием она не осталась.

Брак Великой княгини Марии Павловны не был удачным. Вскоре она разошлась с мужем и, тоскуя по родине, вернулась из Швеции в Россию. Во время Первой мировой войны, окончив курсы сестер ми-

У Великой княгини Елизаветы были замечательные драгоценности. Ее муж Сергей Александрович любил драгоценные камни и красивые украшения и всегда делал прекрасные подарки своей супруге в виде дорогих ювелирных изделий. Драгоценные вещи Елизаветы Феодоровны находились в специальных шкатулках в шкафу, и по количеству и красоте их можно было сравнить только с выставкой ювелирного магазина (из воспоминаний Великой княгини Марии Павловны).

Елизавета Феодоровна, как сказано выше, любила красиво и со вкусом одеваться и украшала свои наряды драгоценностями. Сергей Александрович также заботился, чтобы его супруга была всегда соответствующе одета.

Теперь, после кончины мужа, Великая княгиня хотела покончить навсегда с прошлой жизнью. Она решила употребить все свое богатство на благо и нужды других.

Она знала историю каждой своей драгоценной вещи, и все это было связано с ее любимыми: с дорогими матерью и отцом, с бабушкой, королевой Викторией, с сестрами и братом, с Сашей и Минни и с Сергеем. То или иное украшение навевало грустные воспоминания о родительском доме и о прошедшей счастливой жизни. Теперь все это кончилось. Ее мать, отец, королева Виктория и Саша, чьи подарки так согревали Елизавету Феодоровну, уже ушли в иной мир, а теперь за ними последовал и Сергей.

Великая княгиня решила сразу расстаться со всеми этими дорогими вещами, чтобы больше ничто не связывало ее со светской жизнью. Впереди стояли другие задачи и другая жизнь ожидала ее.

Она собрала все свои украшения, сняла с руки обручальное кольцо и тоже присоединила его к ним. Все это она тщательно рассортировала и разделила на три группы. Одна —

лосердия, Мария Павловна работала сначала сестрой на передовых позициях, а потом заведовала госпиталем для раненых в Пскове. После революции она вторично вышла замуж — за князя Путятина — и бежала с мужем за границу, где провела много лет в труде и скитаниях. Она описала свою жизнь в книгах «Education of a Princess», New York, Viking Press 1931, и «A Princess in exile», Cassele and C^o Ltd., USA. 1932.

подарки от Императорской семьи — были отданы казне; другую часть Великая княгиня подарила своим родственникам, а третью, самую большую, она решила употребить на осуществление задуманного ею плана — постройки обители молитвы, труда и милосердия.

Кроме драгоценностей, она собрала все свои ценные предметы искусства и стала все это распродавать, чтобы собрать больше денег для будущей Марфо-Мариинской обители. К Елизавете Феодоровне вернулась энергия, прежде утраченная от горя, и окружавшие ее близкие и друзья заметили, что она обрела какую-то цель в жизни, к которой стала стремиться. Но о своих мыслях и идеях она пока ничего никому не говорила.

ГЛАВА 11

Брат Елизаветы Феодоровны Эрнест в своих мемуарах писал, что Элла годами наблюдала жизнь русских монахинь и она пришла к заключению, что монахини в монастырях, кроме рукоделия, никакой другой практической работой не занимаются, а сестры милосердия настолько свободомыслящие, что многие к ним относятся отрицательно. Поэтому она решила основать что-то среднее между монастырем и учреждением сестер милосердия¹.

Жизнь русских монахинь православных монастырей базировалась на правилах святого Василия Великого. Поступая в монастырь, монахиня полностью отрекалась от всего земного и от общения со светским миром. Монастырские службы с ночными молениями; очень строгий пост, постоянная молитва и созерцание духовного мира; наблюдение за своими поступками, мыслями и, конечно, беспрекословное подчинение монастырскому уставу — такой была жизнь русских монахинь. Из монастырей монахини могли отлучаться только в редких случаях по разрешению игумении. Обычно это было тогда, когда они шли по разным селениям с кружками для сбора пожертвований на монастырь.

Этот путь русского монашества Великая княгиня Елизавета Феодоровна очень уважала. Но она думала, что постоянная молитва и внутреннее созерцание должны быть конечным вознаграждением для тех, кто уже отдал все свои силы на благо служения Богу через ближнего своего. Она считала, что работа является основой религиозной жизни, а моление — это как отдохновение после трудов души и тела². Она хотела сна-

¹ Golo Mann. «Erinnertes».

² Countess Alexandra Olsoufieff. «H. R. H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia».

чала послужить людям, как заповедал Иисус Христос в святом Евангелии: «Ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня». И на вопрос праведников, когда они так поступали, Господь ответил им: «... так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 35—36, 40).

У Великой княгини стал часто бывать священник о. Александр, отличившийся своим ревностным служением и бесстрашием на фронте Русско-японской войны. С ним Елизавета Феодоровна вела долгие беседы. Этот священник и одна дама, вдова, г-жа Узлова, чей муж погиб от рук революционеров, были единственными людьми, которых Великая княгиня посвятила в свои планы о создании Марфо-Мариинской обители.

В Москве Елизавета Феодоровна купила усадьбу с четырьмя домами и большим садом. Это место находилось на дальней стороне от Москвы-реки, вдоль Большой Ордынки. Здесь она решила учредить свою обитель и дать ей наименование Марфо-Мариинской — в честь святых Марфы и Марии.

В главном большом двухэтажном доме были устроены столовая для сестер, кухня, кладовая и другие хозяйственные помещения. Другой дом был оборудован для больницы, которая состояла из четырех палат, отдельных комнат для тяжелобольных, операционной и перевязочной. Часть этого же дома была перестроена под церковь.

Рядом с больницей были устроены аптека и амбулатория для обслуживания приходящих больных. Тут же, рядом с храмом и больницей, находился дом настоятельницы. В верхнем этаже четвертого дома была отведена квартира для священника-духовника, а в нижнем — были размещены классы школы для девочек Марфо-Мариинского приюта и библиотека.

Вокруг зданий и храма Елизавета Феодоровна устроила прекрасный сад.

Как пишет игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» (с. 11), «... можно сказать, что не было деревца, которое

не было бы посажено по ее указанию, не было гвоздя, вбитого не по ее распоряжению...».

В чудесном саду обители, где могли гулять выздоравливающие пациенты госпиталя, играть дети приюта и отдыхать сестры обители после тяжелых трудов дня, были посажены душистые цветы, главным образом белого цвета. Белый цвет был любимым цветом Великой княгини.

Очень занятая строительством на Ордынке, Елизавета Феодоровна одновременно разрабатывала устав своей обители. Ей приходилось обдумывать каждый его пункт и вести переговоры и переписку с членами Святейшего Синода.

Несмотря на такую занятость, она никогда не забывала и о своем долге помощи нуждающимся. Двери ее дома всегда были открыты для просителей всякого чина и сословия. Она никому не отказывала, вникала в нужды каждого и помогала, в чем могла. Иногда, чтобы помочь просящему, она использовала свое положение и связи не только в России, но привлекала для этого и своих родственников, живущих за границей.

В одном письме брату Эрнесту, хранящемуся в дармштадтском Архиве, Елизавета Феодоровна просит брата помочь бедному молодому русскому художнику, едущему за границу совершенствовать свой талант:

1908 г.

Дорогой Эрни!

Я посылаю совсем молодого русского художника в Англию. К сожалению, он не говорит ни на каком другом языке, но я собираюсь устроить его жить вместе с кем-нибудь, кто сможет помогать ему. Только высокая протекция поможет открыть для него много дверей... он живет от своих картин; только недавно окончил курс художества в академии в Москве... Он хочет усовершенствовать себя и боится строгой критики... что часто убивает талант. Я посылаю тебе маленький подарок — «Взгляд язычника

и христианина» его работы, ты сможешь сам судить... Будь столь добрым, закажи ему несколько картин; может быть, родственники также купят несколько — немного заработанных денег помогут ему...

Вся жизнь Великой княгини Елизаветы Феодоровны была ее постоянной работе, в устройстве Марфо-Мариинской обители и в молитве. Работы было так много, что она часто ложилась спать далеко за полночь. Посещая монастыри, Великая княгиня вела беседы с подвижниками земли Русской, и под их руководством она неуклонно поднималась по ступеням своего совершенствования. Она читала «Иисусову молитву» все время: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Этим она исполняла молитвенное правило святого преподобного Серафима Саровского, составленное для мирян¹. Когда Елизавета Феодоровна начала творить эту молитву, нам неизвестно. Но в своем письме брату Эрнесту в 1908 году она писала, что посылает ему четки и просит его читать эту молитву².

Это письмо, которое Елизавета Феодоровна писала сразу по возвращении своем в Москву из Ливадии, насыщено покоем и тихой радостью, навеянной созерцанием красоты

¹ Святые отцы Церкви Христовой учат, что творить Иисусову молитву постоянно вполне возможно и доступно не только монашествующим, но и мирянам. Такая постоянная молитва приводит душу человека к созерцанию Бога и создает привычку как бы находиться все время пред лицом Самого Господа Иисуса Христа.

О постоянной молитве говорил и святой апостол Павел в своих посланиях: к Ефесянам (6, 18), к Фессалоникийцам (5, 17) и к Римлянам, где писал: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется» (10, 13).

² На фотографиях, где Елизавета Феодоровна снята в одеянии Марфо-Мариинской обители, она в руке держит четки. Великая княгиня не расставалась с ними и каждую свободную минуту, перебирая четки, читала Иисусову молитву. Когда в 1981 году, перед прославлением Новомучеников Российских, был открыт гроб с мощами святой мученицы Великой княгини Елизаветы в Иерусалиме, то там у нее в руках были обнаружены четки. В настоящее время эти четки и маленькие металлические иконки, найденные в гробу святой мученицы, находятся в стеклянном ящике рядом с ее гробницей в храме святой Марии Магдалины в Гефсимании.

весенней природы Крыма и беседами с любимыми родными, с которыми она встретилась в Ливадии: с Императорской четой и братом Эрнестом.

Смерть одной из ее помощниц — сестры милосердия не приводит ее в уныние. Наоборот, она видит в этом только переход души в лучший мир.

Когда Великая княгиня возвращалась из Ливадии в Москву, она остановилась на несколько часов в Белгороде, где молилась у мощей святого Иоасафа Белгородского, которого очень почитала.

Это письмо брату приводится здесь почти полностью:

Март — апрель 1908 г.

Мой дорогой!

Спасибо и еще раз спасибо за всю твою нежную любовь и любовь твоих близких, которая всегда обвеваает меня. Это было так хорошо — видеть тебя, и время в Ливадии было действительно полно покоя и радости. Смерть моей маленькой сестры милосердия принесла мне только свет из другого мира; ничего не было печального, только связь с нашим Вечным домом... Как раз в то время мы жили в земном раю расцветающей весны с ее прекрасными цветами. Моя церковь по утрам, наши каждодневные беседы и видеть семью Ники, хорошо выглядевшей и довольной, было великим, великим утешением. Аликс была такой милой, что пришла так рано в церковь, чтобы помочь мне при моем святом Причащении Тела и Крови Христовой. Хорошая душа с добрым сердцем. Да сохранит ее Христос от всего плохого. Пусть все они¹, которые смотрят на Него с такой твердой верой, будут видеть ясно свой путь для блага их страны и для их полного личного мира.

¹ Императорская семья.

Здесь¹ их ожидают всегда с радостью и трепетом. Но это долгоожидаемое посещение может опять не состояться... Все я нашла здесь в полном порядке. Моя остановка на несколько часов в Белгороде у мощей святого Иоасафа была таким наслаждением! Я была там в церкви и провела несколько часов в женском монастыре, откуда я посылаю тебе прекрасную копию Пресвятой Девы и Христа, четки, окрашенные веществом, издающим аромат. Если ты оставишь их на ночь в комнате, они будут прекрасно пахнуть. Я дала такие и Ирине², которая была в торговле. Молитва, которую мы говорим, — на каждой бусине:

«Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешного». Эту молитву каждый христианин повторяет, и хорошо с ней засыпать, и хорошо с ней жить. Говори ее иногда, дорогой, в память твоей старшей любящей сестры.

Элла.

О, как я бы желала поехать и увидеть вас, дорогих, или чтобы ты приехал сюда скоро опять. Но это в воле Господней. Его пути такие неисповедимые и такие прекрасные — всегда и всегда благодарю за все.

Я только написала каракулями несколько строк Алике и составила лист вопросов, так как имею массу дел, а теперь почти половина второго ночи. Скажи ей и Ники, как глубоко я была тронута и счастлива, когда я была с ними, и что я ожидаю их здесь с такой большой, большой радостью. Пусть их пребывание в их старой дорогой Москве будет особенно благословенным и счастливым.

¹ В Москве.

² Сестра Елизаветы Феодоровны.

Учреждая свою обитель, Елизавета Феодоровна решила посвятить ее святым Марфе и Марии, сестрам Лазаря, которого Господь воскресил к жизни после четырехдневной смерти.

Святое Евангелие говорит, что когда Спаситель пришел в дом Лазаря, то одна из его сестер, Марфа, хлопотала, чтобы хорошо принять Божественного Гостя, а другая сестра, Мария, села у ног Спасителя и внимала Его словам. И на вопрос Марфы, почему Мария не идет помогать ей, святой Евангелист Лука передает ответ Спасителя следующими словами: «Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благу ю часть, которая не отнимется у нее» (Лк. 10, 41—42).

Здесь святая Церковь объясняет слова Спасителя так, что Господь не осудил Марфу за ее усердие угодить Ему. Он только хотел вразумить ее и предостеречь от чрезмерного увлечения мирскими хлопотами, потому что ее любовь к Нему выражалась чисто по-человечески. Мария же сразу поняла, что такое «единое на потребу», и поэтому села у ног Иисуса Христа и слушала Его. Марфа является образом деятельного служения Богу, в то время как Мария — созерцательного углубления в Божественные Таины.

Вероятно, так понимала и Великая княгиня Елизавета толкование притчи о Марфе и Марии, когда она назвала свою обитель Марфо-Мариинской, где должны были сочетаться две добродетели: служение Господу через ближнего своего — служение Марфы — и непосредственное служение Богу через молитву и работу над собой — служение Марии.

Архиепископ Анастасий в своей брошюре «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» на с. 8 пишет:

Очень знаменательно само наименование, какое Великая княгиня дала созданному ею учреждению — Марфо-Мариинская обитель; в нем заранее предопределялась миссия последней. Община предназначалась быть как бы домом Лазаря, в котором так часто пребывал Христос Спаситель. Сестры обители призваны были соединить и высокий жребий Марии,

внемлющей вечным глаголам жизни, и служение Марфы, поскольку они учреждали у себя Христа в лице Его меньших братьев...

Осуществляя план создания Марфо-Мариинской обители, Великая княгиня хотела в ней возродить древний институт диаконис.

О диаконисах в литературе Православной Церкви почти ничего не сохранилось. Известно, что орден диаконис существовал в Древней Церкви в первые века христианства — тогда, когда еще не было монастырей. Диаконисами в те времена могли быть вдовы или девы уже немолодого возраста. Они занимались в основном катехизацией — иными словами, приготовлением женщин-язычниц, готовящихся принять христианство. Диаконисы помогали им при Таинстве крещения, а также занимались и благотворительной работой. Но точных данных по этому вопросу не сохранилось.

Нам неизвестно, что имела в виду Великая княгиня Елизавета Феодоровна в своем желании возродить этот орден диаконис. Может быть, в бумагах архива Святейшего Синода России и сохранился где-то материал об этом, но нам, живущим за границей, этот материал, если он и есть, недоступен.

Елизавету Феодоровну в ее стремлении возродить институт диаконис поддерживал первомученик Российский митрополит Владимир. Епископ же Гермоген Саратовский (позднее Тобольский, тоже мученик, зверски убитый большевиками) был против этого.

Архиепископ Анастасий лично хорошо знал Елизавету Феодоровну по Москве и был ее сторонником. В своей брошюре «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» на с. 9 он писал:

Стремясь быть во всем послушной дочерью Православной Церкви, Великая княгиня не хотела воспользоваться преимуществами своего положения, чтобы в чем-нибудь, хотя бы в самом малом, освободить себя от подчинения установленным для всех правилам или нарочитым указаниям церковной

Марфо-Мариинская обитель милосердия

власти... Одно время, например, она серьезно думала о возрождении древнего института диаконис, в чем ее горячо поддерживал митрополит Московский Владимир, но против этого по недоразумению восстал епископ Гермоген (в то время Саратовский, после он был в Тобольске, где мученически окончил жизнь), обвинив без всяких оснований Великую княгиню в протестантских тенденциях (в чем потом раскаивался сам). Он заставил ее отказаться от взлелеянной ею идеи.

Непонятая в своих стремлениях и обвиненная в протестантизме, Елизавета Феодоровна мужественно перенесла это испытание и продолжала дальше упорно работать над созданием своего детища — Марфо-Мариинской общины.

Она долго трудилась над составлением устава своей новой обители. Ездил несколько раз в Зосимовский монастырь, где обсуждала свой проект со старцами; писала в разные монастыри и духовные библиотеки мира; изучала уставы старинных монастырей. Это была большая и кропотливая работа.

Монастырь с сочетанием благотворительной и медицинской работы — это была обитель, которую стремилась создать Великая княгиня. В основу Марфо-Мариинской общины был положен упорный и огромный труд Елизаветы Феодоровны¹.

Обитель милосердия, труда и молитвы была совершенно новым учреждением, которое когда-либо существовало в России, и поэтому естественно, что некоторые из членов Святейшего Синода отнеслись к этому новшеству скептически. Елизавете Феодоровне пришлось несколько раз переделывать проект устава своей обители, чтобы удовлетворить все требования Святейшего Синода².

Светское общество, видя, какой духовный переворот совершился в душе Елизаветы Феодоровны, не могло понять

¹ Когда Марфо-Мариинская обитель была учреждена и утверждена, и тогда Великая княгиня все время продолжала работать над ее расширением и усовершенствованием, и это она делала вплоть до революции.

² О препятствиях, которые встретила Великая княгиня Елизавета на пути создания ею Марфо-Мариинской обители, подробно написано в книге Е. М. Almedingen «An Unbroken Unity».

этого. Многие из окружавших ее «друзей», далекие от высоких порывов души, видевшие смысл жизни в удовлетворении своих чисто земных потребностей и в удовольствиях, неодобрительно отнеслись к намерениям Елизаветы Феодоровны уйти от мира и критиковали ее. Но Великая княгиня хорошо знала, что, встав на истинный путь Христов, надо быть всегда готовой к перенесению многих испытаний. Она знала, что когда делается какое-либо богоугодное дело, то оно никогда легко не устраивается.

Император Николай II ясно понимал идею создания Марфо-Мариинской обители и одобрял ее. Он своим Высочайшим указом помог ускорить утверждение обители Елизаветы Феодоровны Святейшим Синодом¹.

* * *

Обитель святых Марфы и Марии начала свою деятельность, базируясь на временном уставе, 10 февраля 1909 года (дата — по старому стилю).

Великая княгиня Елизавета Феодоровна занимала только три небольшие комнаты. Это были ее кабинет, гостиная и спальня. Стены этой скромной квартиры были окрашены в белый цвет, и мебель стояла самая необходимая и простая: стол, плетеные стулья и деревянная кровать. По стенам висело много икон. В доме настоятельницы была еще приемная и молельня, где выделялся большой образ святого преподобного Серафима Саровского.

Все здания обители, кроме дома священника, соединялись коридорами, так что можно было их обойти, не выходя наружу.

В 1909 году Елизавета Феодоровна купила еще участок с домом, прилегавший к саду обители. Часть этого дома была перестроена для общежития сирот, а другая часть отведена под гостиницу для приезжающих говеть в святую обитель.

При открытии Марфо-Мариинской обители Милосердия (такое название было за ней закреплено Святейшим Синодом) там было всего шесть сестер, но в течение года число их

¹ Об участии Императора Николая II в деле утверждения Марфо-Мариинской обители написано в книге М. Палеолога и у Е. М. Алмединген.

увеличилось до тридцати и продолжало все время возрастать. Это были молодые женщины из разных слоев общества — от княгинь до крестьянок, которые, воодушевленные примером Великой княгини Елизаветы, решили посвятить свою жизнь Богу.

Первый храм, который был построен рядом с больницей (прозванный больничным), был освящен епископом Трифоном 9 сентября 1909 года (по ст. стилю) во имя святых Жен Марфы и Марии. В престол храма были вложены частицы мощей святых: Алексия, митрополита Московского, святой праведной Елизаветы, небесной покровительницы Великой княгини, и святого Иоанна Лествичника¹.

Второй большой храм, в честь Покрова Пресвятой Богородицы, Елизавета Феодоровна построила в 1911 году². Проект этого храма был сделан академиком А. В. Щусевым, а расписан кистью художника М. В. Нестерова.

Здесь уместно привести некоторые подробности росписи этого храма, пользуясь книгой академика М. В. Нестерова «Воспоминания»³.

¹ «Марфо-Мариинская обитель Милосердия». Москва, Синодальная типография, 1914.

² В «Литературной газете» (№ 40 за 4 октября 1989 года), в статье протоиерея Александра Шаргунова «Подвижники» было написано следующее: «С арестом настоятельницы обитель практически прекратила свою деятельность, хотя кое-как просуществовала еще семь лет, видимо благодаря заступничеству Н. К. Крупской. В начале 1926 года многие сестры были высланы в Среднюю Азию, помещения заняли различные учреждения, в Покровском храме устроили клуб и несколько позднее в алтаре, на месте престола, водрузили огромную статую 'отца народов'».

Какой это кошмар! Какое злодейство! Поставить на месте священного престола статую бандита, изувера, палача русского народа, который уничтожил путем насильственного голода, расстрелов, пыток, непосильного труда в лагерях смерти до семидесяти миллионов невинных русских людей! И этому «отцу народов» до сих пор поклоняются заядлые коммунисты в России! Стыд и позор нам, русским! Давно пора устроить второй Нюрнбергский процесс в России над всеми палачами, которые еще живы и которых уже поглотил ад (*комментарий Л. М.*).

³ М. В. Нестеров. «Воспоминания». Москва, изд. «Советский художник», 1989.

Нестеров получил приглашение от Великой княгини Елизаветы Феодоровны расписать сооружаемый ею при Марфо-Мариинской обители храм Покрова Пресвятой Богородицы в 1907 году. А по рекомендации М. В. Нестерова строительство этого храма было поручено Великой княгиней А. В. Щусеву. Нестеров на с. 327—328 «Воспоминаний» пишет:

...Таким образом, мы со Щусевым призваны были осуществить мечту столько же нашу, как и Великой княгини... Создание обители и храма Покрова при ней производилось на ее личные средства. Овдовев, она решила посвятить себя делам милосердия. Она, как говорили, рассталась со всеми своими драгоценностями, на них задумала создать обитель, обеспечить ее на вечные времена. Жила она более чем скромно.

Ввиду того что при огромном замысле и таких же тратах на этот замысел Великая княгиня не могла ассигновать особенно больших сумм на постройку храма, я должен был считаться с этим, сократив смету на роспись храма до минимума...

Смета была мною составлена очень небольшая — около сорока тысяч за шесть стенных композиций и двенадцать образов иконостаса с легким орнаментом, раскинутым по стенам. В алтаре, в апсиде храма, предполагалось изобразить «Покров Богородицы», ниже его — «Литургию Ангелов». На пилонах по сторонам иконостаса — «Благовещение», на северной стороне — «Христос с Марфой и Марией», на южной — «Воскресение Христово». На большой, пятнадцатиадцатидесятиаршинной стене трапезной, или аудитории, — картину «Путь ко Христу».

В картине «Путь ко Христу» мне хотелось досказать то, что не сумел я передать в своей «Святой Руси»¹. Та же толпа верующих, больше простых людей — муж-

¹ Картина Нестерова, за которую он получил золотую медаль на Международной выставке в Мюнхене в 1909 г.

чин, женщин, детей, — идет, ищет пути ко спасению. Слева — раненый на костылях солдат, его я поместил, памятуя полученное мною после моей выставки письмо от одного тенгинца из Ахалциха. Солдат писал мне, что снимок со «Святой Руси» есть у них в казармах, они смотрят на него и не видят в толпе солдата, а как часто он, русский солдат, отдавал свою жизнь за веру, за родину, за эту самую «Святую Русь»...

Иконостас я хотел написать в стиле образов Новгородских. В орнамент должны были войти и березка, и елочка, и рябинка. В росписи храма мы не были солидарны со Щусевым. Я не намерен был стилизовать всю свою роспись по образцам старых псковских, новгородских церквей (иконостас был исключением), о чем и заявил Великой княгине. Она не пожелала насильствовать мою художественную природу, дав мне полную свободу действий. Щусев подчинился этому...»

Закладка соборного храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы состоялась 22 мая 1908 г. При закладке присутствовали, кроме Великой княгини Елизаветы Феодоровны, и несколько высочайших особ, митрополит, епископы, архитектор будущего храма Щусев и художник Нестеров. Имена высоких гостей, а также Щусева и Нестерова были выгравированы на серебряной доске, которую и положили при закладке храма.

Композицией своей картины «Христос у Марфы и Марии» М. В. Нестеров не был доволен. Он волновался, какое мнение выскажет о ней Елизавета Феодоровна. Об этом он пишет следующее (с. 344):

...я пригласил ее в церковь и не без волнения ждал, что-то мне скажут. Картина понравилась, а так как я знал, что Великая княгиня никогда не говорит того, чего не чувствует, что слово ее правдиво, искренне и нелицемерно, то похвалам был рад.

По просьбе Нестерова Елизавета Феодоровна вывесила у ворот запрещение входить в храм во время работ. Это

было необходимо, так как посетители отвлекали художника и не давали ему сосредоточиться. Сама Великая княгиня не приходила в храм во время работ без предупреждения и всегда спрашивала, не помешает ли она.

Нестеров возлагал большие надежды на свою картину в храме «Путь ко Христу». Об этом художник в «Воспоминаниях» пишет (с. 347):

...я начал писать самую ответственную пятнадцатитаршинную вещь в трапезной храма. Затея была такова: среди весеннего пейзажа с большим озером, с далями, с полями и далекими лесами так, к вечеру после дождя, движется толпа навстречу идущему Христу Спасителю. Обительские сестры помогают тому, кто слабее — детям, раненому воину и другим, — приблизиться ко Христу...

Когда эта картина была готова и художник был ею доволен и уже собирался показать Великой княгине, произошло несчастье. Рассматривая картину на близком расстоянии, он заметил на ней выступившие черные маслянистые пузырьки. Причиной явилось то, что загрунтовывал стену неопытный помощник, который достал для грунтовки дешевое и испорченное масло. Картину необходимо было счистить, стену перегрунтовать и писать заново. Нестеров был на грани отчаяния. Надо было сказать об этом Елизавете Феодоровне. Вот что он пишет на с. 349—350:

На другой день я доложил ей, что картина готова и просил прийти посмотреть ее. Пришла она радостная, оживленная, приветливая. Остановилась перед моим созданием. Внимательно всматривалась в него. Наконец, обратилась ко мне со словами самой искренней, трогательной благодарности.

Минута была нелегкая. Все сказанное было так радостно, была одержана какая-то победа, и вот сейчас надо было сказать, что победа была кратковременная... И я объявил Великой княгине о том, что

открыл, сказал, что картину придется уничтожить, что это неизбежно, необходимо. Она была поражена моими словами не меньше, чем я перед тем своим открытием, пробовала меня утешать, предлагала картину оставить, думая, что со временем злокачественные нарывы пропадут...

Мне нельзя было ни на минуту поддаваться такому искушению, и я не смалодушествовал, убедил Великую княгиню со мной согласиться, разрешить картину соскоблить...

Не решаясь повторять свою картину «Путь ко Христу» на стене, которая еще не совсем просохла, М. В. Нестеров предложил Елизавете Феодоровне написать ее на медной доске. Она дала свое согласие.

В помощники Нестерову Великая княгиня прислала Павла Дмитриевича Корина, которому тогда было лет семнадцать. Нестеров был очень им доволен.

К концу 1911 года роспись храма во имя Покрова Пресвятой Богородицы была совершенно окончена¹. Освящен был этот новый храм Марфо-Мариинской обители Милосердия в апреле 1912 года митрополитом Московским Владимиром² в сослужении епископов Трифона и Анастасия³.

¹ По окончании росписи собора Великая княгиня нередко обращалась к М. В. Нестерову по разным вопросам относительно храма. Тепло отнеслась она к нему, когда его семью постигло несчастье — у сестры художника открылся рак желудка, а его маленький сын Алексей заболел скарлатиной. Елизавета Феодоровна тогда предложила Нестерову взять его десятилетнюю дочь Наташу к себе в обитель. Художник пишет об этом (с. 365): «Жилось нашей девочке в обители прекрасно, вернулась она домой довольная, долго еще вспоминала об этом времени с большим удовольствием. Отпуская Наташу домой, Великая княгиня подарила ей на память красивую безделушку от Фаберже».

² Позднее митрополит Киевский Владимир, первый иерарх, принявший мученическую смерть от рук большевиков и возглавивший собор сонм Новомучеников Российских.

³ Впоследствии Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей.

В 1914 году была построена под храмом церковь-усыпальница во имя Сил Небесных и всех Святых¹.

Тогда Великая княгиня Елизавета думала, что там будет почивать ее тело после ее кончины. Туда она часто спускалась, где предавалась размышлениям и, скрытая от взоров людей, возносила в своих молитвах к Богу.

Все письма Великой княгини, которые она писала своим родным после создания Марфо-Мариинской обители, проникнуты глубокой верой и бесконечной любовью к Богу и людям. Ее святая душа уже тогда предчувствовала надвигающиеся грозные события в России, и она молилась и просила своих близких тоже молиться за заблудший род человеческий.

Ниже приводится письмо, которое она писала из Марфо-Мариинской обители своему брату Эрнесту в 1910 году:

...Ты даже не можешь понять, как важна твоя настоящая миссионерская работа любви. И пусть будет полный успех в наших молитвах, которые мы все посылаем Богу, чтобы спасти человеческие души от ошибочных идей, от нездоровых идеалов и надежд, какими бы они ни казались мистически прекрасными их слепым умам, и чтобы вырвать их из сетей дьявола... а для нас — чтобы иметь терпение и упорство и безграничную веру и надежду на милость Божию... Все, слава Богу, здесь хорошо, и мы очень заняты работой. Молись о нас, дорогой, чтобы заслужить Его доверие и чтобы правильно исполнять наши обязанности. Сохранил ли ты тот крест? Носишь ли ты его еще? Пусть святой Митрофан будет твоим святым покровителем...

В основу Марфо-Мариинской обители Милосердия был положен устав почти что монастырской общежительной

¹ Этот храм-усыпальницу расписывал художник Павел Дмитриевич Корин. Елизавета Феодоровна часто приходила туда во время его работ и говорила ему не раз: «Вот кончится война, и я вас отправлю во Флоренцию учиться».

жизни. После утверждения этого устава Святейшим Синодом 9 апреля (по ст. ст.) 1910 года в обительской церкви святых Марфы и Марии произошло великое по своему значению событие: по разработанному Святейшим Синодом чину епископом Трифоном были посвящены в звание крестовых сестер любви и милосердия 17 сестер обители во главе с Великой княгиней Елизаветой.

Елизавета Феодоровна, которая своей прошлой жизнью уже оставила за собой яркий след служения несчастным в России, теперь впервые сняла с себя траурное платье, чтобы облечься в монашеское одеяние и начать еще более высокое служение Богу.

В тот памятный день, утром, Великая княгиня, собрав своих сестер, сказала им: «Я оставляю блестящий мир, где я занимала блестящее положение, но вместе со всеми вами я восхожу в более великий мир — в мир бедных и страдающих».

Посвящение сестер происходило за всенощным бдением после Великого славословия. Все сестры вместе с Елизаветой Феодоровной дали обет проводить девственную жизнь по иноческому примеру в труде и молитве.

На следующий день происходила умилительная служба: за Божественной литургией митрополит Московский Владимир возложил на сестер нагрудные кипарисовые кресты на белых лентах и знаки их иноческого достоинства, а Великую княгиню Елизавету Феодоровну возвел в сан настоятельницы обители.

Как вспоминает этот день графиня Мария Белевская-Жуковская (журнал «Вечное» за июль — август 1968 года), «был великий день — принятие пострига настоятельницы, незабвенный день: величие в простоте, в новую жизнь и полной отдачи себя Христу Спасителю! Ощущалось, что Сам Господь ее привел к Себе»¹.

Во время этой торжественной службы епископ Трифон (в миру князь Туркестанов), обратясь со словом к уже облаченной в монашеское одеяние Елизавете Феодоровне, сказал следующие пророческие слова: «Эта одежда скроет Вас

¹ Сохранен стиль М. Белевской-Жуковской.

от мира, и мир будет скрыт от Вас, но она в то же время будет свидетельницей Вашей благотворной деятельности, которая воссияет пред Господом во славу Его»¹.

Слова епископа Трифона сбылись. Озаренная благодатью Духа Святого деятельность Великой княгини Елизаветы осветила Божественным огнем предреволюционные годы России и привела великую подвижницу к мученическому венцу, а с нею и ее келейницу инокиню Варвару Яковлеву.

В «Журнале Московской Патриархии» (№ 7 за 1996 год) было опубликовано письмо Великой княгини Елизаветы Феодоровны Александре Николаевне Нарышкиной. По своему содержанию письмо чрезвычайно важное, оставляет глубокое впечатление. Оно как нельзя лучше показывает, чем руководствовалась Великая княгиня Елизавета Феодоровна в выборе своего нелегкого пути:

Москва, 20 января 1909 года

Моя дорогая тетя Саша!²

От всей души благодарю Вас за Ваши добрые письма. Я счастлива, что Вы разделяете мое убеждение в истинности выбранного пути; если бы Вы знали, до какой степени я чувствую себя недостойной этого безмерного счастья, ибо, когда Бог даст здо-

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том I, с. 276.

² Александра Н. Нарышкина (тетя Саша — обращение, принятое к ней в Царской семье), урожденная Чичерина, вдова обер-гофмаршала Эммануила Дмитриевича Нарышкина, статс-дама, почетная попечительница школы Императорского женского патриотического общества; во время Русско-японской войны организовала на свои средства лазареты для раненых солдат; известная благотворительница и покровитель народных художественных промыслов. Расстреляна в Тамбове в 1919 году. В «Воспоминаниях» Владимира Федоровича Джунковского (1865—1938), генерал-майора, московского генерал-губернатора, упомянуто о смерти А. Н. Нарышкиной: «Во время революции больную старуху, которой было уже далеко за семьдесят, вынесли на носилках и повезли на телеге на окраину города, чтобы расстрелять, но ее не успели довести до места расстрела — она скончалась».

Самого генерала В. Ф. Джунковского звери-коммунисты расстреляли в 1938 году (Л. М.).

ровье и возможность работать для Него, это и есть счастье.

Вы ведь достаточно меня знаете, чтобы понять, что я не считаю свою работу чем-то совершенно необыкновенным, я ведь знаю, что в жизни каждый — в своем кругу, самом узком, самом низком, самом блистательном... если мы при этом и исполняем свой долг и в душе нашей и молитвах доверяем свое существование Богу, чтобы Он нас укрепил, простил нам наши слабости и наставил бы нас (направил на путь истинный). Моя жизнь сложилась так, что с блеском в большом свете и обязанностями по отношению к нему покончено из-за моего вдовства; если бы я попыталась играть подобную роль в политике, у меня бы ничего не получилось, я бы не смогла принести никому никакой пользы, и мне самой это не принесло бы никакого удовлетворения. Я одинока — люди, страдающие от нищеты и испытывающие все чаще и чаще физические и моральные страдания, должны получать хотя бы немного христианской любви и милосердия — это меня всегда волновало, а теперь стало целью моей жизни. Говорят, что есть люди, которые хотят уйти из мирской жизни, покинуть ее, я же, наоборот, хочу войти в нее.

Одну сторону этой жизни я узнала благодаря моим прежним обязанностям — это то, что называется светом, «обществом»; я делала для них что могла, возможно, я плохо выполняла свои обязанности, я пыталась помочь своему мужу в той жизни, которой он жил, и в тех обязанностях, которые он выполнял, — блеск, праздники... Я искренне верила, что должна ему помогать, я делала это с радостью, с чувством, что мы приносим радость другим, наши вечера всем нравились, я видела на них много счастливых лиц. Вы думаете, что я хочу осудить свет или уже осуждаю его? Ведь я и раньше понимала и видела, что богатые, молодежь, че-

столюбивые люди, думающие только о развлечениях, не страдают, а если и страдают, то утешить их сложнее всего — поклонение золотому тельцу, собственной персоне — какое же это беспросветное страдание!

Возможно, я ошибаюсь (я знаю, что надо мной будут смеяться из-за того, что я хочу перенести свое существование в нищенскую среду), но я верю, что иногда и в мою сторону кто-нибудь посмотрит и придет мне помочь и оставит на несколько часов пустые развлечения, если хоть раз увидит, какую безграничную радость дают доброе слово, поддержка, пусть даже небольшая, помощь в поиске работы или утешение в страданиях. Вы можете вслед за многими сказать мне: оставайтесь в своем дворце в роли вдовы и делайте добро «сверху». Но, если я требую от других, чтобы они следовали моим убеждениям, я должна делать то же, что они, сама переживать с ними те же трудности, я должна быть сильной, чтобы их утешать, ободрять своим примером; у меня нет ни ума, ни таланта — ничего у меня нет, кроме любви к Христу, но я слаба; истинность нашей любви к Христу, преданность Ему мы можем выразить, утешая других людей — именно так мы отдадим Ему свою жизнь. Увы, я так плохо пишу, мне трудно все это объяснить, но Вы умеете понимать. Вы мне говорите: «Надо, чтобы нами кто-то руководил, нельзя полностью доверяться своему собственному видению духовной жизни».

Это необходимо — невозможно без этой помощи, и Господь в Своей доброте дал нам редкого пастыря¹, цвет нашего здешнего духовенства; свет, великие и малые — все считают, что с этим святым отцом наша жизнь будет благословлена Господом.

¹ Протоиерей Митрофан Сребрянский (1870—1948), духовник Марфо-Мариинской обители в 1909—1926 годах, автор воспоминаний об обители.

Я знаю, что я не на высоте, и все же одна монахиня с большой верой и огромной любовью к Господу сказала мне: «Положите свою руку в руку Господа и идите без колебаний». Мой добрый друг, молитесь, чтобы у меня всегда была эта единственная поддержка, чтобы я всегда знала, куда мне идти. Посылаю Вам Временный устав и бумагу с разъяснениями; кроме этого, будет еще внутренний распорядок с разными подробностями. Лишь по мере нашей работы сумеем мы понять наши ошибки и так выясним, что для нас самое необходимое. Если какие-либо подробности привлекут Ваше внимание, напишите мне о них, я так буду рада Вам ответить.

Извините за длинное письмо. Что касается Дмитрия¹, он будет, конечно, тронут Вашим вниманием, он меня совершенно покинул, но благодаря Господу этот столь дорогой для меня мальчик наделен таким горячим сердцем, что никогда не забывает меня. Он придет сюда на масленицу; я пока еще живу в Николаевском дворце, который государь оставил мне; я устроила там комнату для посетителей, немного наладила хозяйство. Другие комнаты — для работы, для бедных, для собраний, которые я должна проводить с членами моих комитетов; кроме того, я буду делать здесь свои доклады, принимать деловых посетителей; у меня столько других обязанностей! Могут приехать погостить мои друзья или родственники, и для них надо выделить комнаты.

Вы видите, что я не покидаю тех, кому я нужна, кого знала до того, как начала это новое дело; есть обязанности, отношения, которые не должны от это-

¹ Дмитрий Павлович (1891—1942). Великий князь, сын Великого князя Павла Александровича и Великой княгини Александры Георгиевны. Воспитывался Великой княгиней Елизаветой Феодоровной после смерти матери.

го пострадать; что же касается честолюбивых помыслов, ощущения пустоты... они навсегда ушли из моей жизни, вот и все.

Благослови Вас Господь, искренне обнимаю Вас.

Ваш старый друг Елизавета.

18 апреля 1909 года Великая княгиня Елизавета Феодоровна написала письмо Государю Императору Николаю II. (Это письмо было опубликовано в 1994 году в журнале «Источник» № 4 и в книге «Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы», вышедшей в 1995 году в Москве.)

В этом письме Государю Елизавета Феодоровна объясняет Императору причину, побудившую ее отказаться от блестящей светской жизни и пойти по дороге самопожертвования, благотворительности и служения Богу и страждущим.

Письмо Императору Николаю II от 18 апреля 1909 года:

«Дорогой Ники! Большое, большое спасибо за твое длинное письмо с добрыми, прекрасными советами, которые я совершенно принимаю и понимаю; и мне просто хотелось бы ответить тебе — показать малую часть моей внутренней жизни, чтобы ты знал то, о чем нам редко приходится говорить... Некоторые не верят, что я сама, без какого-либо влияния извне, решила на этот шаг; многим кажется, что я взяла неподъемный крест и либо пожалею об этом и сброшу его, либо рухну под его тяжестью. Я же приняла это не как крест, а как дорогу, полную света, которую указал мне Господь после смерти Сергея и стремление к которой уже много-много лет назад появилось в моей душе. Не знаю, когда — кажется, мне с самого детства очень хотелось помогать страждущим, прежде всего тем, кто страдает душой. Желание это во мне росло, но в нашем тогдашнем положении, когда мы должны были принимать у себя,

делать визиты, устраивать приемы, ужины, балы... я не могла целиком посвятить этому жизнь, другие обязанности были важнее. Ты не можешь согласиться с такими “большими переходами в жизни”, но ты пойми — для меня это никакой не “переход”. Это выросло постепенно и теперь обрело форму, и многие из тех, кто знал меня всю жизнь и видят меня здесь, вовсе не удивились, а сочли эту перемену лишь продолжением того, что началось раньше, и я (сама) поняла это так. Я была поражена, когда разразилась целая буря: меня пытались удержать, запугать трудностями, и все это с такой любовью и добротой — и с полным непониманием моего характера... Ты пишешь: “Все-таки нахожу, что ты еще больше могла бы добра делать в прежнем положении”. Не могу сказать, прав ли ты, а я заблуждаюсь, или нет, — жизнь и время покажут. И, конечно же, я недостойна той безмерной радости, какую мне дает Господь, — идти этим путем, но я буду стараться, и Он, Который есть одна любовь, простит мои ошибки, ведь Он видит, как я хочу служить Ему и (тому, что) Его. В моей жизни было столько радости, в скорби — столько безграничного утешения, что я жажду хоть частицу этого отдать другим. Я могла бы исписать еще много страниц, но ведь на бумаге нелегко выразить все, что чувствуешь. Я жажду благодарить, благодарить каждую минуту за все, что мне дал Господь. Я жажду принести Ему мою ничтожную благодарность, служа Ему и Его страждущим детям. О, это не новое чувство. Оно всегда жило во мне, Господь был так милостив ко мне... Ни одной минуты я не думаю, что совершаю подвиг, — это радость, я не вижу и не чувствую своих крестов по безмерной милости Божьей, которую я и всегда к себе видела. Я жажду отблагодарить Его... Ну, а свои старые обязанности я тоже не оставляю — комитеты

и все мои прежние дела остались. Это всегда лежало на мне... Сегодня утром ушел мой Киевский полк. Я их не забываю, дала небольшую сумму, в память о Сергее, на воспитание дочерей самых бедных из офицеров, а к Рождеству посылаю им и моим черниговцам деньги на елку и разные увеселения для солдат».

ГЛАВА 12

Протопресвитер М. Польский в книге «Новые мученики Российские» писал (с. 276):

Великая княгиня Елизавета Феодоровна была редким сочетанием возвышенного христианского настроения, нравственного благородства, просвещенного ума, нежного сердца и изящного вкуса. Она обладала чрезвычайно тонкой и многогранной душевной организацией... Напрасно она пыталась иногда под покровом скромности утаиться от людских взоров: ее нельзя было смешать с другими... Она всюду вносила с собою чистое благоухание лилии; быть может, поэтому она так любила белый цвет — это был отблеск ее сердца.

Графиня А. Олсуфьева в своей брошюре «H. R. N. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia» (с. 9) писала:

...она имела дар притягивать к себе людей, не прилагая к этому никаких усилий. И чувствовалось, что она находилась в высших сферах, и она помогала и другим подниматься вверх. Она никогда не давала почувствовать другому человеку его слабости... (пер. с англ.)

Елизавета Феодоровна нередко ходила пешком из своей обители в Кремль, чтобы поклониться святыням. Когда она шла по улицам Москвы, то встречала восторженное благоговение толпы, и, чтобы не быть узнанной, она иногда надева-

ла черное монашеское платье и черный апостольник и в этом одеянии спешила пройти незаметно.

Черный цвет она не любила. Обычно она носила серое или белое хлопчатобумажное одеяние, а белую одежду из шерстяной материи надевала только в праздничные дни.

Она отличалась глубоким знанием человеческих душ. Встречаясь с разными людьми, она сразу могла понять человека, и раболепство, ложь и хитрость были ей противны.

Елизавета Феодоровна прекрасно сознавала неправду и непостоянство современного ей мира и часто говорила: «Ныне трудно найти правду на земле, затопляемую все сильнее и сильнее греховными волнами; чтобы не разочароваться в жизни, надо правду искать на небе, куда она ушла от нас».

В Марфо-Мариинской обители Милосердия Великая княгиня Елизавета вела настоящую жизнь подвижницы. Спала на деревянной кровати без матраца и на жесткой подушке. Ее сон нередко продолжался не более трех часов. В полночь она вставала и шла молиться в свою молельню или в церковь, а потом обходила все палаты больницы. Когда тяжелобольной метался и звал ее на помощь, она просиживала у его постели до рассвета. Часто она посещала ночные службы в церквях и монастырях Москвы и в Кремле. Строго соблюдая посты, пищу она употребляла в самом умеренном количестве и старалась во всем подражать монахам-подвижникам.

Елизавета Феодоровна с самого начала своей аскетической жизни и до последних дней находилась в полном послушании у своих духовных отцов. Без благословения священника Марфо-Мариинской обители протоиерея Митрофана Сребрянского и без советов старцев Оптиной пустыни и настоятелей из других монастырей она ничего сама не предпринимала. Смирение ее и послушание в этом отношении было удивительным. Об этом писал игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» (с. 10): «Она особенно отличалась полным внешним и сердечным послушанием старцу, без благословения которого ничего не делала, за то и получила внутреннее утешение и мир в душе своей...»

Если Великая княгиня думала, что каким-либо словом или поступком невольно причинила кому-то обиду, она сразу же шла просить прощения и исправляла то, в чем считала себя неправой.

Привыкшая с детства к работе, она все делала сама и лично для себя не требовала никаких услуг со стороны сестер.

Игумен Серафим, автор брошюры «Мученики христианского долга», хорошо знавший Елизавету Феодоровну, называет ее «великой женщиной любви». На с. 14 своей брошюры он пишет:

Вообще Великая княгиня всеми силами старалась идти впереди сестер обители в их общем деле, делая все, как рядовая сестра, оставляя по себе глубокие следы в своих великих делах. При одном воспоминании знающих о ней душа наполняется религиозным благоговением пред ее подвижнической жизнью, пред великими думами ее великого любящего сердца...

Работала Великая княгиня Елизавета в своей Марфо-Мариинской обители Милосердия сверх человеческого предела, и здесь ей, несомненно, помогала благодать Духа Святого, которой Господь щедро наградил ее.

Она ежедневно рассматривала многочисленные прошения и письма, поступавшие к ней со всех концов России. Принимала также и посетителей, и всем она шла навстречу и всегда помогала.

Трудясь в своей больнице, Елизавета Феодоровна обычно брала на себя самую ответственную работу: ассистировала при операциях, делала перевязки и с присущей ей мягкостью и интуицией могла всегда найти подходящие слова утешения и подбодрить больных. Сами пациенты свидетельствовали о том, что одно только присутствие Великой княгини оказывало на них успокаивающее влияние и облегчало их страдания. Они говорили, что от Елизаветы Феодоровны исходила целебная сила, которая помогала им безропотно переносить боль

и легко идти на операции¹. Вероятнее всего, это было оттого, что Великая княгиня молилась за страдающих, и Господь по ее молитвам укреплял их.

Никто из людей, встречавших Елизавету Феодоровну, не замечал на ее лице усталости или озабоченности. Она всегда встречала всех со светлым лицом и своей ласковой улыбкой. Только очень близко стоящие к ней люди, когда оставались с ней наедине, замечали, что взгляд ее часто становился задумчивым и устремленным вдаль. «У нее на лице, особенно в глазах, проступала таинственная грусть — печать высоких душ, томящихся в этом мире» — так писал о ней протопресвитер М. Польский. Но возможно также и то, что она предчувствовала, какой страшный конец земной жизни ожидает ее, и поэтому часто мучилась тоской.

Елизавета Феодоровна, обучая своих сестер обители, старалась привить им наравне с молитвенностью и практическими медицинскими знаниями и духовную ревность, чтобы они могли подготовить неизлечимого больного к переходу в вечную жизнь. Она говорила им: «Не страшно ли, что мы из ложной гуманности стараемся усыплять таких страдальцев надеждою на их мнимое выздоровление. Мы оказали бы им лучшую услугу, если бы заранее приготовили их к христианскому переходу в вечность»².

Если, несмотря на усилия врачей и сестер обители, больной умирал, то Высокая настоятельница всегда была при его последнем вздохе и молилась за отходящую душу.

В часовне, сооруженной в конце сада обители, над покойником непрерывно до дня погребения читались псалмы. Днем этим обычно занимались монахини московских монастырей, а иногда и свободные от работы сестры обители. Ночами же псалмы читала всегда сама Елизавета Феодоровна. Ее голос ясно прорезывал тишину окружающей ночи, и так — до самого утра, а дальше начинался рабочий день великой труженицы.

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том I, с. 273.

² Там же, с. 271.

День в Марфо-Мариинской обители Милосердия начинался в 6 часов утра. После всеобщей утренней молитвы в больничном храме Великая княгиня давала распоряжения сестрам относительно их обязанностей на предстоящий день. Свободные же в тот день от работы сестры оставались в храме, где начиналась Божественная литургия.

В Марфо-Мариинской обители Милосердия Елизавета Феодоровна установила распорядок дня по-монастырски. Дневная трапеза проходила с чтением жития святых. В 5 часов вечера в церкви шли вечерня с утреней, где присутствовали все не занятые работой сестры. Под праздники и воскресные дни было всенощное бдение. В 9 часов вечера в больничном храме была общая вечерняя молитва, после которой все сестры, получив благословение настоятельницы, расходились по своим кельям. Два раза в неделю духовник обители проводил с сестрами беседы на евангельскую тему. Четыре раза в неделю в обительском храме читались за вечерней акафисты: в воскресенье — Спасителю, в понедельник — Архангелу Михаилу и всем Бесплотным Небесным Силам, в среду — святым Женам Марфе и Марии и в пятницу — Божией Матери или Страстям Христовым.

Сестры могли ежедневно в определенные часы ходить за наставлением или советом к настоятельнице или духовнику обители.

В праздник святого Алексия, митрополита Московского, все сестры простаивали Божественную литургию и всенощную в Чудовом монастыре, а также посещали и храм-усыпальницу Великого князя Сергея Александровича в годовщину его убийства. Говели сестры обители во все посты, т. е. четыре раза в год, а по желанию и чаще. Послушания, которые возлагались на них, были следующие: церковное, медицинское, просфорное, аптечное, рукодельное, по хозяйству, по закупке материалов, школьное, по уборке помещений и т. д.

Одежда настоятельницы от одежды крестовых сестер почти не отличалась. Только Великая княгиня, как это видно

по ее фотографиям, носила свой крест не на ленте, а на деревянной цепочке.

В брошюре «Марфо-Мариинская обитель Милосердия», изданной Синодальной типографией в Москве в 1914 году, подробно описывается одеяние сестер обители (с. 48):

Одеяние сестры носят в воскресные и праздничные дни белое бумажное. Все сестры для работы носят серое бумажное платье покроя ряски, спереди зашитое наглухо и с застежкой сбоку, на руках — белые манжеты. У крестовых сестер белые апостольники монашеского покроя и серые шерстяные покрывала, на шее кипарисовый крест на белой ленте с изображением Нерукотворного Спаса и Покрова Божией Матери; на обратной стороне — изображение святых жен Марфы и Марии и надпись: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем умом твоим, и всею крепостью твоею; возлюбиши ближнего своего, яко сам себе».

...Всем сестрам при поступлении даются четки, и они обязаны ежедневно проходить одну сотницу Иисусовой молитвы; испытываемые не носят четок наружу, а крестовые, получив их вторично при посвящении, носят их открыто на левой руке...

В Марфо-Мариинской обители Милосердия все сестры делились на крестовых, т.е. уже посвященных, испытываемых, которые проходили подготовку, и учениц.

В брошюре «Марфо-Мариинская обитель Милосердия» на с. 30 пишется следующее:

В сестры принимаются вдовы и девицы православного вероисповедания не моложе 21 года и не старше 40, желающие посвятить свою жизнь на служение Богу и ближним. Если желающей поступить в сестры менее 21 года и она отвечает всем требованиям обители, то может быть принята как «ученица». Требования же обители следующие: 1) прочное

духовное настроение и желание в смирении и терпении нести всякое возлагаемое на сестер послушание во имя Господа, Которому они приносят свои силы и труд; 2) физическое здоровье, необходимое при такой работе, которую берут на себя сестры. Ввиду этого обитель не принимает сестер старше 40 лет, так как в эти годы уже трудно рассчитывать на долгую работоспособность...

Все сестры Марфо-Мариинской обители Милосердия под руководством Великой княгини Елизаветы — настоятельницы — и врачей проходили курс по элементарным медицинским знаниям. Эти знания были необходимы им при посещении квартир и углов бедняков, чтобы в случае необходимости они могли оказать первую медицинскую помощь. Сестры же, предназначенные для работы в госпитале, проходили специальные медицинские курсы.

Больница Марфо-Мариинской обители была устроена на 22 кровати и рассчитана на 15 пациентов. Великая княгиня Елизавета не хотела увеличивать свою больницу. Она считала, что главной задачей сестер являлось посещение бедных и больных в их жилищах и оказание им там как медицинской, так и материальной и моральной помощи.

Больница Марфо-Мариинской обители Милосердия считалась образцовой во всей Москве. Она находилась под руководством доктора медицины А. И. Никитина, и там работали лучшие специалисты города. В больнице постоянно дежурили доктора, и все операции производились бесплатно хирургами Ф. И. Березкиным и А. Ф. Ивановым. Обительская больница Великой княгини пользовалась такой блестящей репутацией, что туда из других госпиталей города Москвы направляли самых тяжелых больных.

Сама Великая княгиня своим уходом за больными и методами своего лечения часто изумляла докторов Москвы, когда безнадежно больные выздоравливали под ее присмотром.

Один из таких случаев описан в брошюре графини А. Олсуфьевой «H. R. H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of

Russia» и в книге протопресвитера М. Польского «Новые мученики Российские».

Несчастье произошло с одной кухаркой бедного домохозяйства, которая по неосторожности опрокинула на себя горящую керосиновую печку. Ожоги покрыли все ее тело. Нетронутыми оставались только ее ладони и ступни ног.

В городском госпитале, где она лежала, врачи не могли ей помочь и отправили ее в критическом состоянии с начавшейся уже гангреной в больницу Марфо-Мариинской обители.

Елизавета Феодоровна сама взялась ее лечить. Она делала ей перевязки по два раза в день. Перевязки были длительными — по два с половиной часа — и до того мучительны, что Великой княгине приходилось все время останавливаться, чтобы дать отдых женщине и успокоить ее. От язв больной исходил отвратительный запах, и после каждой перевязки одевание Елизаветы Феодоровны надо было проветривать, чтобы избавиться от него. Но, несмотря на это, Высокая настоятельница продолжала ухаживать за больной до тех пор, пока она не поправилась, к удивлению докторов, которые считали этот случай безнадежным.

Известные хирурги города преклонялись перед методами лечения Великой княгини и просили ее помогать им в других госпиталях при совершении трудных операций. Елизавета Феодоровна ассистировала им с удивительным спокойствием и вниманием. Она успешно поборола в себе первое естественное отталкивающее чувство и руководствовалась только сознанием того, что приносит пользу человеку.

Игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» рассказывает один случай, когда Великая княгиня Елизавета Феодоровна, ухаживая за больной в своей больнице, обратила к Богу неверующего человека.

В больницу Марфо-Мариинской обители Милосердия привезли одну тяжелобольную женщину. Она была женой фабричного рабочего, человека огрубелого, атеиста и очень враждебно настроенного к Царствующему дому. Работая на фабрике и напитавшись революционной пропагандой, этот человек ненавидел существующий государственный

строй в России и думал, что все члены дома Романовых заботятся только о собственном благополучии. О Великой княгине он наслышался лживых слухов как о женщине, обладающей надменной и эгоистичной натурой и думающей только о себе.

Продолжительное время лежала жена этого рабочего в больнице Марфо-Мариинской обители. Она, вероятно, болела неизлечимой болезнью — раком.

Муж больной навещал ее ежедневно. К своему удивлению он увидел, какой заботой и уходом пользуется там его жена. Особенное внимание он обратил на одну сестру милосердия, которая с теплым участием относилась к больной. Он видел, как она садилась у ее кровати, ласкала ее, говорила утешительные слова, давала лекарства и приносила разные сладости, чтобы порадовать больную. Видел, как эта сестра обходила и других больных и предлагала им причаститься Святых Таин Христовых. Предложила она исповедоваться и причаститься и его жене, на что последняя согласилась.

Когда у больной началась предсмертная агония, эта сестра всю ночь не отходила от ее кровати, стараясь всеми силами облегчить ее страдания.

К утру женщина умерла. Та же сестра с помощью других сестер обители обмыла умершую и одела ее. Тогда пришел священник, и началась первая панихида по новопреставленной.

Все это так поразило огрубелое сердце мужа покойной, что он не выдержал и заплакал. Он захотел узнать, кто же эта особенная сестра, которая так заботилась о его жене. Рабочий понимал, что и родная мать не могла бы оказать большего внимания больной, и он спросил: «Кто эта сестра?» Когда ему ответили, что это сама настоятельница обители Великая княгиня, то он зарыдал как ребенок и бросился к Елизавете Феодоровне, чтобы благодарить ее и просить прощения за то, что, не зная, какая она, так ненавидел ее и поносил грубыми словами среди своих товарищей.

Великая княгиня ласково обошлась с ним и сказала, что прощает его. Человек этим был еще более растроган и из неве-

рующего стал верующим. Вероятно, с этого времени переменилось и его отношение к Царствующему дому.

Игумен Серафим пишет, что все, кто имел соприкосновение с Елизаветой Феодоровной, никогда не могли забыть ее, а выздоровевшие пациенты, когда уходили из Марфо-Мариинской больницы, плакали, расставаясь с «Великой матушкой», как они называли Великую княгиню.

Монахиня Таисия, проживавшая в монастыре в Бюси во Франции, уроженка города Москвы, поделилась своими воспоминаниями о Марфо-Мариинской обители Милосердия и ее настоятельнице Великой княгине Елизавете.

(Приводится из личного письма матушки Таисии):

Хирургическая больница Марфо-Мариинской обители считалась лучшей в Москве. Туда направляли наиболее тяжелых больных. Причем за наиболее трудными ухаживала сама Великая княгиня. Ее келья выходила в главную палату.

Я могу рассказать два случая. Обварилась с ног до головы кухарка... (далее следует описанный выше случай). Второй случай был в Александровском институте, который я окончила. Надо было сделать трепанацию черепа девочке Оболенской, и ее отвезли в Марфо-Мариинскую общину. Уход за ней взяла на себя Великая княгиня, и, вернувшись, девочка рассказывала нам о ней с восторженной любовью...

В Марфо-Мариинской обители при больнице существовала амбулатория с шестью кабинетами, где в неделю работали безвозмездно тридцать четыре врача. За один только 1913 год было амбулаторных приемов 10814. В амбулатории существовала, как и в больнице, своя библиотека. Марфо-Мариинская обитель Милосердия выпускала специальные брошюры и листки для нравственного воздействия на пациентов.

В аптеке обители лекарства для бедных отпускались бесплатно, а для остальных — со скидкой.

При больнице Марфо-Мариинской общины существовал и зубоврачебный кабинет.

Великая княгиня Елизавета тратила огромные личные средства на содержание своей обители, но и состоятельные жители Москвы охотно поддерживали ее. Для поощрения жертвенности некоторые кровати обительской больницы носили имена лиц, которые внесли крупную сумму денег в фонд Марфо-Мариинской общины.

Елизавета Феодоровна не ограничивалась расходом своих средств на содержание обители. Она охотно жертвовала везде, где была нужда. Об этом игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» пишет, что Великая княгиня не только помогала всем, кто к ней обращался, но и сама находила тех несчастных бедняков и детей-сирот, которые не могли до нее дойти.

Особенным вниманием Елизаветы Феодоровны пользовались лица духовного звания. Она охотно откликалась на нужды сельских священников бедных приходов, которые не имели достаточно средств, чтобы отремонтировать старый храм или построить новую церковь или приют в своем округе.

Забытые миром священники-миссионеры, трудившиеся в тяжелых условиях среди язычников Крайнего Севера или инородцев восточных окраин России, всегда находили у Великой княгини поддержку. Она давала им не только материальную помощь, но ободряла и укрепляла их в их дальнейшем миссионерском подвиге.

Сам игумен Серафим испытал на себе теплоту материнской любви Елизаветы Феодоровны, особенно во время Первой мировой войны, когда он, измученный и обессиленный, приезжал к ней с фронта, чтобы обрести новые силы и душевное равновесие. И, отдохнув в Марфо-Мариинской обители, окруженный заботами Великой матушки, он ехал обратно на фронт.

ГЛАВА 13

Одним из главных мест сосредоточения бедноты, которому Великая княгиня Елизавета уделяла особое внимание, был Хитров рынок, или просто Хитровка. Это место «славилось» как самый постыдный район города Москвы.

В. Гиляровский в своей книге «Москва и москвичи» (изд. «Московский рабочий». Москва, 1983) пишет: «... страшные трущобы Хитровки десятки лет наводили ужас на москвичей. Десятки лет и печать, и Дума, и администрация, вплоть до генерал-губернатора, тщетно принимали меры, чтобы уничтожить это разбойное логово».

Несмотря на все попытки правительства, Хитровка продолжала существовать. Ни один филантроп города не рискнул проникнуть туда, чтобы оказать какое-либо благоприятное воздействие на жителей этого места. Елизавета Феодоровна была первой, которая стала ходить туда в сопровождении только одной сестры Марфо-Мариинской обители Милосердия, обычно Варвары Яковлевой или молодой княжны Марии Оболенской, которой тогда было только восемнадцать лет¹.

Великий герцог Гессенский Эрнест в своих мемуарах писал, что Элла в сопровождении только одной сестры милосердия посещала пользующиеся плохой репутацией московские улицы и трактиры. Полицейское управление постоянно предупреждало ее, что не в состоянии гарантировать ей безопасность. В ответ на это Элла всегда благодарила полицию

¹ Княжна Мария Оболенская была однофамилицей той девочки, о которой говорится выше в письме монахини Таисии из Бюси. М. Оболенская, скончавшаяся в эмиграции, сама лично рассказывала матушке Таисии о Хитровке, куда она ходила, сопровождая Елизавету Феодоровну.

за заботу о ней и говорила, что ее жизнь не в их руках, а в руках Божиих¹.

Чтобы ознакомить читателя с местом Хитрова рынка, ниже дается его краткое описание, заимствованное из книги Е. М. Алмединген «An Unbroken Unity» и из книги «Москва и москвичи» В. Гиляровского.

Хитров рынок был расположен в низине речки Яузы. Это была громадная площадь, опоясанная каменными, старой постройки двухэтажными и трехэтажными зданиями, где обитало несколько тысяч человек². Эти здания были известны по имени их владельцев — Румянцева, Ярошенко и др. — и служили ночлежными домами.

«Комнаты» этих каменных бараков были перегорожены нарами по несколько рядов в ширину и в высоту. Эти логовища отделялись одно от другого повешенными ветхими рогожами. Пространство здесь измерялось аршинами³.

Площадь перед бараками была перерезана узкими грязными переулками, в промежутках которых стояли ветхие лачуги. Здесь располагались трактиры, лавки и базар, где бедняки продавали скупщикам все, что было возможно, вплоть до своей одежды, которую тут же снимали и переодевались в лохмотья.

В лавках и трактирах можно было купить кипяток, борщ, тушеную капусту с сомнительной колбасой и разные пироги, даже с мясом, кто мог себе это позволить. Вдоволь можно было купить и дешевой водки-самогона, которую пили все, вплоть до женщин.

Весь этот поселок тонул в грязи, и невозможно было здесь почувствовать и дуновения свежего ветерка — до того была загрязнена кругом атмосфера. Из-за низкого расположения местности и близости реки здесь всегда стоял туман от сырых испарений, насыщенных запахами базара и нечи-

¹ Golo Mann «Erinnertes».

² Согласно данным В. Гиляровского, там жило десять тысяч человек. Е. М. Алмединген в своей книге пишет, что во всем районе Хитровки утилось свыше двадцати тысяч семей.

³ Аршин — старая русская мера длины, равная 0,711 метра.

стот. В Хитровке отсутствовали даже самые примитивные гигиенические устройства, и все эти «ароматы» не очищались здесь свежим притоком воздуха, а постоянно стояли над этим местом.

Население Хитровки состояло из нищих, бродяг, карманных воров и взломщиков, скупщиков краденого, беглых арестантов и уголовных преступников, скрывающихся от полиции. Полицейские протоколы фиксировали, что большинство беглых каторжан из Сибири удавалось вылавливать именно здесь, в Хитровке, но делать это было нелегко.

Дети здесь рождались на улице, и не многие из них выживали, но об этом мало кто заботился. Если ребенок выживал, то его ожидали ужасное детство и будущее. Обычно голодных плачущих младенцев использовали, чтобы выпрашивать больше милостыни. Мальчики-подростки учились воровать и становились в большинстве случаев преступниками. Девочек же ожидала еще худшая участь. Их заставляли почти с детского возраста идти на улицу и продавать себя.

В. Гиляровский в книге «Москва и москвичи» пишет: «...ужасные иногда были ночи на этой площади, где сливались пьяные песни, визг избиваемых «марух» да крики «караул». Но никто не рисковал пойти на помощь: раздетого и разутого голым пустят, да еще избьют за то, чтобы не лез куда не следует».

Полиция не в состоянии была справиться с положением в Хитровке. Набеги полицейских патрулей редко бывали удачными, так как Хитровка имела свою хорошую систему укрыательства. Е. М. Алмединген пишет, что не исключена была возможность того, что некоторые инспекторы полиции находились в связи с главарями колонии Хитровки и заранее давали им знать о планах полиции.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна сознавала, что она не была в состоянии сама преобразить Хитров рынок, и поэтому она старалась спасать главным образом несчастных детей Хитровки. Ее ноги, ходившие раньше по мягким коврам дворцов и изящно танцевавшие мазурку и полонез, теперь в грубых ботинках месили грязь переулков Хитрова рынка.

Ужасные запахи нечистот с примесью винного перегара, грязные лохмотья, жаргонный язык, потерявшие человеческий образ лица не пугали и не отталкивали ее. Она видела в каждом таком несчастном образ Божий. Она говорила: «Подобие Божие может быть иногда затемнено, но оно никогда не может быть уничтожено» (*пер. с англ.*) (Е. М. Алмединген «An Unbroken Unity», p. 67).

Елизавета Феодоровна неумоимо ходила из одного притона в другой, собирая сирот и уговаривая родителей передать ей для воспитания своих детей. Жаргон жителей Хитровки она едва понимала, но знание человеческих душ и умелый подход ее к таким людям делали то, что ее слова доходили до их сознания и сердец, и они, нередко расчувствовавшись до слез, вверяли ей своих детей.

Мальчики устраивались в общежития, где они, имея хорошее питание и воспитание, быстро укреплялись физически и духовно, а некоторые, продолжая жить с родителями, принимались под постоянное наблюдение и перевоспитание. Из одной группы таких недавних оборванцев образовалась артель исполнительных юношей-посыльных Москвы. Девочек устраивали в закрытые учебные заведения или приюты, где также следили за их здоровьем и духовным ростом.

Все население Хитрова рынка знало и уважало Великую княгиню. Как писала Е. М. Алмединген, не было ни одного случая, чтобы кто-либо из жителей Хитровки оскорбил или унизил Великую княгиню. Ее там обожали и называли или сестрой Елизаветой, или матушкой.

Покойная игуменья Гефсиманской обители матушка Варвара, лично знавшая Елизавету Феодоровну, передала о ней следующий случай, который произошел на Хитровом рынке.

Однажды Великая княгиня в сопровождении казначея Марфо-Мариинской обители В. Гордеевой, вошла в один из притонов Хитровки. Ее глазам представилась следующая картина: несколько грязных бродяг сидели за столом с бутылкой водки и играли в карты. Среди них, подперев голову руками и устремив куда-то в пространство свой взгляд, сидел мужчина. Елизавета Феодоровна обратилась к нему со слова-

ми: «Добрый человек...» В ответ ей сразу же раздалось: «Какой он добрый? Это последний вор и негодяй...» Но Великая княгиня, не обратив внимания на такую аттестацию, сказала ему, что ее мешок, где находятся деньги и вещи для раздачи бедным, очень тяжел и она просит помочь ей донести его до Марфо-Мариинской обители.

Бродяга сразу же поднялся и сказал, что немедленно исполнит ее просьбу. Причем, разговаривая с Великой княгиней, он обращался к ней очень почтительно, называя ее «Ваше Высочество». Со всех сторон раздались сразу же сильные протесты. Все стали говорить Великой княгине, что он по дороге продаст содержимое мешка, а деньги пропьет. Но она была непреклонна. Она передала ему свою ношу и не спеша направилась в свою обитель. Когда она пришла туда, ей сказали, что какой-то незнакомец принес ее мешок. Елизавета Феодоровна забеспокоилась, напоили ли его сестры чаем и дали ли поесть? Узнав, что нет, она распорядилась сразу же это сделать.

Накормленный сестрами бродяга обратился к Великой княгине с просьбой проверить содержимое мешка, и, когда там оказалось все в порядке, он стал проситься взять его на работу в Марфо-Мариинскую обитель. Елизавета Феодоровна исполнила его просьбу и назначила его помощником садовника.

С тех пор он совершенно переменился: перестал пить и воровать, хорошо выполнял свою работу и стал усердно посещать храм Божий.

Этот случай был рассказан г-жой Гордеевой матушке Варваре, тогда еще Валентине Цветковой.

Подобных примеров спасения заблудших душ человеческих было много в жизни Елизаветы Феодоровны — многие были обязаны ей своим спасением.

* * *

Великая княгиня тщательно готовила своих сестер обители к посещению мест бедноты. Она вместе с о. Митрофаном Сребрянским учила их не только медицинским знаниям, но и как духовно наставлять опустившихся людей. Хоро-

шо подготовленные таким образом сестры стали регулярно посещать Хитров рынок только с 1913 года. До этого времени этим занимались главным образом сама Великая княгиня и еще несколько сестер, которые сопровождали ее.

Имея медицинскую подготовку, сестры обители стали на месте оказывать первую помощь.

В брошюре «Марфо-Мариинская обитель Милосердия», на с. 31—32 пишется о работе сестер следующее:

Посещая бедных, приходится иногда оказать немедленную помощь, но ухаживать за тяжелыми больными, живущими на койках, в коечно-каморочных квартирах, невозможно из-за плохих условий; о таковых надо хлопотать, чтобы устроить их в больницы, когда обительская больница переполнена. Часто приходится также хлопотать о помещении детей в приюты и о приискании мест безработным. Порой оказывается и денежная помощь, как-то: уплата за койку, взнос за швейную машину, уплата за учение девушкам, учащимся на разных курсах, покупка билетов при отправке на родину и т. д., также раздается детям теплая и всякая другая одежда.

Но при этом, конечно, главная заслуга сестер должна быть в нравственном, духовном воздействии. Люди обездоленные, живущие в так называемых «углах», больше других нуждаются в духовной помощи; и хорошее, теплое слово, сказанное с любовью, ободряет и дает силы безропотно продолжать трудовую скорбную жизнь в надежде на милость Божию...

При Марфо-Мариинской обители Милосердия Великая княгиня Елизавета учредила приют для девочек. В 1913 году в этом приюте было восемнадцать круглых сирот, которых подготавливали к поступлению в будущем в сестры обители. Если бы некоторые из них не имели призвания для этой миссии, то образование, которое им давалось, и основательная медицинская подготовка обеспечивали им в будущем возможность хорошей работы.

Когда я была в Москве в 1990 году (Л. Миллер), то познакомилась с Параскевой Тихоновной Кориной, вдовой художника П. Д. Корина. Она мне рассказала много интересного о своем детстве. Параскева Корина, урожденная Петрова, была по происхождению чувашкой. Еще в раннем детстве она лишилась родителей и была взята на попечение родственниками. Окончив приходское училище, 11-летняя Паша поступила учиться в закрытое учебное заведение. В это время в Пермскую губернию приехала Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Она пожелала взять из этого края к себе в обитель на воспитание трех девочек-сирот. По рекомендации местного епископа Нафанаила Паша попала в число этих девочек. Ее первая встреча с Великой княгиней произошла в Москве, на елке, устроенной Елизаветой Феодоровной для сирот. Тогда Великая княгиня подошла к ней и спросила ее: «Какую игрушку ты хочешь с елочки?» Паша попросила колокольчик, который висел у самой верхушки елки. Тогда Елизавета Феодоровна засуетилась и стала просить сестер принести лестницу, чтобы снять для Паши игрушку. Лестница была принесена, и девочка получила свой колокольчик.

Когда Император Николай II приехал в Москву, где происходило открытие мощей и прославление Святого Патриарха Гермогена, то по распоряжению Елизаветы Феодоровны девочек, учениц Марфо-Мариинской обители, привезли во дворец и посадили на подоконники, чтобы они могли хорошо видеть церемонию торжества прославления. После молебствия Император Николай II проследовал к часовне Спасителя, а потом заехал в Марфо-Мариинскую обитель. Сперва он осмотрел общежитие сестер. К нему подвели молоденькую новую семнадцатилетнюю сестру. Он обнял ее и поцеловал. Потом он зашел в столовую. Там его окружили со всех сторон девочки приюта. Они говорили: «К нам поступила учиться чувашка!» Император подозвал Пашу, обнял за плечи и говорит: «Привыкаешь? Скучаешь? А ты что-нибудь по-чувашски скажешь ли мне?» Девочка ответила, что прочи-

тает ему по-чувашски молитву «Отче наш». Когда она читала эту молитву, Император наклонился и слушал. Потом погладил ее по голове. Паша тогда подумала: «И на Императора не похож. Такой ласковый и приятный».

Окончив образовательное училище в обители, Паша прошла фармацевтические курсы и стала работать помощницей провизора в аптеке обители. Великую княгиню она видела каждый день. Елизавета Феодоровна не забывала своих воспитанниц и часто присылала в аптеку для них сладости. На лето она отправляла девушек на отдых в имение князя Юсупова или Апраксина.

* * *

Высокая настоятельница заботилась и о повышении грамотности, главным образом среди женщин. Она основала при обители Воскресную школу для полуграмотных и безграмотных женщин и девушек, работающих на фабриках. Они приходили в воскресные дни в Марфо-Мариинскую обитель и учились в школе с часу до трех. Уроки вели сестры под руководством священника о. Евгения Синадского. Потом их угощали чаем с бутербродами, а затем следовали уроки пения или же устраивались интересные доклады на полезные и душеспасительные темы, сопровождаемые туманными картинами¹. После этого все шли в храм, где служился акафист, и женщины принимали участие в общем пении.

Таким образом, Великая княгиня Елизавета заботилась не только об обучении этих бедных тружениц, но она давала им возможность провести воскресный день в приятном нравственном занятии, спасая их от пагубных увеселений или празднословия. В 1913 году таких женщин обучалось 75 человек.

При Марфо-Мариинской обители Милосердия была библиотека в две тысячи томов книг. Книги для чтения выдавались бесплатно. Число посторонних абонентов было более 100 человек.

¹ Изображения, получаемые на белом экране с помощью «волшебного фонаря».

При обители существовала и столовая для бедных, где отпускалось ежедневно свыше 300 обедов. Эти обеды выдавались преимущественно бедным женщинам, обремененным многочисленной семьей, а также трудящимся на поденной работе.

Усталые после тяжелой работы дня, эти женщины приносили в свои жилища горячие и питательные обеды и кормили своих детей.

В организации этих обедов нередко принимали участие и многочисленные благотворители Марфо-Мариинской обители, когда они заказывали для бедных поминальные обеды в память своих усопших родных, имена которых поминались в тот день в обительском храме.

За один 1913 год было выдано 139443 обеда.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна надеялась, что созданная ею Марфо-Мариинская обитель Милосердия расцветет большим плодоносным деревом. Со временем она хотела устроить отделение обители и вне города Москвы.

Кроме учреждений внутри Марфо-Мариинской обители, настоятельница и ее сестры ведали и другими делами благотворительности вне стен обители. Одним из таких учреждений был дом с квартирами для девушек, работающих на фабриках, а также и для бедных студенток.

В брошюре «Марфо-Мариинская обитель Милосердия» на с. 42 написано следующее:

Эти последние (работницы фабрик) часто гибнут, живя в плохих условиях, в подвалах и т. д. В этом же доме удалось уделить несколько мест для бедных курсисток, которые часто гибнут от плохого здоровья, недостатка питания. В этой квартире постоянно живет сестра обители, имеется библиотека в двести томов, и еженедельно квартиру посещает духовник обители для служения молебнов и ведения бесед. Если Господь поможет и отзовутся добрые люди, то Марфо-Мариинская обитель Милосердия мечтает выстроить на своей земле большой дом дешевых

квартир именно для таких лиц, где за минимальную плату молодым труженицам можно будет иметь помещение и здоровый стол. Это, несомненно, будет полезно не только для здоровья этой молодежи, но поможет принести и нравственную пользу. В таком доме будет устроена аудитория, где иногда будут вестись беседы, а в обыкновенное время жительницы дома могут находить хорошие нравственные книги и при содействии сестер проводить с пользой свои досуговые часы.

Великая княгиня Елизавета еще организовала вне стен своей обители и дом для чахоточных женщин. Это учреждение просуществовало три года, а потом было закрыто ввиду того, что государство к тому времени открыло особую секцию туберкулезных больниц.

Дому для чахоточных женщин Елизавета Феодоровна была особенно предана. Это был специальный дом-больница, окруженный прекрасным садом. Там находились чахоточные женщины бедного класса. Нередко туда попадали и заболевшие туберкулезом прислуги, рассчитанные после обнаружения у них болезни и обреченные на смерть в жуткой нищете. Находясь в этом доме-лечебнице, чахоточные женщины приобретали надежду на выздоровление. Они обнимали и целовали Великую княгиню Елизавету, желая выразить ей свою признательность. Они не задумывались о том, что могут этим передать ей свою болезнь. Но Елизавета Феодоровна не старалась увернуться от их объятий. Она не хотела обидеть этим больных. Она знала, что ее жизнь и ее здоровье находятся в руках Божиих.

Если чахоточная женщина-мать умирала, то нередко она перед смертью передавала Великой княгине своих детей, и умирала она спокойно, веря, что Высокая матушка позаботится о детях.

Была организована Елизаветой Феодоровной и «Детская лепта» — кружок детей и взрослых, которые собирались по воскресеньям в Николаевском дворце работать для бедных детей. Члены этого кружка по желанию брали работу на дом.

В течение 1913 года было одето свыше тысячи восьмисот детей: детская обувь покупалась на пожертвованные деньги, материал жертвовался людьми, платья шились кружком «Детской лепты», а верхняя одежда заказывалась нуждающимся безработным женщинам. Все заготовленное распределялось по бедным семьям, потребность которых обследовали сестры Марфо-Мариинской обители.

Великая княгиня заботилась и о духовном воспитании жителей Москвы. Она устраивала беседы для народа.

В брошюре «Марфо-Мариинская обитель Милосердия» написано, что каждое воскресенье в течение зимнего периода после вечерни в соборе обители Покрова Пресвятой Богородицы устраивались беседы для народа с общим пением молитв.

Архиепископы, епископы и другие духовные лица московской епархии приезжали в обитель, чтобы проводить эти беседы с народом. Беседы были настолько популярны, что привлекали много людей из разных слоев общества города Москвы, и они приходили к обители задолго до назначенного для беседы часа, столпившись у ворот в ожидании, когда откроют храм.

Подводя итог тому, что напечатано здесь на основании брошюры «Марфо-Мариинская обитель Милосердия» и других источников, можно с уверенностью сказать, что, если бы не октябрьский переворот в России, дело, которое начала Великая княгиня Елизавета Феодоровна, никогда бы не заглохло. Вероятно, следуя ее примеру, по всей России выросли бы подобные Марфо-Мариинские общины и благосостояние русского народа, его грамотность и нравственные устои поднялись бы на большую высоту¹.

¹ В 1990 г. бывшая Марфо-Мариинская обитель представляла собой следующее. В храме Покрова Пресвятой Богородицы находилась мастерская имени Грабаря по реставрации икон. Фрески Нестерова там сохранились. Этот храм не был разрушен только благодаря заступничеству художника Павла Дмитриевича Корина и его супруги Параскевы Тихоновны, бывшей воспитанницы Марфо-Мариинской обители.

О состоянии Марфо-Мариинской обители в 2001 г. см. в приложении в конце книги.

ГЛАВА 14

Английский писатель Стефен Грэхам, побывав на богослужении в храме Марфо-Мариинской обители, описал свое впечатление в седьмой главе своей книги «Путь Марфы и Марии» (*пер. с англ.*)¹:

Водно воскресенье я пошел в монастырь св. Марфы и св. Марии, расположенный на Большой Ордынке на другом берегу Москвы-реки. Это замечательное учреждение новой России, и в то же время оно является и частью старой России; молодой отросток с прорастающими листьями, появившийся на старом многовековом дереве Российской Церкви... Это новое учреждение; оно обслуживается молодыми и имеет новую жизнь, новые интересы, новые идеалы. Это монастырь, настоятельницей которого является Великая княгиня Елизавета Феодоровна, вдова Великого князя Сергея, убийство которого было организовано Азефом... агентом-provокатором во время периода революции. Останки Великого князя были погребены у гробницы святого Алексия, и, молясь там, убитая горем вдова посвятила себя, свою жизнь и свое состояние Богу. Красивая сестра Императрицы от могилы и одиночества нашла свой путь к блестящей и широкой жизни самоотречения. Она была посвящена и дала обеты монашества...

¹ Stephen Graham. «The way of Martha and the way of Mary». London. Macmillan and Co., Ltd., St. Martin's St., 1916. p. 161–167. Печатается с разрешения издательства Macmillan, London and Basing-stoke.

Этот монастырь соединяет в себе идеалы подражания и Марфе и Марии. Каждая сестра посвящает себя «Господу и своему ближнему». Она будет сидеть и у ног Иисуса, как Мария, и будет заниматься многими делами, как Марфа... Их религия — это религия добрых дел. Они навещают, одевают, утешают и лечат бедных, и все это производит чудеса. Цветы появляются там, где они проходят...

Очень приятное и хорошее чувство — стоять на каменных плитах широкого храма рядом с пятьюдесятью или шестьюдесятью девушками в белом, посвятившими себя одной идее, восхваляющими единого прекрасного Создателя и Бога.

Я пришел в храм на богослужение, а также я хотел и удовлетворить свое желание — видеть фрески и стенную роспись Нестерова. Иконостас, апсида и по бокам храм был расписан этим великим художником, и две или три его прекрасные иконы покрывали поверхность стен. Там имеется большая картина во всю ширину храма, представляющая собой Святую Русь у опушки березового леса; равнины и изгибы долин и холмов и широкая даль в глубину. На переднем плане — яркая, зеленая, густая трава с алым душистым горошком и желтыми акациями, полянка в лесу, изящные серебряные березы по бокам и маленькие сосновые деревца-саженцы. На поляне во всем своем стиле — характерный «бедный люд» коленопреклоненный, вглядывающийся во что-то, молящийся, плачущий. А среди березовых деревьев стоит окруженный сиянием Христос и принимает всех, кто к Нему идет. Русский крестьянин верит, что Христос ходит по его дорогам:

«Небесный Царь пришел благословить нашу Матушку-Русь и идет, странствуя по нашей земле».

И он действительно прав, веря в это. Сама по себе эта мысль и дает идею о «Святой Руси».

Самая прекрасная икона в церкви — это храмовая Марфы и Марии «Учитель здесь и зовет тебя» — образ, пред которым стоит сестра вся в белом, как статуя...

Высокий и солидный священник, с длинными волосами, сосредоточенный и спокойный, совершает службу — отец Митрофан.

...Около двадцати монахинь в черных покрывалах и черных скуфьях на головах поют в хоре. Одна сестра стоит у свечного ящика у дверей и продает свечи. Группа сестер, хорошо одетые посетители, крестьяне, рабочие и нищие сгруппировались в широкой, полной света церкви... Было приятно находиться там; вокруг — хороший воздух; иногда доносятся аромат цветов и ощущение присутствия молодых женщин, всецело устремленных к Богу...

Шестьдесят сестер, все в белом, распростерлись лавиной белого полотна на полу храма. А черный хор пел нежными голосами тихо, скорбно, возвышенно...

В середине службы в церковь вошли монастырские сироты, дети безродные, — двадцать четыре маленьких мальчика в зеленых рубашках и столько же девочек в голубых платицах и серых передниках. Они стоят посередине церкви, они такие маленькие...

Отец Митрофан выходит, чтобы сказать проповедь, и все мы подходим ближе к ограде алтаря, чтобы слышать его. Он возвышается над нами и выглядит как пастырь посреди своего стада. Звучит ласковая проповедь... Он владеет ортодоксальным голосом. Церковные службы в России ведутся особой манерой передачи голоса. Это переходит к молящимся и часто придает личности мужчины или женщины особую тонкость, некоторый византийский оттенок...

Аминь! Крестимся; проповедь окончена. Толпа отходит от алтаря и опять заполняет собою более

прохладное пространство храма, и тихое пение одетого в черное хора возобновляется, как заключительная часть литургии. Шестьдесят сестер опять лавиной падают ниц. Молящиеся крестятся перед алтарем и выходят. Берется антидор, и служба окончена. Строем выходят из храма сироты. Мы все выходим.

Хорошо быть с сестрами во время молитвы... Это переносит мои мысли назад, в то утро, в огромную лондонскую церковь, когда я пришел туда с опозданием и меня провели наверх и посадили под самой иконой Девы Марии. Там, у подножия Девы Марии, лежали букеты лилий. И я тогда имел чувство, и я имею его сейчас, что все эти цветы являются цветами у ног Девы Марии.

Ниже привожу письмо Великой княгини Елизаветы Феодоровны Государю Императору Николаю II, написанное Великой княгиней в апреле 1909 года. (Это письмо было опубликовано в журнале «Источник» № 4 в 1994 году и в книге «Материалы к житию преподобномученицы Великой княгини Елизаветы. Письма, дневники, воспоминания, документы».)

Письмо Великой княгини Елизаветы Феодоровны Императору интересно тем, что оно раскрывает внутреннее состояние Елизаветы Феодоровны и ее мировоззрение после основания ею Марфо-Мариинской обители.

Письмо Императору, апрель 1909 года:

«Христос Воскресе! Дорогой Ники! Сердечное спасибо вам обоим за прекрасный образок, он висит у меня в молельной вместе с другими иконами, которые я получила уже здесь. В моем новом доме. Ты всегда был для меня дорогим братом, и с таким увлечением сказал, что находишь наш устав хорошим, что мне хотелось бы немного рассказать тебе о том, как налаживалась моя жизнь с самого начала, когда каждый шаг надо обдумывать и потихоньку,

с Божьей помощью, подвигаться вперед. Я задумала начать пост вместе с несколькими поступившими девушками — с тем, чтобы вместе принимать обеты. Наша первая неделя прошла в молитве, покое, говении, а потом — принятие Святых Христовых Таин, а после этого началась новая жизнь. В двух словах о том, как проходит наш день: утром мы вместе молимся, одна из сестер читает в церкви в полвосьмого; в восемь часы и обедня, кто свободен, идет на службу, остальные же ухаживают за больными, или шьют, или еще что... У нас не много больных, так как мы берем пациентов, чтобы на практике учиться лечить разные случаи, о которых идет речь в лекциях докторов, и для начала взяли только легких больных, сейчас уже все более и более трудные случаи, но, слава Богу, больница наша просторная, светлая, сестры очень преданы своему делу, и больные прекрасно идут на поправку. В полпервого сестры во главе с госпожой Гордеевой садятся обедать, а я ем у себя одна — это мне по душе, и, кроме того, я нахожу, что, несмотря на общежитие, некоторая дистанция все же должна быть. В посты, по средам и пятницам у нас подается постное, в другое время сестры едят мясо, молоко, яйца и т. д., я уже несколько лет не ем мяса, как ты знаешь, у меня все тот же вегетарианский режим, но те, кто к этому не привык, должны есть мясо, особенно при тяжелой работе. Я касаюсь таких подробностей, потому что людям интересно, как я живу в обители, они не видят нашей жизни и строят догадки, часто совершенно ошибочные; воображение работает, и многие думают, что мы живем на хлебе, воде и каше, суровее, чем в монастыре, — “какая же тяжелая у них жизнь”, — тогда как она всего лишь простая и здоровая. Спим по восемь часов. Если кто не засиживается позже положенного; у нас хорошие кровати и чудесные комнатки с яркими обоями и летней (плетеной) мебелью.

Мои комнаты большие, просторные, светлые, уютные, тоже какие-то летние, все, кто у меня были, в восторге от них. Мой дом стоит отдельно, потом больница с домовою церковью, дальше дом докторов и лазарет для солдат, и еще дом батюшки — 4 дома. После обеда некоторые выходят подышать воздухом, потом все заняты делом; чай подается в четыре, ужин в полвосьмого, потом вечерние молитвы в моей молельной. Спать в 10. Теперь о лекциях: три раза в неделю читает батюшка, три раза — доктора, между лекциями сестры читают или готовятся. Пока у них медицинская практика только в больнице; я их посылаю по домам к бедным лишь для того, чтобы собрать сведения о больных в различных случаях. Понимаешь, сначала они должны выучиться. Батюшкины лекции очень интересны, просто исключительно, ведь он не только глубоко верующий, но еще и безгранично начитанный человек. Он начинает от Библии. Заканчивает церковной историей и все время показывает, как и что сестры смогут говорить и чем помочь тем, кто испытывает душевные страдания. Ты ведь знаешь о Митрофане, он произвел на тебя благоприятное впечатление в Сарове, а в Орле его просто обожали. И здесь многие приезжают издалека в нашу маленькую церковь и обретают силы в его прекрасных простых проповедях и в исповеди. Это широкий человек, в нем нет ничего от ограниченного фанатика. Все основывается на безграничной любви о Господе и всепрощении — истинно православный священник, строго держащий (установления) Церкви, для нашего дела — благословение Божие. Так как он заложил необходимое основание. Скольких он вернул к вере, наставил на путь истинный, от скольких я слышу благодарность за великое благо иметь возможность посещать его. Никакой экзальтации, — но ведь ты хорошо знаешь, что я люблю спокойную, глубокую веру и никоим образом

не могла остановить свой выбор на священнике-фанатике. Некоторые добросердечные хлопуны из тех, что без дела слоняются вокруг меня, боятся, как бы я не изнурила себя такой жизнью и не надорвала здоровье: я недоедаю, недосыпаю... Но послушай, дорогой, это вовсе не так. Я сплю свои 8 часов, ем с удовольствием, физически чувствую себя удивительно, здоровой и сильной (небольшая простуда, ревматические боли или подагра, от которой страдали все в нашей семье, — от них никуда не денешься). Ты знаешь, у меня никогда не было румяных щек, и всякое глубокое чувство тотчас отражается на моем лице, так что в церкви я часто выгляжу бледной, ведь я, как и вы с Аликс, люблю церковную службу и знаю, какую она доставляет глубокую радость. Я хочу, чтобы вы оба знали то, о чем я уже много раз говорила и писала: я совершенно покойна, а совершенный покой — это совершенное счастье. Мой дорогой Сергей почиет в Бозе со многими, кого он любил, с теми, кто ушел туда, к нему, а мне Господь дал прекрасную работу на этой земле. Исполню ли я ее хорошо или плохо, один Он ведает, но я буду стараться изо всех сил. И я влагаю свою руку в Его и иду, не страшась тех крестов и нападков, которые приутожил для меня этот мир, — мало-помалу моя жизнь повернула на этот путь. Это не минутная фантазия, и никакое разочарование меня не ждет: я могу быть разочарована в самой себе, но у меня и нет никаких иллюзий, и я не возражаю, будто я не такая, как все. Я хочу работать для Бога и в Боге, для страждущего человечества, а в старости, когда мое тело уже не сможет трудиться, я надеюсь, Господь даст мне покой и молитву — о деле, мною начатом. И тогда я уйду из деятельной жизни и буду готовить себя для того большого дома. Но пока у меня есть здоровье и силы, а кругом столько несчастья, и шаги Христа-кормчего слышны посреди страждущих, и в них мы помога-

ем Ему. Все очень добры и полны желания помочь, но многие думают, что я взялась за дело, превосходящее мои возможности, — в действительности это не так, я крепка телом и духом и глубоко и абсолютно счастлива в вере. Простите, дорогие, я не была у вас на Рождество и на Пасху, но первые шаги так очень-очень важны. Обещайте, что не будете думать, будто я вас забыла по жестокосердию или эгоизму, если я не стану приезжать на дни рождения. Я думаю, будет лучше, если какое-то время мы не будем встречать праздники вместе: не должно, возложивши руку свою на плуг, озираться назад, ведь так? Не думайте, что я нахожусь под чьим-нибудь влиянием. Я стараюсь найти путь и, конечно, буду делать ошибки. Как выяснилось, из лучших побуждений люди мучают моего бедного батюшку: пусть он заставляет меня есть, тогда как я ем, и очень хорошо, заставляет меня путешествовать и все такое... когда я совершенно здорова и сильна, как лошадь. С тех пор, как мне сделали операцию, я не знаю, что такое боль, нога ведет себя удивительно хорошо и лишь едва заметно отекает от долгого стояния, обе ноги отекают от жары, но ведь это редко у кого не так. Люди не видят моей жизни, не видят, что я совершенно спокойна, довольна и глубоко благодарна Господу за все. Вместо того чтобы беспокоиться обо мне, они должны благодарить Бога за то, что Он нашел меня достойной такого утешения, как моя работа, дающая мне столь полное, совершенное удовлетворение...»

* * *

Отец Митрофан Сребрянский, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы Марфо-Мариинской обители, прослужил на этом посту свыше десяти лет. Своим ревностным служением, любовью к ближним, а к концу жизни и страданием отец Митрофан оставил по себе вечную память и почитание в народе. Я бы хотела познакомить читателей моей книги

с кратким жизнеописанием этого замечательного служителя Божия (Л. М.).

Он родился в семье священника Василия в селе Тресвятском Воронежской губернии в 1871 году. Закончил Митрофан Сребрянский Духовную семинарию, но не сразу стал священником. Продолжал он свое образование в Варшавском ветеринарном институте. Здесь же он встретил и свою будущую супругу Ольгу, на которой вскоре и женился. Ольга Владимировна Исполатовская, тоже дочь священника, раньше проживала в селе Владычня Тверской епархии. Митрофан Васильевич любил читать духовные книги, размышлять о Боге и о смысле жизни и решил посвятить себя служению Господу. В 1893 году он был возведен в сан диакона, и очень скоро — в священники. Назначили отца Митрофана настоятелем Покровского храма в городе Орле при драгунском Черниговском полке, шефом которого состояла Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Здесь отец Митрофан стяжал себе известность как прекрасный проповедник, наставник и утешитель страждущих душ. В Орле батюшка построил новый храм, а при нем библиотеку и школу. За свою деятельность отец Митрофан был награжден золотым наперсным крестом.

В 1904 году началась Русско-японская война, и батюшка вместе со своим полком отправился на фронт. Там он устанавливал походные церкви, проводил богослужения, утешал раненых, напутствовал умирающих. Вместе со своим полком отец Митрофан находился во время сражений под Ляояном и Мукденом. Он отличался как духовностью, так и бесстрашием и этим стяжал себе всеобщее уважение и любовь среди военных.

В 1906 году батюшка вернулся в Орел и был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте и возведен в сан протоиерея. В этом же году был опубликован дневник отца Митрофана, который он вел во время войны, под названием «Дневник полкового священника, служившего на Дальнем Востоке во весь период минувшей Русско-японской войны». Этот труд прочитала Великая княгиня Елизавета Феодоровна, он ей понравился, и она пожелала встретиться с автором.

Встреча состоялась, и при совместных усилиях Великой княгини и отца Митрофана был выработан проект устава будущей обители Елизаветы Феодоровны.

Открыв свою обитель, Великая княгиня пригласила отца Митрофана переехать из Орла в Москву и стать духовником ее общины. Батюшка согласился, но потом передумал. Ему тяжело было расстаться со своей любимой паствой в Орле, и он решил послать Елизавете Феодоровне телеграмму с отказом. Случилось в этот момент невероятное: пальцы на правой руке отца Митрофана онемели и рука отнялась. Батюшка испугался, что не сможет больше совершать Божественную литургию, и стал горячо молиться Богу и обещать Ему, что поедет в Москву служить в Марфо-Мариинскую обитель. После такого обета прошло часа два, и рука отца Митрофана пришла в нормальное состояние. Время шло, и батюшка стал опять колебаться. Ему было жаль оставлять свой приход в Орле. Батюшка знал, сколько слез и переживаний он доставит своим поступком прихожанам. Прошло несколько месяцев, и рука священника начала опять неметь и отнялась. Отец Митрофан тогда осознал, что прогневал Бога. Он упал на колени пред чудотворным образом Иверской Божией Матери и со слезами стал просить исцеления, и, когда он приложил свою больную руку к иконе с обещанием, что сразу же переедет в Москву, рука его начала опять двигаться. Отец Митрофан немедленно сообщил Елизавете Феодоровне, что едет служить в Москву.

Расставание с Орлом было весьма тяжелым. Тысячные толпы народа заправили всю платформу и полотно железной дороги, не желая расставаться с любимым пастырем. Плач и стон слышались отовсюду; наконец, поезд тронулся, но с большим опозданием, увозя батюшку из Орла.

Будущий священномученик митрополит Московский Владимир назначил отца Митрофана настоятелем собора Покрова Пресвятой Богородицы Марфо-Мариинской обители.

Великая княгиня Елизавета Феодоровна писала Государю: «Для нашего дела отец Митрофан — благословение Божие, так как он заложил необходимое основание... Он исповедует меня, окормляет меня в церкви, оказывает мне огромную

помощь и подает пример чистой, простой жизнью — такой скромной и простой в его безграничной любви к Богу и Православной Церкви...»¹

Отец Митрофан и его матушка Ольга очень хотели иметь детей, но Господь им не давал, и поэтому супруги, следуя примеру отца Иоанна Кронштадтского, решили продолжать жизнь в целомудрии. Знала ли об этом Великая княгиня, нам неизвестно.

Отец Митрофан ревностно трудился в Марфо-Мариинской обители и был главным помощником Высокой настоятельницы, и, когда злодеи коммунисты арестовали Елизавету Феодоровну, она передала свою общину на попечение отца Митрофана и казначеи Гордеевой. Обитель опустела, уже не было там Великой Матушки, и отец Митрофан старался всеми силами поддерживать святую обитель, руководить ею, утешать сестер.

В марте 1919 года исполнилось 25 лет служения в духовном сане отца Митрофана. Его пасомые преподнесли юбиляру поздравительный адрес, где выражали свою любовь и безграничную благодарность. Святейший Патриарх Тихон, зная труды и подвиги отца Митрофана и о том, что он живет с супругой безбрачной жизнью, постриг батюшку в монашество с именем Сергия в честь святого Преподобного Сергия Радонежского и возвел его в сан архимандрита, а матушку Ольгу — в монахини с именем Елизавета.

В 1922 году, когда началось повсеместное изъятие церковных ценностей безбожной советской властью, отец Митрофан-Сергий прочел в храме послание Патриарха Тихона против кощунственной деятельности большевиков. Этого было достаточно, чтобы арестовать батюшку. Его томили в тюрьме пять месяцев до вынесения приговора. В это время производились массовые аресты священников, и многих из них расстреливали.

В 1925 году отца Сергия выпустили на свободу, и он вернулся в свою родную Марфо-Мариинскую обитель, но нена-

¹ А. Трофимов. «Святая Преподобномученица Елизавета», житие, акафист. Изд. «Русский Хронограф», Москва, с. 21.

долго. В этом же году коммунисты закрыли обитель, а всех насельниц сослали в дальние поселения. Батюшку тогда опять арестовали и заключили в Бутырскую тюрьму.

Многострадальный архимандрит Сергей провел много лет в тюрьмах и ссылке. Он был приговорен к расстрелу и потом рассказывал, что он пережил в ночь перед расстрелом. В последние часы перед жуткой казнью расстрел отцу Митрофану-Сергию заменили ссылкой. Супруга батюшки, монахиня Елизавета, долго хлопотала, чтобы освободить священника. Наконец ей это удалось, и батюшку отправили в село Владычня. Это был 1927 год. Батюшка в селе Владычня стал служить в Покровском храме. Его известность как великого молитвенника и прекрасного проповедника, стала распространяться кругом. Народ села Владычня и окружающих поселений потянулся к отцу Митрофану-Сергию. Безбожникам это «не понравилось», и они начали против батюшки новое «дело». Его обвинили в антисоветской агитации. В Советском Союзе всегда действовали всеильные «тройки» ОГПУ¹, росчерк пера которых решал судьбу арестованных: кого сослать в лагерь смерти, кого расстрелять... Такая «тройка» приговорила отца Митрофана-Сергия в 1930 году к пяти годам ссылки на Крайний Север. Батюшке в то время было шестьдесят лет, и он, перенеся несколько ссылок и тюрем, болел миокардитом. К нему на дальний Север с большими трудностями, плывя на плоту, добралась его верная подруга жизни — Ольга, в монашестве Елизавета.

Батюшка работал в ссылке на лесозаготовках и по сплаву бревен. От непосильной тяжести труда и нечеловеческих условий жизни архимандрит Сергей изнемогал, но он продолжал усердно молиться Богу и помогал другим ссыльным. Через два года его освободили, и он поселился в селе Владычня в ветхой избе. Покровский храм села большевики уже закрыли, и отец Сергей ходил молиться в другой храм, соседнего села. Это советским властям не понравилось, и они запретили отцу Сергию молиться в храме. Батюшка был вынужден возносить свои молитвы только дома. Вскоре матушку разбил паралич, и отец Сергей самоотверженно ухаживал за ней. К концу

¹ ОГПУ — Отдел главного политуправления.

жизни у батюшки открылся дар прозорливости и исцелений. Он даже видел бесов наяву, о чем многим рассказывал. Со всех сторон шел и съезжался к отцу Сергию народ за советом и утешением. В убогой и покосившейся лачуге батюшки, где не было даже электричества, все собравшиеся молились при свече и внимали речам отца Митрофана-Сергия.

Скончался архимандрит Сергей от крупозного воспаления легких в канун праздника Благовещения Божией Матери, 5 апреля 1948 года, и был похоронен при громадном стечении народа, на кладбище Владычного. В 2001 году Российская Православная Церковь причислила отца Сергия к лику святых, как исповедника. Его мощи перевезли в город Тверь, а в селе Владычня построили небольшой красивый храм в честь святого исповедника Сергия.

Святой исповедник Сергей, моли Бога о нас!

* * *

Ведя весьма строгую подвижническую жизнь, Великая княгиня Елизавета не требовала того же самого от своих сестер. Наоборот, она заботилась, чтобы они имели хороший стол, достаточное количество часов сна, и каждый год давала им отпуск. Во время этого отдыха сестры ездили или на богомолье в монастыри, или же проводили время на лоне природы в деревне, где, окрепшие физически и отдохнувшие от каждодневных забот, возвращались в обитель, чтобы с новыми силами приняться за свой самоотверженный труд. Если некоторые сестры не имели средств или возможности хорошо провести дни своего отдыха, Великая княгиня использовала свои связи и отправляла их на дачи к своим друзьям.

Поселившись в Марфо-Мариинской обители Милосердия, Елизавета Феодоровна почти перестала ездить в Петербург. Визиты Великой княгини в столицу были только тогда, когда ее присутствие там считалось необходимым. Она по-прежнему любила свою сестру-Императрицу и Императора, но теперь ее интересы были совершенно далеки от интересов двора. Единственное, куда любила ездить Великая княгиня, — это в отдаленные монастыри, где она могла всецело

отдаться молитве. Она искала уединения и покоя, но ей нелегко было ездить по России незамеченной. Обычно поездки Елизаветы Феодоровны не могли укрыться от народа, который восторженно ее встречал и следовал за ней, преклоняясь перед подвигом Великой княгини. Ее уже тогда любили по всей России и называли святой.

Глубоко почитая святого преподобного Серафима Саровского, Великая княгиня не раз ездила в Саров, чтобы молиться у раки угодника Божия. Теперь она в сопровождении двух или трех сестер своей обители ехала от железнодорожной станции до Саровской пустыни не в экипаже, как это было во дни прославления святого, а в простой крестьянской повозке. Езда занимала туда около шести часов. Но Елизавета Феодоровна легко переносила эти нелегкие часы переезда и с радостью спешила в храм, где покоились мощи святого преподобного Серафима.

Елизавета Феодоровна была очень близка с игуменией Покровской московской обители матушкой Фамарью¹. Когда она узнала, что у матушки есть чудотворный образ святого Серафима Саровского², она стала просить матушку отдать ей эту икону для больного наследника Алексея Николаевича. Как ни трудно было матушке Фамари расстаться со своей иконой, она не могла отказать в такой просьбе и передала ее Елизавете Феодоровне. С тех пор эта икона стояла у изголовья наследника.

Ездила Елизавета Феодоровна в Псков, в Киев, где усердно молилась в Киево-Печерской лавре, в Оптину пустынь, в Зосимовский монастырь. Была она и в Соловецком мона-

¹ «Матушка Фамарь», из воспоминаний о матушке схиигумении Фамари монахини Серафимы. Published by R. B. R. Inc., New York, N. Y. USA.

² Игумении Фамари эта икона была привезена из Сарова после прославления святого преподобного Серафима. Одним из потрясающих чудес от этой чудотворной иконы было исцеление молодой послушницы монастыря, на которую свалилась целая громада дров. Кости у нее были переломаны и повреждены внутренние органы. Она умирала. Но, когда ей на грудь положили чудотворный образ святого Серафима, она на глазах у всех встала совершенно здоровой.

стыре, где беседовала с отшельниками. Посещала она и самые маленькие монастыри в захолустных и отдаленных местах России, заселенных главным образом язычниками — черемисами и вотяками. Когда Великая княгиня побывала в обители Пермской губернии, в память ее посещения там, в центре раскольников, был основан Елизаветинский женский скит. Присутствовала Елизавета Феодоровна и на всех духовных торжествах, связанных с открытием мощей святых угодников Божиих, начиная со святого Серафима Саровского и кончая святителем Иоанном, митрополитом Тобольским. Больных паломников, ожидавших исцелений от новоявленных святых, Великая княгиня ночами тайно обходила и ухаживала за ними.

Елизавета Феодоровна глубоко уважала схиархимандрита Гавриила, известного старца Спасо-Елеазаровой пустыни¹. Она знала его еще по Семиозерной пустыни, расположенной около города Казани, куда она ежегодно приезжала с сестрой Марфо-Мариинской обители Варварой Яковлевой. Там она простаивала все длинные монастырские службы и питалась от общего стола монашествующих. Когда в четыре часа подавали чай в покоях настоятеля, Елизавета Феодоровна приходила туда и принимала участие в душевспасительных беседах. Эти собрания нередко посещались и студентами Казанской духовной академии.

Настоящее душевное сближение Великой княгини со схиархимандритом Гавриилом произошло тогда, когда старец уже был переведен в Спасо-Елеазарову пустынь, расположенную недалеко от г. Пскова. Здесь Елизавета Феодоровна приняла горячее участие в постройке маленькой домово́й церкви около кельи о. Гавриила. Она не только пожертвовала солидную сумму денег на строительство храма, но послала туда подсвечники, покров для жертвенника и престола и облачение для о. Гавриила. Иконы для иконостаса были выполнены по ее идее и под ее руководством.

¹ Архимандрит Симеон. «Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни». Типография преп. Иова Почаевского, Jordanville. New York, USA, 1964.

Старец был до того растроган вниманием к нему Великой княгини, что сам поехал в Марфо-Мариинскую обитель, чтобы лично поблагодарить Высокую настоятельницу. С этого времени и началась духовная связь между о. Гавриилом и Великой княгиней, которая не прерывалась вплоть до его кончины. Елизавета Феодоровна часто посещала Елеазарову пустынь, а о. Гавриил по ее просьбе приезжал в Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, где лечился, подкреплялся физически и наставлял сестер обители.

В письме брату Эрнесту, которое хранится в архиве Дармштадта, Елизавета Феодоровна писала о Спасо-Елеазаровой обители:

1911 г.

Дорогой Эрни!

Я немного отдыхаю в маленьком монастыре в лесу около Пскова — там, где проживает дорогой старец Гавриил — об этом я рассказывала тебе перед моей поездкой в монастыри Новгорода и Пскова. Какое это сокровище, как это прекрасно!.. Ты и сестры должны приехать и посмотреть все это вместе со мной. Теперь, так как я поехала в паломничество, я, конечно, почти все время в церкви, но для тебя мы можем это сочетать и с поездкой на замечательное озеро и реки, которые здесь вокруг...

Когда схиархимандрит скончался (уже во время Первой мировой войны), Елизавета Феодоровна вместе с несколькими сестрами своей обители поехала, чтобы присутствовать на его отпевании и помолиться за душу новопреставленного старца.

Вышеизложенное о схиархимандрите Гаврииле только один из примеров, какие уважение и любовь питала Великая княгиня Елизавета к лицам духовного звания.

Душа ее была настолько полна божественным, что это проявлялось во всех ее действиях. Даже поздравительные карточки, которые она посылала своим родным к праздникам

Святой Пасхи или Рождества Христова, или поздравления с днем рождения были почти исключительно религиозного содержания.

В архиве Дармштадта хранится несколько таких поздравлений, посланных Великой княгиней из России своим сестрам и брату. Некоторые рождественские открытки — с изображением Божией Матери с Божественным Младенцем, другие — виды русских храмов: Знаменского собора в Новгороде и собора в Киеве. Есть открытки с разными видами Соловецкого монастыря и почтовая карточка «Великий Четверг». Есть и открытки из серии «Старина Москвы».

Строки, написанные в них Великой княгиней, говорят о ее мыслях и пожеланиях и открывают глубину ее любвеобильного сердца.

Ее стремление к духовной жизни было так велико, что она собиралась закончить свою земную жизнь в затворе, в отдаленном глухом монастыре России, передав управление Марфо-Мариинской обители своей племяннице, Великой княгине Марии Павловне. Такое мнение высказывает Мария Павловна в своей книге «Education of a Princess».

Унаследовав от своего покойного супруга председательство в Палестинском Обществе, Елизавета Феодоровна, несмотря на свою занятость в Марфо-Мариинской обители Милосердия, продолжала уделять особое внимание Православному Палестинскому Обществу. Она входила во все детали работы Общества и руководила им. Особую заботу она проявляла о русских паломниках, направляющихся из России на Святую Землю.

Английский писатель Стефен Грэхам, который лично принимал участие в паломничестве русских крестьян, ехавших из России на Святую Землю, писал о деле помощи Великой княгини Елизаветы следующее (*пер. с англ.*):

...она была покровительницей русских паломников, отправляющихся в Иерусалим. Через общества, организованные ею, покрывалась стоимость паромных билетов паломников, едущих из Одессы в Яффу.

Великая княгиня построила также огромную гостиницу в Иерусалиме. Ее плодотворная работа в деле паломничества была многообразной...¹

Горячим желанием Елизаветы Феодоровны было присоединиться к паломникам, но она не могла отлучиться на долгое время из своей обители. Единственным ее дальним путешествием из России в сане настоятельницы была поездка в Англию, куда она отправилась, чтобы на месте осмотреть некоторые благотворительные учреждения, которые тогда стояли на высоте. Она хотела почерпнуть там что-то новое и полезное, чтобы применить это к своей Марфо-Мариинской обители Милосердия.

Очень занимала мысли Великой княгини и постройка русского православного подворья в Италии, в городе Бари, где покоятся мощи Святителя Николая, Мир Ликийских чудотворца. В ее обительской приемной стояла модель храма и других построек для Бари, разработанных знаменитым архитектором А. В. Щусевым.

Известный тогда в России проповедник и миссионер протоиерей Иоанн Восторгов² в 1911 году осуществил мечту Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Он поехал в Бари и купил там большой участок земли для Палестинского Общества, чтобы построить на нем храм и основать русское подворье.

О постройке храма в городе Бари Великая княгиня Елизавета Феодоровна в 1911 году писала Государю:

¹ Stephen Graham. «Part of the wonderful scene», an autobiography, Collins, St. James's Place. London, 1964, p. 230—321.

² Протоиерей Иоанн Восторгов после революции в России в 1917 году в своих проповедях бесстрашно обличал коммунистов. Каждое воскресенье в 4 часа дня он служил молебен на Красной площади Москвы, где также громил большевиков. Отец Иоанн был арестован чекистами и расстрелян в 1918 году. Перед казнью, стоя на краю выкопанной для мучеников могилы, он подкреплял их своим словом и благословлял и первым упал в яму, убитый выстрелом палача в голову. О деятельности и мученической кончине о. Иоанна Восторгова подробно рассказано в книге протопресвитера М. Польского «Новые мученики Российские».

Дорогой Ники! Я посылаю тебе мой доклад по важному вопросу — строительству в Бари русской церкви и странноприимного дома. Я, конечно, уверена в том, что единственный человек, которого Святитель Николай хотел бы видеть во главе этого благочестивого начинания, предпринятого в его честь и из любви к своему народу, и который почитает его превыше всех святых, — это ты, наш государь, сподобившийся величайшего утешения — принять во Святом Крещении имя «Николай» в честь Святителя Николая.

Земля к настоящему моменту уже куплена от имени частного лица (протоиерей Иоанн Восторгов. — *Л. М.*) Место очень хорошее — недалеко от вокзала, в оливковой роще, и оттуда трамвай идет прямо до базилики. Замечательное место и необычайно дешевое. И даже сам участок ориентирован на восток.

Да благословит Святитель Николай это предприятие, и я бы, конечно, хотела, чтобы ты принял участие в этом трогательном начинании и чтобы оно стало как бы незримой цепью, соединяющей его с твоим народом, и светлым пятном в твоём царствовании — в утешение за все выпавшие на твою долю невзгоды.

Елизавета Феодоровна весьма почитала великого святого, которого любит вся Россия, — Николая Чудотворца. Великая княгиня в июле 1910 года поехала в село Березовка Уфимской епархии, чтобы поклониться высокочтимой там иконе Николая Угодника. Образ этот обрели купцы во времена Иоанна Грозного в лесу, среди ветвей березы, на берегу реки Камы. Там был построен храм в честь Николая Чудотворца, а слобода вокруг стала называться Николо-Березовкой. Икона пребывала в этом храме и прославилась многими чудесами.

Елизавета Феодоровна пробыла в глухих местах Березовки четыре дня. Она там молилась, служила молебны и в день Казанской иконы Божией Матери участвовала в крестном

ходе, где несла на своих руках чудотворный образ Николая Угодника. Потом она писала Владыке Нафанаилу Уфимской епархии, как она была счастлива, что держала на своих руках прославленную икону небесного покровителя Березовки — Николая Чудотворца.

Большой радостью для Великой княгини Елизаветы была состоявшаяся закладка храма в честь Святителя Николая Чудотворца в городе Бари. Это торжество произошло при громадном стечении народа и представителей иностранных государств в Бари в день праздника перенесения мощей Святителя Николая Чудотворца 22 мая в 1913 году¹. Нижний храм был закончен и освящен через год, а также и странноприимный дом. Но в связи с началом Первой мировой войны дальнейшие работы по постройке храма в Бари были приостановлены².

* * *

Великая княгиня Елизавета, как сказано выше, всегда стремилась к духовной жизни, и когда в России происходили прославления новоявленных святых, то она старалась быть там.

В 1911 году состоялось торжественное прославление Патриарха всея Руси Гермогена, замученного поляками в Москве во время Смутного времени. Патриарх Гермоген в то страшное для России время явился фактически одним из главных спасителей Руси. Он произносил пламенные речи и слал послания во все концы России, вдохновляя народ

¹ Н. И. Бучинский. «Житие Святителя Николая, Архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца» Р. I. U. F. 3 rue du Sabot, Paris. 1969.

² Не только русские, но и греки знают об участии Великой княгини Елизаветы Феодоровны в строительстве русского храма в городе Бари. В 1983 году в русский храм Святителя Николая Чудотворца в Бари была прислана в дар икона святой новомученицы Великой княгини Елизаветы. Икона довольно большая, прекрасного письма, изображающая святую мученицу в одеянии настоятельницы Марфо-Мариинской обители Милосердия с четками в руке. Эта икона была написана в одном из монастырей в Греции, и внизу стоит надпись по-гречески, что она приносится в дар русскому православному храму в городе Бари.

и ополчение идти против поляков-захватчиков и освобождать Москву и Святую Русь. За это его поляки заключили в подземелье Чудова монастыря, где морили голодом. Владыка только мог есть солому, на которой лежал. История не знает настоящей кончины Патриарха: по одной версии, он скончался в мучениях от голода и жажды, по другой, его поляки задушили.

В Москву, к прославлению мученика-владыки тогда собралось до двухсот тысяч богомольцев, желавших почтить память Священномученика Патриарха Гермогена и получить от него исцеление или вразумление в житейских невзгодах.

Государь Император с Государыней изготовили на свои средства прекрасную раку для святителя и драгоценные облачения. Елизавета Феодоровна также приняла горячее участие в изготовлении риз для святого.

Елизавета Феодоровна вместе с князем Иоанном Константиновичем, сыном Великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р., присутствовала каждый день и каждый вечер на торжественных богослужениях по случаю прославления Патриарха Гермогена и в Чудовом монастыре, где в каменном «мешке» томился и почил замученный Патриарх, и в Успенском соборе. Елизавета Феодоровна по ночам обходила паломников, которые приехали на канонизацию святого, и многие из них проводили ночи на улицах города Москвы, не имея места для ночлега. Великая княгиня разговаривала с ними, рассказывала о святой жизни и подвиге Патриарха и утешала страждущих. Елизавета Феодоровна и множество других людей были свидетелями чудесных исцелений больных у раки новопрославленного Священномученика Гермогена. Эти многочисленные исцеления были запротоколированы и гражданскими и духовными властями Москвы.

ГЛАВА 15

1912 год ознаменовался столетней годовщиной победы России над Наполеоном.

В Казанском соборе в Петербурге, где был похоронен генерал-фельдмаршал М. И. Голенищев-Кутузов, командующий русскими войсками в Отечественной войне 1812 года, было совершено торжественное богослужение в присутствии Императорской семьи.

Для поездки Государя в Бородино, где произошло решительное сражение русских с французами, был сформирован специальный поезд, который стоял на насыпи у Бородина в продолжение всех бородинских церемоний. Заключительной частью юбилейных торжеств был приезд Императора из Бородина в Москву.

В первый день прибытия Государя в Первопрестольную столицу была отслужена Божественная литургия в храме Христа Спасителя. История этого храма настолько удивительна, что я считаю необходимым дать краткую справку о строительстве, разрушении и восстановлении нашего великого храма.

Величественный памятник — храм Христа Спасителя был воздвигнут в память спасения России от нашествия наполеоновской армии. Мысль создания такого храма принадлежала Императору Александру I. Он хотел создать что-то в высшей степени грандиозное, достойное своего назначения. Было рассмотрено несколько проектов храма. Но по тем или иным причинам они не подошли. Место для будущего храма было выбрано уже при Императоре Николае I на площади, где раньше стоял женский Алексеевский монастырь. Закладка храма Христа Спасителя состоялась в 1839 году по проекту академика К. Тона, а закончен храм был в 1880 году. На cere-

Храм Христа Спасителя в Москве, 1839—1880 гг. Взорван боготорческой коммунистической властью в 1931 г. по приказу И. В. Сталина и активном участии Лазаря Моисеевича Кагановича. Заново отстроен и освящен 19 августа 2000 г., в праздник Преображения Господня

Уколокольни Храма Христа Спасителя, июль 2001 г. Слева направо: доктор Р. А. Пумырзина, гид Храма Христа Спасителя, матушка Марфо-Мариинской обители Елисавета и автор книги Любовь Миллер

монии открытия этого храма-памятника Император Александр II сказал: «Да будет сей храм стоять века, вознося славу русскому народу» (см. «Разрушенные и оскверненные храмы», изд. «Посев», Франкфурт-на-Майне, 1980, с. 142). Эти слова Императора были высечены на мраморной доске стены храма.

Храм Христа Спасителя был построен в русско-византийском стиле и по своей величине и красоте превосходил многие другие храмы России. Он вмещал в себя 10 тысяч человек. Высота его достигала 103 метров. Кроме монументальности, храм отличался изяществом и легкостью архитектурной постройки. Белый мрамор, порфир, лабрадор, золото, драгоценная мозаика и инкрустация украшали его. Над изумительной скульптурой и живописью храма работали лучшие силы Российской империи. Снаружи храм опоясывался мраморными горельефами работы известных скульпторов: Клодта, Логиновского, Рамазанова. Внутри храм был расписан художниками: Марковым, Маковским, Сорокиным, Нефом, Венигом, Верещагиным, Семирадским, Прянишниковым, Суриковым, Бруни. На мраморных досках храма-памятника перечислялись имена героев Отечественной войны и все полки, участвовавшие в этой войне. Вокруг храма Христа Спасителя был устроен прекрасный сквер и поставлены бронзовые бюсты главным деятелям войны.

Чтобы этот храм-памятник был действительным даром всего русского народа Господу, был произведен всероссийский сбор. Таким образом, этот храм был построен не только на деньги казны и богатых вкладов, но и на трудовые копейки всего русского народа.

Богоборческая коммунистическая власть Советского Союза не пощадила этот храм. По приказу варвара Сталина и исполнителя Кагановича адский план по уничтожению храма был приведен в исполнение. Коммунистическая власть взорвала и разрушила храм Христа Спасителя до основания.

Этот храм-памятник, который олицетворял собой творчество русского гения и являлся достоянием сокровищницы

не только России, но и всего человечества, был взорван коммунистами в 1931 году. Все ценности храма были ими разграблены (только на одних куполах золота было 422 килограмма). Храмовой мрамор коммунисты употребили на сооружение московского метро, которое показывается иностранным туристам как «советское достижение». На месте разрушенного храма Христа Спасителя правительство Советского Союза хотело соорудить Дворец Советов — иными словами, памятник Ленину и коммунистической партии. Но случилось необычайное. Господь не попустил такого осквернения этого святого места. Сколько коммунисты ни прилагали усилий, сколько они денег ни истратили на изыскание, проекты и укрепление почвы, земля, которая держала на себе громаду храма Христа Спасителя, отказалась нести на себе Дворец Советов. Грунт оказался слабым и не выдерживал запроектированной постройки. Коммунистам пришлось соорудить на этом месте бассейн для плавания, пар которого, поднимаясь над теплой водой бассейна в холодное время года, проникал в залы рядом стоящего музея и портил драгоценные полотна.

С распадом коммунистической власти в России появилась идея о воссоздании Храма Христа Спасителя. Закладка нового Храма произошла на праздник Рождества Христова в 1995 году, а большое освящение уже законченного храма было в день Преображения Господня в 2000 году.

Хочу рассказать о моем впечатлении о Храме Христа Спасителя, где я побывала в 2001 году (Л. Миллер).

Когда я вошла туда, то буквально разрыдалась. Я и не мечтала, что увижу то, что было разрушено злодеями Сталиным и Лазарем Кагановичем.

Весь главный Храм Христа Спасителя — точное воспроизведение того, что было раньше: чудесная роспись стен и иконы моего любимого живописного письма, белый мраморный алтарь. Все такое прекрасное, что дух захватывает! Есть там икона Спаса Нерукотворного кисти художника Е. С. Сорокина, спасенная кем-то от дьяволов-разрушителей старого храма.

Внизу выстроили новый по своему характеру храм. Раньше его не было. Этот храм — в честь праздника Преображения Господня, но он уже расписан в строго иконописном греческом стиле и на меня впечатления не произвел. Правда, есть отдельные, на мой взгляд, хорошие иконы: например, мозаичная икона святого Патриарха Тихона, икона святых Оптинских старцев и икона святого Серафима Саровского. Икона Преображения Господня, как мне кажется, не очень удачная: греческое письмо, искривленные, неестественные фигуры Апостолов...

Надо отметить, что, как и первый храм, который был построен на сборы всего русского народа, так и этот, новый Храм Христа Спасителя, тоже строился не только на деньги правительства и богатые вклады состоятельных людей, но и на рубли, которые потекли со всей России. Также откликнулась наша бывшая и настоящая эмиграция. К примеру, из Австралии было отправлено на воссоздание Храма Христа Спасителя 25 тысяч долларов.

* * *

Великая княгиня Елизавета горячо поддерживала не только все церковные и благотворительные организации, но также и организации как научно-художественного, так и исторического характера. Она принимала всегда участие во всех торжествах, связанных с историей России.

Столетняя юбилейная годовщина подвига русского народа Отечественной войны воодушевила Великую княгиню проявить себя.

В Москве был образован особый комитет по разработке плана празднования этой даты. В этой комиссии также принимал участие и епископ Анастасий (будущий Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей).

Заключительным днем празднования годовщины войны 1812 года был день святого Александра Невского, 30 августа (по ст. ст.). Представитель министерства двора настаивал на внесении в программу этого дня посещения Императором земского Кустарного музея, никак не связанного с историче-

скими событиями Отечественной войны. Это предложение было совершенно нелепым. Епископ Анастасий предложил отметить этот последний день торжеств общенародным благодарственным молебном на Красной площади. Он считал, что для жителей Москвы будет очень хорошо видеть своего Царя среди всех на всеобщем молебствии. Несмотря на поддержку этого предложения со стороны других членов комитета, представитель министерства не хотел уступить, мотивируя свой план «Высочайшим повелением».

Встретив Елизавету Феодоровну, епископ Анастасий поделился с ней своей заботой. Великая княгиня выслушала владыку с большим вниманием. Она вполне понимала, что посещение Императором земского Кустарного музея было абсолютно не подходящим для такого знаменательного дня. Елизавета Феодоровна никогда не вмешивалась в дела администрации двора, но в этом случае она решилась помочь.

Сам архиепископ Анастасий пишет об этом в брошюре «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» следующее (с. 17):

Выслушав мое сообщение с большим волнением, она сказала: «Я попробую написать об этом Государю, ведь нам, женщинам, — добавила она со сдержанною улыбкой, — все позволено».

Через неделю она уведомила меня, что Государь изменил программу в желательном для нас смысле.

Наступивший затем день 30 августа дал величественную и даже потрясающую картину подлинно всенародного церковного и вместе патриотического торжества, которого никогда не забудут очевидцы, и этим зрелищем Москва была обязана ходатайству Великой княгини, показавшей в настоящем случае не только свою преданность Церкви, но и глубокое историческое, чисто русское чутье.

1913 год также ознаменовался в России большим событием. Это была годовщина трехсотлетия дома Романовых.

В 1613 году, после тяжелого Смутного времени, на Руси был избран на царский престол первый представитель династии Романовых, юный Михаил¹.

Чтобы отпраздновать эту важную дату, Император распорядился разработать большую программу торжеств по всей стране. Была выпущена специальная юбилейная монета — серебряный рубль с изображением двух глав — первого царя Михаила Романова и Императора Николая II.

Царская семья ездила по городам, где проезжала мимо выстроенных шпалерами войск, школьников и толп народных. В Петербурге, в Казанском соборе², был совершен благодарственный молебен.

В этом Казанском соборе произошел неприятный инцидент. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко, войдя в храм, увидел, что на почетном месте, впереди чле-

¹ Смутное время было очень тяжелым периодом в истории Российского государства. После смерти царя Бориса Годунова явились два самозванца, которые выдавали себя за убитого сына Иоанна Грозного — Дмитрия.

Первого самозванца, который занял Русский престол с помощью поляков в 1605 году, Григория Отрепьева, сверг Василий Шуйский, который сам сел на Царский престол. Но ему вскоре пришлось бороться со вторым самозванцем — Тушинским вором. Затем на сцене Российской истории появился сам польский король Сигизмунд, и царь Василий Шуйский принужден был отказаться от царства. Поляки захватили столицу Руси Москву и хотели посадить на Русский престол сына Сигизмунда, Владислава. Казалось, что Русскому государству пришел конец. Но внезапно возникло народное движение во главе с князем Пожарским и Кузьмой Мининым. Патриарх Гермоген слал русскому народу воззвания против польской захватнической власти. Он был ими заточен в темницу, где его морили голодом, и он скончался в тяжелых мучениях. Когда войска князя Пожарского, неся с собой чудотворный образ Казанской Божией Матери, освободили Москву от поляков, собрался Всероссийский Собор и избрал на Царство юношу Михаила Романова в феврале 1613 года.

² Грандиозный и величественный Казанский собор с колоннадой был построен на Невском проспекте в Петербурге по проекту знаменитого русского архитектора А. Воронихина. В нишах парадного портика стояли статуи святых Великих князей Владимира и Александра Невского. Собор был освящен в 1811 году. Этот исторический храм был осквернен коммунистами и превращен в «Музей истории религии и атеизма».

нов Думы, стоит наряженный в шелковую рубаху, в лаковых сапогах и с наперсным крестом на груди проходимец Григорий Распутин.

М. В. Родзянко подошел к нему вплотную и сказал: «Ты зачем здесь?» Последовал ответ Распутина: «А тебе какое дело?» Председатель Государственной Думы возмущился обращением на «ты» и сказал Распутину, что если он сейчас же не уйдет, то будет вызван полицейский пристав и Распутина с позором выведут из собора. Тогда мужик стал гипнотизировать М. В. Родзянко. Он своим диким взглядом впился в лицо председателя Государственной Думы, потом стал смотреть в область сердца М. В. Родзянко. Последний почувствовал необъяснимую жуткую силу, которая стала действовать у него внутри, и, напрягши свою волю, М. В. Родзянко сам стал прямо смотреть в глаза Распутина. Тогда наглый мужик бросился на колени и стал своим лбом бить о пол собора. Потом поднялся со словами: «О Господи, прости его грех!» — и направился к выходу.

Великая княгиня Елизавета, поручив Марфо-Мариинскую обитель Милосердия своим помощницам и милости Божией, поехала в столицу, чтобы присутствовать на этом молебне. Она присоединилась к Императорской семье и в их поездке по старинным городам России, где ярко проявились национальные силы русского народа: в Нижний Новгород, Владимир, Кострому, Ярославль, Ростов¹. Эта поездка носила значимый характер. Везде устраивались величественные церемонии и совершались торжественные богослужения в церквях.

В одеянии настоятельницы Марфо-Мариинской обители Елизавета Феодоровна поражала всех своей красотой — красотой духовной, внутренней². Она появлялась только в церквях, а в общественных празднествах не участвовала. После окончания богослужений она сразу же удалялась в покои женских монастырей.

¹ В Костроме, когда Великая княгиня Елизавета Феодоровна узнала, что Григорий Распутин здесь и пачкает своим присутствием торжество трехсотлетия дома Романовых, она в ужасе закричала и упала перед иконами на колени в долгой молитве.

² М. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier».

Во время всех этих поездок Императорской семьи народ с энтузиазмом встречал Государя, и казалось, что Монархия, Православие и народ слилось в одно целое. Но это только на время всколыхнуло сознание народа. В России тогда уже повсеместно шла работа революционеров. Единственный человек, который мог тогда спасти Россию от революции, уже два года лежал в могиле, убитый социалистом-революционером. Это был Петр Аркадьевич Столыпин, председатель Совета Министров.

Политика П.А. Столыпина вела Россию к расцвету. Развивалась промышленность, и быстро крепла экономика страны. Но реформы П.А. Столыпина выбивали почву из-под ног революционеров, и им, чтобы продолжать свою гнусную деятельность, необходимо было его «убрать». В 1906 году на даче Столыпина была брошена бомба. В результате погибло 27 человек, но Петр Аркадьевич остался невредим. 14 сентября 1911 года, во время представления оперы «Сказка о царе Салтане» в киевском театре, в присутствии Императорской семьи вплотную к Столыпину подошел молодой человек во фраке — Богров и двумя выстрелами в упор смертельно ранил Петра Аркадьевича.

П.А. Столыпин нашел в себе силы, чтобы повернуться к царской ложе и осенить ее крестным знамением, а затем упал в кресло. Через четыре дня он скончался и был погребен в Киево-Печерской лавре.

Это убийство потрясло всю страну.

Убийца Богров был еврейского происхождения, и только меры, предпринятые лично Императором Николаем II, спасли тогда Киев от еврейского погрома¹.

Этот выстрел, как пишет М. Палеолог в «Aux portes du jugement dernier», особенно повлиял на Императрицу Александру Феодоровну.

¹ Аарон Симанович. «Распутин и евреи». Воспоминания личного секретаря Григория Распутина, изд. «Историческая библиотека». Рига. Переиздана «Просвещением». Тель-Авив, Израиль.

Имея четырех дочерей, Императорская чета молила Бога о даровании им сына. Но, когда долгожданный наследник родился, он оказался жертвой неизлечимой болезни.

Цесаревич Алексей, играя в парке, упал и получил ушиб с кровоточащей ранкой¹. Немедленно был вызван придворный доктор, который применил все известные тогда медицине средства, чтобы остановить кровь. Но кровотечения он остановить не мог. Императрица Александра Феодоровна упала в обморок. Ей не нужно было слышать диагноза специалистов. Она знала признаки этой ужасной болезни — гемофилии, и знала несчастная Царица, что это была болезнь ее рода, от которой страдало мужское поколение. Император Николай II за одну ночь состарился на десять лет. Его единственный сын и наследник Российского престола страдал неизлечимой болезнью — гемофилией, и медицина была бессильна помочь.

Переживающая за своего сына Императрица искала утешения в молитве, у гробниц святых, в местах уединения и у сомнительных людей.

В своей книге «Aux portes du jugement dernier» М. Палеолог пишет, что Императрица не сомневалась в том, что через молитвы Распутина, через его посредничество возможно было вымолить у Всевышнего спасение сына и святой Руси.

О страданиях наследника Алексея от гемофилии пишет протопресвитер М. Польский в книге «Новые мученики Российские» следующее (том I, с. 234—235):

Цесаревич, лежа в кроватке, жалобно стонал, прижавшись головой к руке матери, и его тонкое, бескровное личико было неузнаваемо, — пишет один свидетель этих страданий. — Изредка он прерывал свои стоны, чтобы прошептать только одно слово: “мама”, в котором он выражал все свое страдание, все свое отчаяние. И мать целовала его волосы, лоб,

¹ В некоторых книгах написано, что уже в младенческом возрасте у Цесаревича Алексея проявилась болезнь гемофилия.

глаза, как будто этой лаской она могла облегчить его страдания, вдохнуть ему немного жизни, которая его покидала.

Какая мать откажется от того, чтобы в таком положении не испробовать все возможные средства — медицины, веры в Бога, даже веры в людей, могущих исцелить и облегчить?! На этом и только на этом были основаны отношения Государыни к «старцу» Распутину, простому сибирскому мужику. Эти отношения имели источником самые благородные чувства, которые способны наполнить сердце матери, — любовь к опасно больному сыну и жажда его исцеления...¹

Е. М. Алмединген в своей книге на с. 78 писала:

...К 1914 году Императрица Александра, на восемь лет моложе ее, выглядела гораздо старше Елизаветы. Вся ее красота пострадала от волнений, беспокойств и болезней...

Здесь нельзя не упомянуть об отношении Великой княгини Елизаветы к Распутину. Она никогда не вмешивалась в дела политики, но она глубоко страдала, чувствуя, как возрастает беспокойное положение внутри страны, и она видела в Распутине темную силу. Она часами молилась за Россию, за русский народ, за Императорскую семью.

Игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» на с. 16 писал:

Покойная была умудрена настолько, что редко ошибалась в людях. Она глубоко скорбела, что епископ Феофан, будучи духовником и духовным

¹ Далее, в примечании, протопресвитер М. Польский пишет: «Григорий Распутин — человек простой, необразованный, грубый, но умный, обладавший гипнотической силой внушения и ясновидением, облакавший в религиозную и православную форму свои слова и действия, добрый ко всем, просившим у него помощи, разгульный в личном поведении. Личность — недостаточно описанная и разгаданная в литературе. В среде непрямодушных людей двора он мог иметь влияние на чистую, любящую правду и благочестивую Царственную чету...»

руководителем Государыни, верил Григорию Распутину и представил его как редкого в наше время подвижника-прозорливца...

Сколько бы Григорий и другие подобные ему люди ни добивались приема Великой княгини, но она в этом отношении была тверда, как адамант, ни разу никого из таковых не принимала...

ГЛАВА 16

Летом 1914 года приехала в Россию навестить Елизавету Феодоровну ее сестра, принцесса Виктория Баттенбергская, со своей дочерью. Они остановились в Марфо-Мариинской обители, а потом вместе с Великой княгиней поехали в Нижний Новгород, Казань и Пермь, где посещали многие монастыри. Из Перми принцесса Виктория направилась на Урал, а Елизавета Феодоровна поехала на богомолье в один из монастырей Пермской епархии. В Серафимо-Алексеевском скиту пришла ей телеграмма от сестры-Императрицы.

Игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» на с. 15 пишет об этом следующее:

...Прочитав телеграмму, Ее Высочество побледнела и несколько минут не могла ничего сказать. На мой вопрос, что случилось, она сказала: «Сестра просит молиться, чтобы Бог отвел войну, ибо войну желают враги России, желая гибели ей», — и слезы полились из ее глаз...»

Великая княгиня страшилась войны. В ее глазах вставали призраки минувшей Русско-японской войны 1904—1905 годов, и она чувствовала, что новая война поведет Россию к гибели.

Чтобы получить моральную поддержку и укрепить свои духовные силы в эту минуту надвигающейся войны, Елизавета Феодоровна поехала в Верхотурье помолиться у мощей святого праведного Симеона, и, причастившись там Святых Таин Христовых, она поспешила обратно в Пермь, где ждала ее уже сестра Виктория с дочерью, и они все вместе отправились по железной дороге в Петербург. Здесь сестры расстались.

Они не знали, что это была их последняя встреча на земле. Следующая их «встреча» произошла в Египте, куда принцесса Виктория, маркиза Мильфорд-Хевен, приехала, чтобы встретить гроб с телом своей сестры и проводить его до места ее упокоения — в Иерусалим.

* * *

Россия вступила в войну с Германией в августе 1914 года. Император Николай II не хотел ее.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» на с. 256 пишет:

Император Николай II сделал все, что было в его силах, чтобы предотвратить военные действия, но не встретил никакой поддержки в своих миротворческих стремлениях в лице своих ближайших военных сподвижников...

Когда был отдан приказ о мобилизации, желающие записаться в число новобранцев стояли в очереди у пунктов регистрации. Не подходящие по возрасту или по состоянию здоровья открыто рыдали, когда им отказывали.

Тогда патриотизм русских людей достиг своего апогея. Народ восторженно приветствовал военных, проходивших по улицам, и забрасывал их цветами.

Война только что началась, а уже шли разговоры, что русская армия скоро возьмет Берлин, а к Рождеству Христову будет заключен мир.

Император Николай II в своем обращении к народу торжественно обещал вести войска к победе. Тогда неисчислимая масса людей собралась на площади у Зимнего дворца. При появлении Императора с Императрицей на балконе раздались оглушительные крики приветствий многотысячной толпы, которые сменились звуками национального гимна, подхваченного громовым пением всего народа.

Великая княгиня Елизавета, одетая в белое монашеское одеяние, стояла в числе других членов дома Романовых

в гостиной Зимнего дворца, окна которой выходили на площадь. Лицо ее горело, глаза излучали сияние. Она, вероятно, тогда говорила себе: «Мой Сергей был бы так рад. Какой революционный агент может сравниться с этой толпой? Они могут отдать свои жизни за Ники, и их вера выиграет войну»¹.

В возвышенном душевном состоянии Елизавета Феодоровна поехала из Зимнего дворца в Мраморный дворец². Здесь пять сыновей Великого князя Константина Константиновича уже были одеты в защитного цвета военную форму, чтобы ехать на войну.³

Старшая дочь Великого князя, Татьяна Константиновна⁴, хорошо запомнила этот день. Она никогда раньше не видела Елизавету Феодоровну в таком возбуждении. Она привыкла ее видеть всегда спокойной, рассудительной и немногословной. На этот раз Елизавета Феодоровна говорила очень много о православии русского народа. Она говорила о войне как о крестовом походе, где все святые, в земле Российской просиявшие, будут молить Бога о даровании русским победы.

Когда Елизавета Феодоровна вернулась в Москву, в свою обитель, несколько сестер, в том числе и княжна Мария Оболенская, стали просить ее отпустить их на фронт, чтобы работать в полевом госпитале. Великая княгиня, посоветовавшись с духовником обители протоиереем Митрофаном Сребрянским дала свое согласие и благословила их.

Вскоре Елизавета Феодоровна вторично испытала восторженный подъем своей души, когда Государь посетил ее город Москву.

¹ E. M. Almedingen. «An Unbroken Unity», p. 82.

² В Мраморном дворце жила вся семья Великого князя Константина Константиновича.

³ Вся семья Великого князя Константина Константиновича отличалась большой религиозностью. Пять сыновей: Олег, Гавриил, Игорь, Константин и Иоанн перед отправлением на фронт причастились Святых Таин и молились в часовне Спасителя в Петербурге, в Петропавловской крепости, у могил предков и на Смоленском кладбище, у могилы святой Блаженной Ксении Петербургской.

⁴ Будущая игумения Елеонской обители в Иерусалиме, матушка Тамара.

Император решил поехать в Москву, чтобы «соединиться с душой своего народа»¹.

М. Палеолог, как посол Франции, сопровождал Государя. Он наблюдал, с каким энтузиазмом встречал русский народ своего Царя.

По прибытии в Москву в Большом дворце, в Георгиевском зале, состоялась встреча Императора с представителями всех сословий населения Российской империи.

Когда уже все были на своих местах, внутренние двери распахнулись и в зал вошла вся Царская семья. Больного наследника Алексея Николаевича внесли на руках. Последней шла Великая княгиня Елизавета.

Государь произнес речь, в которой сказал, что приехал в Москву, чтобы получить моральную поддержку в молитвах у святых Кремля. Он подчеркнул, какой большой подъем охватил всю российскую нацию и заключил свою речь словами: «Отсюда, из сердца России, я посылаю мой горячий привет моим храбрым войскам и доблестным союзникам...» (*пер. с фр.*)².

После речи Императора процессия направилась в Успенский собор на торжественное богослужение, где присутствовало многочисленное духовенство во главе с тремя митрополитами.

Во время богослужения придворной капеллой исполнялись изумительные по красоте литургические песнопения, которые, по мнению М. Палеолога, являются, вероятно, самыми красивыми церковными песнопениями во всем мире.

М. Палеолог, который всегда восхищался Елизаветой Феодоровной и ее подвигом, наблюдал, с какой молитвенной настроенностью она тогда молилась и как она, поднявшись на амвон и встав на колени, благоговейно приложилась к чудотворной исторической иконе Божией Матери «Владимирская».

После окончания церковной службы вся процессия во главе с митрополитами направилась к выходу.

¹ M. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier».

² Ibid.

Этот момент М. Палеолог описывает следующими словами (*пер. с фр.*):

Двери храма раскрылись. В ослепительных лучах солнца внезапно перед взорами раскинулась вся панорама Москвы. В то время, когда проходила процессия, я думал, что такие церемонии имели место только при дворе Византии...

В конце перехода, задрапированного в пурпур, ожидали кареты двора. Перед тем как взойти в них, Императорская семья некоторое время стояла перед бурными приветствиями громадной толпы.

Император сказал мне и Бьюкенену: «Подойдите ко мне ближе, господа послы. Эти приветствия относятся также к вам, как и ко мне».

М. Палеолог называет психологию русского народа «самой загадочной, самой неустойчивой и самой непонятной во всем мире» (*пер. с фр.*).

Вероятно, он был прав, говоря о непостоянстве русского народа, который от энтузиазма и лояльности к Государю быстро перешел к охлаждению, а потом и к жажде крови и разрушению — к революции.

Глубокая религиозность Великой княгини Елизаветы давала ей веру не сомневаться в окончательной победе русского народа, но она не позволяла себе увлечься надеждой, что Германию можно победить в течение нескольких месяцев.

В Царском Селе Императрица Александра Феодоровна вместе с Великой княгиней Елизаветой устроила совещание, где присутствовали и другие дамы двора. Здесь был намечен план работы на первые месяцы войны, куда входило формирование санитарных поездов, устройство складов лекарств и снаряжения, а также посылка на фронт походных церквей.

Было нелегко претворить в жизнь планы, которые были намечены в Царском Селе. Елизавета Феодоровна встретила с большими препятствиями. Люди еще не привыкли к мысли о войне, и заведующий персонал того или иного учрежде-

ния часто не знал, как взяться за дело, чтобы быстро наладить переброску необходимых материалов на фронт.

Во время первых недель войны 25 грузовых машин с медикаментами, которые организовала Елизавета Феодоровна, были отправлены «по ошибке» не на запад, к линии военных действий, а в противоположном направлении; вагоны, где находились походные церкви, вместо фронта пошли в город Царицын.

Е. М. Алмединген со слов одной из бывших сестер Марфо-Мариинской обители пишет, что в те дни Великая княгиня часто впадала в справедливый гнев и не хотела признавать оправданий провинившихся чиновников. Бывало, ответственное лицо, стараясь оправдать себя, говорит (пер. с англ.): «...так и так, Ваше Императорское Высочество, нехорошо себя чувствовал. Действительно, я сознаю, что те походные церкви не должны были быть отправлены на Царицын...»¹

Или еще: «...случилось так, что жена опасно заболела... поэтому подписал не те бумаги, но я уверяю Ваше Императорское Высочество, что транспорт уже направили обратно в Москву».

Елизавета Феодоровна горит гневом и восклицает, что транспорт уже давно должен был быть на фронте, что эта преступная оплошность может стоить бесчисленных человеческих жертв.

Официальное лицо извиняется и обещает все скоро устроить, но не знает, как к этому приступить, и нередко Великой княгине приходилось заниматься тем, чтобы наладить правильную и быструю переброску медикаментов или походных церквей в зону фронта.

Бюрократия, запутанность дел, халатное отношение и даже продажность некоторых чиновных лиц делали то, что солдаты часто платили кровью за эти преступления администрации².

С момента начала войны стало очевидным, что санитарная служба не могла справиться со своей задачей.

¹ Е. М. Almedingen. «An Unbroken Unity», p. 85.

² M. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier».

Ощущался недостаток в обслуживающем персонале, в транспорте, в медикаментах. Не было опыта в руководстве.

Потери на фронте были огромные. Когда первые санитарные поезда стали прибывать с ранеными в тыл страны, настроение в народе резко упало. В церквах служились панихиды по новопреставленным убиенным воинам, и списки имен людей, павших смертью храбрых, запестрели в печати. Спасая Францию, в Восточной Пруссии погибла армия генерала Самсонова. Сам генерал, не желая попасть в плен, покончил свою жизнь, застрелившись из револьвера.

Переживающая поражения на фронте, истерзанная постоянными неприятностями и препятствиями, но стойкая и еще более энергичная, жаждущая все большего самопожертвования, Елизавета Феодоровна металась от одного учреждения к другому, пытаясь наладить работу санитарной службы и снабжения.

Когда положение на фронте улучшилось и русские войска заняли Львов, столицу Восточной Галиции, Императрица Александра Феодоровна хотела быть рядом со своим супругом, чтобы присутствовать на торжестве по случаю этой победы. Но в то время она была больна и попросила Елизавету Феодоровну заменить ее.

Великая княгиня поехала вместе с Императором в город Львов, где стояла рядом с Государем во время торжественного парада войск.

Громогласные приветствия, крики «ура!», выдача наград отличившимся воинам, подбадривающие теплые слова солдатам — это было последним официальным служением России Елизаветы Феодоровны, как представительницы династии Романовых. Это был красивый заключительный аккорд ее жизни как русской Великой княгини.

Когда официальная часть программы во Львове была закончена, Елизавета Феодоровна поехала с инспекцией полевых госпиталей Карпатского фронта.

Обходя госпитали и склады медикаментов и обмундирования, она все тщательно проверяла и делала заметки в своей записной книжке. Она осталась удовлетворенной тем, что

видела, и послала телеграмму Императрице Александре Феодоровне, чтобы обрадовать ее, так как четыре санитарных поезда и склады, которые обследовала Великая княгиня, были сформированы и снабжены трудами Императрицы.

Неполадки в транспорте и снабжении были уже до некоторой степени устранены. Солдаты, ободренные успехами на фронте, верили в окончательную победу.

Эти ранние успехи русской армии не продолжались долго. 1915 год стал приносить одно поражение за другим. Русская армия оставила Галицию и потеряла Польшу. Начались беспорядки и внутри России. Работа железнодорожного транспорта стала ухудшаться. Пути были забиты вагонами. Товарные поезда с провизией и медикаментами простаивали на запасных путях. Не хватало рабочей силы для ремонта подвижного состава. В стране поползли зловещие слухи — «измена». Также, подогреваемая немецкими агентами, стала распространяться гнусная ложь, что Императрица Александра Феодоровна сочувствует Германии и желает ей победы.

Не пощадила общественная молва и Великую княгиню Елизавету Феодоровну, которая ежедневно посещала госпитали с ранеными, подкрепляя их теплым словом и оделяя иконками и подарками. В первое время войны она навещала также и раненых военнопленных немцев и австрийцев. Она считала, что как христианка, должна оказывать внимание и беспомощным неприятельским солдатам, которые вдалеке от своей родины, среди чужих для них людей тоже нуждались в ласковом слове.

Это вызвало разговоры в народе. Стали обвинять Великую княгиню в том, что она оказывает внимание врагам и дает им деньги, а русским раненым — только иконки, что было неправдой. Чувствительному сердцу Елизаветы Феодоровны было тяжело слышать эту клевету. Она страдала и сразу прекратила свои визиты к раненым немцам.

Россия приближалась к катастрофе, и Великая княгиня это ясно сознавала и тяжело переживала создавшееся положение в стране. Она поверяла свои мысли игумену Серафиму, когда он приезжал к ней с фронта.

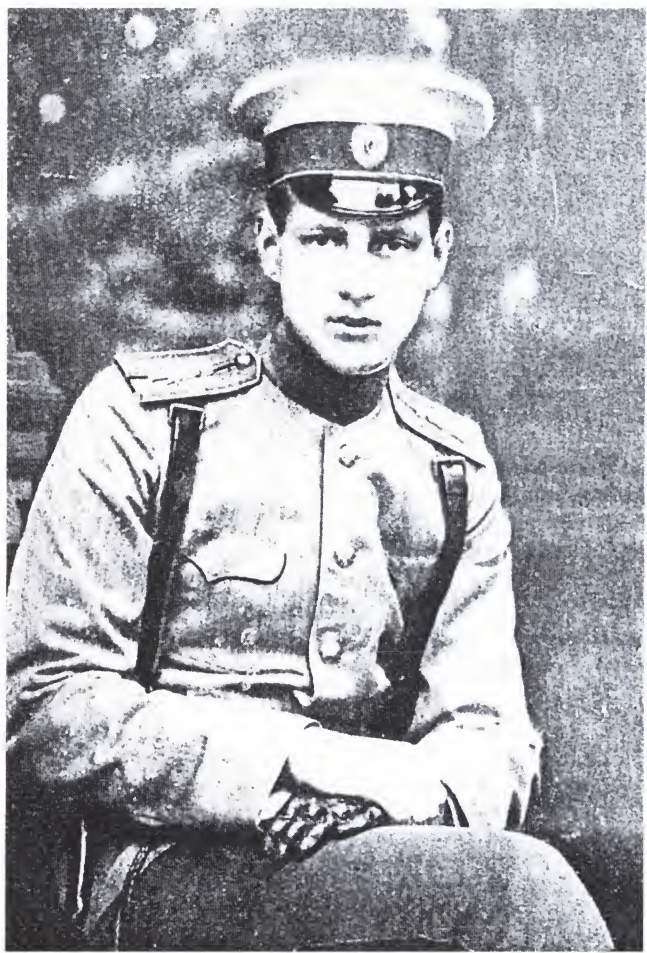
*Великий князь Сергей Александрович
с супругой Елизаветой Феодоровной
во время счастливой жизни в Ильинском*

*Портрет последнего Российского Императора
Николая II*

Государыня Императрица Александра Феодоровна

Великий Князь Дмитрий Павлович

Государь Император Николай Александрович и Цесаревич Алексей Николаевич во время Первой мировой войны

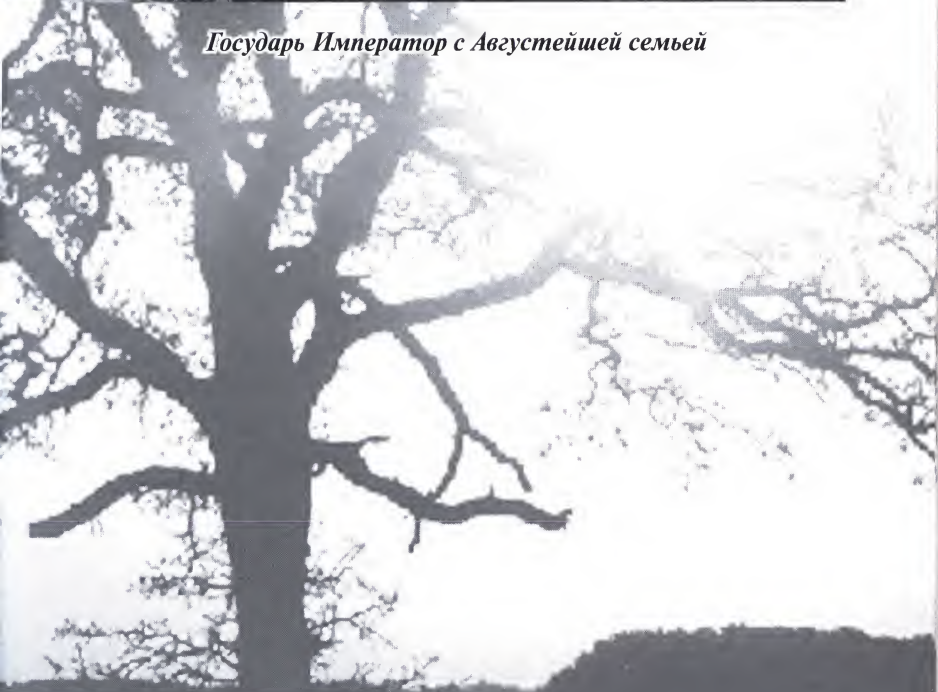
Князь Олег Константинович (1892–1914), сын Велико-го Князя Константина Константиновича, поэта К. Р., павший смертью храбрых во время Первой мировой войны

Святейший Патриарх Тихон

Государь Император с Августейшей семьей

*Великий Князь Сергей Михайлович,
единственный из Алапаевских узников
сброшенный в шахту мертвым*

*Святая Преподобномученица Варвара Яковлева,
инокиня Марфо-Мариинской обители милосердия*

Первая икона святой Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы, написанная ко дню прославления всех новомучеников и исповедников Российских, за веру Христову от боготорцев пострадавших и мученический венец принявших. Икона работы М. Малеевской находится в Свято-Покровском храме г. Мельбурна, Австралия

Икона святой Преподобномученицы Великой Княгини Елизаветы работы М. Малеевской. Икона принадлежала ныне покойному Преосвященнейшему Архиепископу Павлу Австралийско-Новозеландскому

В августе 1990 г. в саду Марфо-Мариинской обители был воздвигнут мраморный памятник святой Великой Княгине Елизавете. На постаменте надпись: «Великой Княгине Елизавете Феодоровне — с покаянием». Работа известного русского скульптора В. М. Клыкова

Снимок 2001 года: новый храм в честь святых Царственных Мучеников, построенный у Ганиной ямы

*Снимок 2001 года: Свято-Троицкий собор в Алапаевске,
куда ходили молиться Алапаевские узники*

*Здание мужского монастыря, построенного
около шахты, где погибли страшной смертью
святая Великая Княгиня Елизавета и другие
Алапаевские Мученики*

*Снимок 2001 года: Напольная школа в Алапаевске.
Угловая левая комната — в ней содержалась в заточении
Великая Княгиня Елизавета Феодоровна*

*Белая часовня, построенная напротив шахты,
где погибла Великая Княгиня Елизавета Феодоровна.
Внутри часовни находится прекрасный большой
образ святой Великой Княгини в серебряной ризе.
Снимок сделан в 2001 году*

Во время долгих совместных бесед Елизавета Феодоровна говорила о. Серафиму, что Император не хотел войны, что Россия вступила в войну из-за происков врагов.

Об этом игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» пишет (с. 15):

...Она мне говорила, что Государь войны не желал, война вспыхнула вопреки его воле... Винула она возгордившегося императора Вильгельма, что он послушался тайного внушения мировых врагов, потрясающих основы мира... нарушил завет Фридриха Великого и Бисмарка, которые просили жить в мире и дружбе с Россией...

* * *

В 1914 году первое несчастье постигло семью Великого князя Константина Константиновича. Его сын Олег, преследуя врага, далеко вынесся вперед от своего отряда и был смертельно ранен вражеской пулей. Скончался он в госпитале в Вильне. Перед смертью князь Олег причастился Святых Таин Христовых и сказал: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух. В войсках произведет хорошее впечатление, когда узнают, что пролита кровь Царского дома»¹.

При кончине князя присутствовали его мать и отец, и по воле почившего его тело, одетое в китель с белым Георгиевским крестом на груди, было отвезено в имение Осташево и предано там земле.

Елизавета Феодоровна была очень расположена к семье «Константиновичей», и, узнав о смерти князя Олега, она немедленно выехала на его похороны в имение Великого князя Константина Константиновича — Осташево. После погребения она осталась там до следующего дня.

Княжна Татьяна Константиновна, оплакивающая смерть брата, беспокоилась о своем муже, Константине Багратионе, который тоже воевал с немцами.

¹ Великий князь Гавриил Константинович. «В Мраморном дворце», с. 270.

Усталая от всего пережитого за день, Елизавета Феодоровна не думала об отдыхе. Она пошла в комнату княжны Татьяны Константиновны и оставалась там до поздней ночи, стараясь утешить ее и отвлечь от тяжелых мыслей.

В мае 1915 года новое несчастье посетило семью Великого князя Константина Константиновича. Пал смертью храбрых, сраженный пулей в лоб в бою под Львовом муж княжны Татьяны Константиновны князь Константин Багратион, а в июне того же года скончался пятидесяти семи лет от роду и сам Великий князь Константин Константинович¹.

¹ Великий князь Константин Константинович был выдающимся человеком. Известный поэт, подписывающийся псевдонимом К. Р., он написал много стихотворений и драму «Царь Иудейский» из земной жизни Иисуса Христа. Эта пьеса была поставлена в Эрмитажном театре при музыкальном оформлении композитора Глазунова. Роль Иосифа Аримафейского исполнялась самим Великим князем. Константин Константинович занимался и переводами иностранной классической литературы на русский язык. За перевод шекспировского «Гамлета» с английского языка на русский он получил орден от Датского королевского дома. Назначенный командиром Измайловского полка, Великий князь организовал кружок «Измайловские досуги» — литературные собрания офицеров, где устраивались также и любительские спектакли. Константин Константинович часто сам выступал в них в различных ролях.

В 1900 году он был назначен главным начальником Военно-учебных заведений России. На этом поприще он много потрудился. Постоянно объезжая военные училища Российской земли, он преобразовал методы военного обучения солдат и офицеров. Великий князь сам лично занимался с солдатами словесностью и сделал очень много, чтобы смягчить суровые методы военной педагогики.

Очень гуманный и просвещенный человек, Великий князь никогда не занимался политикой и держался в стороне от государственных дел, что явилось ущербом для престола, где он мог бы быть ценным советником Государя, особенно в деле народного просвещения.

Великий князь Константин Константинович искал уединения среди своих любимых книг и отдавал себя своей семье. Имел шестерых сыновей и двух дочерей. Будучи глубоко верующим человеком и хорошим мужем и отцом, он привил своим детям глубокую религиозность и чувство долга перед родиной.

Его сын Олег был убит во время Первой мировой войны. Сыновья Игорь, Константин и Иоанн были живыми сброшены большевиками в шахту Алапаевска вместе с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной.

Елизавета Феодоровна выехала на похороны Великого князя в Петроград (столица России Петербург была переименована во время войны в Петроград).

В день похорон в Мраморном дворце, в гостиной, стол для обеда был накрыт только на четыре персоны. Это были четыре вдовы: супруга почившего Великого князя, королева эллинов Ольга — сестра покойного, княжна Татьяна Константиновна и Елизавета Феодоровна.

Княжна Татьяна Константиновна, будучи уже игуменьей Тамарой Елеонского монастыря в Иерусалиме, написала об этом следующее¹:

...Мы были три в черном траурном, а настоятельница Марфо-Мариинской в Москве общины в своем одеянии.

За столом Великая княгиня Елизавета Феодоровна говорила в ответ на общий разговор, что ожидает на том свете усопшего: «Души усопших в бездействии не бывают. Им от Бога назначается духовная деятельность, и они поднимаются от силы в силу. Так написано у святых отцов».

После обеда Матушка и тетя Оля ушли прилечь. Когда унесли столик, тетя Элла села тут же, сбоку, в кресло. Через полчаса отпевание.

Я встала перед ней на колени и руки положила ей на колени. Смотрела ей прямо в глаза, и она смотрела в глубину моих глаз. Молча. Полчаса. Не произнося ни одного слова. Не отрывая глаз. Бурно, скорбно изливала ей свою душу. Передавала ей свое желание, о котором и говорить в то время нельзя было и которое теперь сбылось.

Дочь Татьяна Константиновна, после революции в России испытыв мятарства эмиграции, приняла монашество с именем Тамары и была назначена Русской Православной Церковью Заграницей игуменьей Елеонского монастыря в Иерусалиме, где и скончалась.

¹ См. Сборник памяти Великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. Изд. Совета общекадетских объединений за рубежом. Париж, 1962, с. 67—68.

Чувствовала, что она все понимает... Меня утешила и подкрепила. Молча. Без одного движения. Через полчаса я встала, поцеловала ей руку со словами: «Благодарю тебя». Слава Богу за все.

Хоронили Великого князя Константина Константиновича в соборе Петропавловской крепости — усыпальнице членов дома Романовых.

Несмотря на беспокойное положение в Петрограде, похороны Великого князя были очень торжественные. За лафетом с гробом покойного шел Император с великими князьями и сыновьями почившего.

Великий князь Константин Константинович был последним представителем династии Романовых, похороненным в Петропавловской крепости.

* * *

Когда Елизавета Феодоровна после похорон Великого князя ехала в автомобиле с московского Николаевского вокзала к себе, в Марфо-Мариинскую обитель, она встретилась с первыми выпадами ненависти к себе.

Собравшаяся толпа хулиганов, подзадориваемая агитаторами, стала бросать в ее машину камни, выкрикивать ругательства и плевать. Стекло в автомобиле было разбито. Один из камней попал в шофера и сильно ушиб его. Но ни один плевков и ни один камень не попал в Елизавету Феодоровну. Она сидела молча, не шевелясь. Только мертвенная бледность покрыла ее лицо. Она не ожидала, что люди того города, которому она служила и которые еще совсем недавно встречали ее с восторгом, могли так перемениться.

Елизавета Феодоровна запретила своим сестрам говорить об этом гнусном инциденте и сама никому о нем не рассказывала. Но свидетелей случившегося было много. Большинство населения Москвы негодовало и стыдилось того, что было допущено такое безобразие в отношении к их «матушке».

Молва дошла и до Императрицы Александры Феодоровны. Государыня была крайне возмущена. Ей было трудно

поверить, что жители Москвы, всегда боготворившие Эллу, так легко поддались на провокации.

Начальник московского полицейского управления умолял Великую княгиню не появляться, хотя бы временно, на улицах города. Он говорил, что не в состоянии гарантировать ей безопасность.

Елизавета Феодоровна была этим очень огорчена. Она не дала сразу ответа начальнику полиции, а поехала к московскому митрополиту и, посоветовавшись с ним, а затем и с духовником обители о. Митрофаном, решила временно прекратить свое хождение по притонам Хитрова рынка.

Без ведома и согласия Великой княгини полиция установила секретный надзор за районом, где была расположена Марфо-Мариинская обитель.

ГЛАВА 17

Московские базары и магазины пищевых продуктов стали пустеть. Великая княгиня, чтобы продолжать работу Марфо-Мариинской обители и снабжать бедных горячими обедами, организовала доставку продуктов питания из окружающих деревень Ильинского.

Возы и грузовые машины с овощами, молочными продуктами и яйцами стали прибывать к воротам обители. Но не всегда это снабжение проходило гладко. Были случаи нападения и ограбления провианта на пути к обители неизвестными людьми.

Все это не могло не волновать Великую княгиню. Стол в обители для сестер стал однообразным и скромным, а сама Елизавета Феодоровна урезала свое личное питание до того, что ограничивалась только одним блюдом овощей. Все, что было лучшего в запасе в кладовых Марфо-Мариинской обители шло на стол больных, сирот и стариков.

Поражения на фронте русских продолжались, и ранней осенью 1915 года русская армия дралась уже далеко к востоку от тех позиций, которые она занимала еще весной.

Император Николай II хотел быть ближе к своим войскам, чтобы лично руководить военными действиями, и он решил принять на себя пост Верховного главнокомандующего.

Это обеспокоило Елизавету Феодоровну. Она знала, что никто другой, как только сам Император, мог вдохновить свои войска на новые подвиги, но боялась, что долгое пребывание Государя в Ставке, вдали от Царского Села и Петрограда, может пагубно отразиться на внутреннем положении страны (что и случилось. — *Л. М.*). Она волновалась. И чтобы обрести покой своей душе, Елизавета Феодоровна поехала

в Оптину пустынь. Здесь в молитвах и беседах с оптинскими старцами она провела несколько дней, а потом опять поспешила в свою обитель, которую не могла оставить на продолжительное время.

Внутри страны все шло от худшего к худшему. Страшные слова «предательство» и «измена» уже открыто повторялись везде.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» пишет, что члены Государственной Думы трудились над разложением армии. Их речи, где они затрагивали имя Императрицы Александры Феодоровны, не пропущенные военной цензурой для общественной печати, размножались на ротаторе и распространялись среди воюющих офицеров и солдат.

Очереди у магазинов Петрограда и Москвы являлись рассадником всяких грязных вымыслов и сплетен. Здесь слагались невероятные истории о Царской семье, о Распутине и главным образом о Царице, как сочувствующей Германии. Вся эта оскорбительная клевета быстро распространялась по городу.

Великая княгиня Елизавета очень переживала за Императорскую семью, когда их чистое имя пятналось мерзкими сплетнями. Но она ничего не могла сделать, чтобы прекратить эти злоречия. Она знала, что лучше хранить молчание, чтобы не давать повода к новым сплетням. Если праздное любопытство людей позволяло задать ей вопрос, касающийся этой темы, то Великая княгиня обходила его полным молчанием и тем пресекала дальнейший разговор.

В Москве также распространялись разные дикие вымыслы и о Марфо-Мариинской обители Милосердия как о центре немецкого шпионства.

Елизавета Феодоровна, научившаяся святому терпению еще во время жизни своего супруга, когда многие из-за личной ненависти к Великому князю распространяли о нем лживые сплетни, теперь так же покорно сносила доходившие до нее злостные выдумки. Она видела, что Россия проходит тяжелое время испытаний, что война принесла много горя

людям. Она понимала, что это не могло не отразиться на психологии простого обывателя, и всегда находила оправдание людям и говорила: «Они все очень устали»¹, а сама усиливала свои молитвы, чтобы Господь помог России одолеть врага.

* * *

Летом 1916 года, ободренная наступлением генерала Брусилова и уже хорошо снабженная русская армия мечтала о победе. Это бодрое настроение, царившее на фронте, было противоположным тому, что делалось в тылу страны.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» на с. 267 пишет:

...Армия мечтала о победе над врагом... Политиканы же мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск...

Можно было с уверенностью сказать, что в нашем тылу произойдет восстание именно в тот момент, когда армия будет готова нанести врагу решительный удар.

Брат Великого князя Александра Михайловича, Сергей Михайлович², который находился в Ставке при Государе в должности генерал-инспектора артиллерии, сказал Александру Михайловичу (см. там же, с. 268):

Возвращайся к своей работе и моли Бога, чтобы у нас не произошло революции еще в течение года. Армия находится в прекрасном состоянии. Артиллерия, снабжение, технические войска — все готово для решительного наступления весной 1917 года. На этот раз мы разобьем немцев и австрийцев, конечно, если тыл не свяжет свободу наших действий. Немцы мо-

¹ Е. М. Almedingen. «An Unbroken Unity», p. 96.

² Великий князь Сергей Михайлович был убит большевиками и сброшен в шахту в Алапаевске вместе с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной.

гут быть спасены только в том случае, если спровоцируют у нас революцию в тылу...

Александр Михайлович пишет, что он вполне доверял своему брату Сергею и знал, что Сергей Михайлович не делал необоснованных выводов. Математический ум Великого князя Сергея Михайловича ясно представлял себе положение на фронте и в тылу. Его утверждения основывались на изучении и тщательном анализе секретных донесений.

Осенью 1916 года невероятные слухи, изобретенные, по-видимому, немецкими агентами, дошли до Москвы, что брат Великой княгини Елизаветы и Императрицы — Великий герцог Гессенский Эрнест — прибыл тайно в Россию как посланник кайзера Вильгельма¹, чтобы начать переговоры о сепаратном мире между Россией и Германией. Слухи распространялись, что он скрывается в Марфо-Мариинской обители Милосердия.

В одно утро толпа людей с угрюмыми лицами собралась у ворот Марфо-Мариинской обители. Среди нее шныряли хорошо одетые агитаторы. Через несколько минут началась безобразная сцена: среди воплей разъяренной толпы: «Немку долой! Выдавайте шпиона!» — полетели в окна камни и куски кирпича. Когда толпа стала осаждать ворота обители, они сами раскрылись и перед ними предстала совершенно одна настоятельница монастыря, Великая княгиня Елизавета. Она стояла в своем сером каждодневном одеянии, бледная, но спокойная. Люди остолбенели и замолкли. Елизавета Феодоровна, воспользовавшись наступившей тишиной, спросила громким голосом, что им надо и желают ли они говорить с ней? Тогда вперед выступили вожаки демонстрантов и стали требовать выдачи ее брата Эрнеста. Елизавета Феодоровна сказала, что его нет здесь, что он живет в Дармштадте, и предложила в этом убедиться и осмотреть все помещения общины, но предупредила, чтобы не делали шума и не беспокоили больных.

¹ E. M. Almedingen. «An Unbroken Unity».

В толпе начались перешептывания, но потом опять возобновилось безумство. Казалось, что еще мгновение — и вся эта бешеная масса бросится на Елизавету Феодоровну.

Господь не попустил погибнуть ей в это время. Быстро появившийся конный отряд полиции разогнал демонстрантов. Некоторые из них во время этой схватки пострадали, и Елизавета Феодоровна дала распоряжение своим сестрам оказать им немедленную медицинскую помощь.

Каждый день к Великой княгине приходили верные патриоты родины и истинные ее друзья, чтобы передать ей о том, что творится в Государственной Думе и в Петрограде, и какие слухи ходят о мужике Распутине.

Сосредоточенная и взволнованная, она выслушивала их молча. Она не вступала ни в какие дискуссии и не давала никаких советов. Она только говорила: «Господи, помилуй!.. Буди милостив к нам, Господи!..»¹ (*пер. с фр.*).

Великая княгиня Мария Павловна в книге «Education of a Princess» на с. 279—280 писала (*пер. с англ.*):

...Она мне сказала, что много раз предупреждала свою сестру, Императрицу, чтобы не очень доверяться ему (Распутину) и не зависеть от него...

Когда влияние Распутина перешло из домашней сферы на политику, моя тетя, видя в этом большую опасность, решила на этот раз предупредить самого Императора, но опять ее совет был отвергнут.

Отношения между сестрами, до этого очень дружелюбные и искренние, постепенно охладели...

Несмотря на это несогласие, они продолжали видеться. Тетя Элла навещала Царское Село так же часто, как и раньше...

Архиепископ Анастасий в брошюре «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» на с. 19 пишет:

¹ М. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier».

...раз по возвращении из Царского Села она, как бы обмолвившись, сказала: «Этот ужасный человек (т. е. Распутин) хочет разлучить меня с ними, но, слава Богу, это ему не удастся».

Императрица Александра Феодоровна верила сатане Распутину. Ее святое чувство матери видело в нем «Божия человека», и все слухи о нем она считала выдумкой завистников. Она не хотела слушать никаких разговоров о Распутине. Она думала, что он является жертвой клеветы и так же гоним, как и святые, которые часто страдали за правду. Императрица была убеждена, что если Распутин будет возле ее сына, то Цесаревич будет спасен, а также и Россия.

Великая княгиня Елизавета своим тактом, здравым рассудком и терпением старалась доказать своей сестре противоположное, и, когда, как пишет Великая княгиня Мария Павловна, между ними появилось охлаждение, она смиренно, как христианка, продолжала навещать Императрицу в Царском Селе. Она говорила, что не может оставить свою сестру в такое критическое и тяжелое время.

* * *

Елизавета Феодоровна по просьбе своих друзей решила сделать последнюю попытку и поехать в Царское Село, чтобы лично поговорить с Государем о положении в стране. Она направилась туда, когда Император находился там, но он ввиду своей занятости не принял ее. Разговор о Распутине произошел между Императрицей Александрой Феодоровной и Великой княгиней.

М. Палеолог в своей книге «Aux portes du jugement dernier» утверждает, что этот разговор был коротким и закончился печально. Императрица не захотела слушать доводов своей сестры, и они расстались очень холодно.

Е. М. Алмединген пишет, что свидетелей этого разговора не было и в своем письме Государю в Ставку Императрица Александра Феодоровна очень лаконично касается этого вопроса. Она жалуется на постоянные нападки на Рас-

путина и пишет, что будет стоять твердо на своей позиции: «...так, как я доказала Элле, и буду так всегда...» (*пер. с англ.*)¹

Графиня Александра Олсуфьева в своей брошюре «Н. Р. Н. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia» пишет, что Императрица умоляла Елизавету Феодоровну не тревожить Государя разговорами о политике, потому что он должен был ехать на следующее утро в Ставку, но заверила сестру, что сама готова выслушать ее.

Графиня Александра Олсуфьева пишет:

Когда же Великая княгиня коснулась наиболее болезненного вопроса о Распутине, Императрицу нельзя было разубедить в ее веровании в его святость, несмотря на то что Великая княгиня рассказала ей о его скандальном образе жизни, которую он умел успешно скрывать от глаз Ее Величества. Последняя так ошибалась в его личности, что все, что она могла сказать в ответ на увещевания сестры, было: «Мы знаем, что святых злословили и раньше».

Тогда Великая княгиня предсказала будущее. «Помни, — сказала она, — судьбу Людовика XVI». Увы, она ошиблась только в размерах и ужасе той катастрофы, которая надвигалась (*пер. с англ.*).

Родственность душ Императрицы Александры Феодоровны и Елизаветы Феодоровны проявлялась в их высокой религиозности.

Обе сестры, мучимые неприятной встречей, когда они не смогли прийти к единому мнению и достигнуть компромисса, поехали искать духовной помощи в монастыри.

Императрица Александра Феодоровна направилась в один из монастырей Новгорода, и когда она вошла в келью подвижницы-монахини, которой было 107 лет, то услышала Императрица от нее следующие слова (из письма Государыни Государю, № 399 от 12.12.1916): «А ты,

¹ Е. М. Almedingen. «An Unbroken Unity», p. 101.

красавица, — тяжелый крест — не страшись...» Императрица написала в письме, что эти слова старица повторила несколько раз.

Императрица Александра Феодоровна была страдальцей. Она несла тяжелый крест в своей жизни, страдая за своего сына, за Россию. Ее религиозность доходила до того, что она, когда думала, что недостаточно усердно вечером помолилась, не могла спать спокойно и вставала среди ночи, чтобы еще молиться Богу.

Вернувшись в Москву из Царского Села, очень расстроенная тем, что произошло между нею и сестрой-Императрицей, Елизавета Феодоровна сразу же поехала в Саровскую пустынь, где прожила около десяти дней в Дивеевском женском монастыре. Она тогда так нуждалась в уединении и молитве! Ежедневно, а также и ночами, молясь у раки святого преподобного Серафима Саровского, она снова обрела покой и душевное равновесие.

Когда она вернулась назад, в Москву, то узнала об убийстве Распутина.

Как пишет Великая княгиня Мария Павловна в «Education of a Princess», тогда Елизавета Феодоровна еще не знала о том, что в деле убийства был замешан ее племянник, Великий князь Дмитрий Павлович, и она послала ему неосторожную телеграмму, содержание которой стало известным Императрице Александре Феодоровне. Из этого Государыня заключила, что ее сестра тоже причастна к заговору. Но и этот неверный вывод Великая княгиня приняла с ангельским терпением.

Мария Павловна пишет, что ее тетя понимала, какие жуткие последствия могут возникнуть в связи с убийством Распутина, но, узнав об участии там своего племянника и других, она не могла осудить этих людей. Она видела в Распутине живое воплощение зла и думала, что само провидение выбрало Великого князя Дмитрия и князя Феликса Юсупова, чтобы совершить над Распутиным приговор судьбы.

Весть об убийстве Распутина быстро распространилась по всему городу Петрограду. Народ ликовал. В Михайловском

театре при появлении в ложе Великого князя Дмитрия Павловича публики устроила ему овацию¹.

Как выяснилось позже, в самом убийстве Распутина Дмитрий Павлович участия не принимал. Смертельный выстрел в него сделал Пуришкевич².

Дмитрий Павлович поклялся своему отцу Павлу Александровичу на иконе и на портрете матери, что крови Распутина на его руках нет.

Великий князь Гавриил Константинович в книге «В мраморном дворце» на с. 314 пишет:

Оглядываясь на прошлое, я сознаюсь, что мы ошибались, радуясь убийству Распутина. Убийство Распутина оказалось сигналом к революции. Не следовало русскому Великому князю пятнать себя участием в убийстве, по каким бы мотивам оно ни происходило. Не христианское это дело. По-видимому, впоследствии Дмитрий это осознал и, как я слышал, одно время не решался причащаться, считая себя недостойным приступать к Таинствам.

Великий князь Дмитрий Павлович в наказание за участие в заговоре указом Императора Николая II был выслан в Персию в распоряжение генерала Баратова³.

Князю Юсупову было приказано выехать в его имение в Курской губернии.

Когда Императору было послано прошение-письмо за подписью шестнадцати членов дома Романовых с просьбой смягчить участь Дмитрия Павловича, то ответ Государя был получен следующий (см. книгу «В Мраморном дворце», с. 313):

¹ Великий князь Гавриил Константинович. «В Мраморном дворце».

² После революции, при отступлении в Новороссийске, Пуришкевич заболел тифом и попал в госпиталь. Но когда он был уже на пути к выздоровлению, то скончался при странных обстоятельствах (см. книгу Аарона Симановича «Распутин и евреи»).

³ Высылка Великого князя Дмитрия Павловича в Персию фактически спасла его от расправы большевиков.

«Никому не дано право заниматься убийством, знаю, что совесть многим (не знаю, на кого намекал Государь) не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь вашему обращению ко мне.

Николай».

ГЛАВА 18

Очереди на получение хлеба в Петрограде становились все длиннее, а между тем вагоны, нагруженные пшеницей и рожью, стояли и гнили вдоль всего Великого Сибирского железнодорожного пути, а также и в юго-западном районе России. Но, несмотря на очереди, хлеба в столице было все еще вполне достаточно, и ни о каком голоде населения города не могло быть и речи.

Охрана Петрограда состояла из неопытных новобранцев и солдат запаса и не являлась хорошей защитой столицы на случай возникновения там беспорядков.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» пишет, что он сделал запрос у военного начальства, готово ли оно вызвать надежные военные части в Петроград с фронта в случае осложнения там положения? Ответ последовал, что ожидается прибытие с фронта в Петроград тринадцати гвардейских полков.

Но гвардейские части не были вызваны в столицу. Этот приказ был кем-то отменен.

Александр Михайлович в своих мемуарах пишет, что впоследствии он узнал, что изменники, находившиеся в Ставке, под влиянием лидеров Государственной Думы, осмелились отменить этот приказ Императора.

Вскоре в Петрограде началась забастовка рабочих заводов, которые работали на оборону страны. И это в момент, когда русская армия была готова перейти в наступление! Предлогом к этой забастовке явилось якобы отсутствие в пекарнях Петрограда выпеченного хлеба, что было неправдой. Этот слух был распространен революционерами, которым необходимо было создать в городе панику, чтобы начать революцию.

Через некоторое время на улицах столицы начались столкновения между рабочими и солдатами охраны.

Император Николай II ввиду этих беспорядков срочно выехал из Ставки в Петроград, но его поезд был задержан на станции Дно.

Какое странное и мистическое совпадение это название станции — «Дно». Оно как будто зловеще предвещало разрушение могущественной Российской империи и падение ее на дно беспросветной тьмы.

Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний» на с. 278—279 передает телефонное сообщение своего брата Сергея Михайловича из Ставки:

Ники выехал вчера в Петроград, но железнодорожные служащие, следуя приказу Особого комитета Государственной Думы, задержали императорский поезд на станции Дно и повернули его по направлению к Пскову. Он в поезде совершенно один. Его хочет видеть делегация Государственной Думы, чтобы предъявить ультимативные требования. Петроградские войска присоединились к восставшим.

В ответ на запрос генерала Алексева от главнокомандующих разными фронтами были получены телеграммы, где генералы советовали Императору отречься от престола¹.

Великий князь Николай Николаевич в телеграмме писал:

...Я, как верноподданный, считаю по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к Нему. Осенив себя крестным знаменем, передайте ему Ваше на следие...

¹ Документы к «Воспоминаниям» генерала А. Лукомского, Архив русской революции. Том 3. Берлин, 1922.

В телеграмме генерал-адъютанта Брусилова стояло:

Прошу Вас доложить Государю Императору мою всеподданнейшую просьбу, основанную на моей преданности и любви к Родине и Царскому престолу, что в данную минуту единственный выход, могущий спасти положение и дать возможность дальше бороться с внешним врагом, без чего Россия пропадет, — отказаться от престола в пользу Государя Наследника Цесаревича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича...

Телеграмма от генерал-адъютанта Эверта:

...При создавшейся обстановке, не находя иного исхода, безгранично преданный Вашему Величеству верноподданный умоляет Ваше Величество во имя спасения Родины и династии принять решение, согласованное с заявлением председателя Государственной Думы, выраженным им генерал-адъютанту Рузскому, как единственно, видимо, способное прекратить революцию и спасти Россию от ужасов анархии.

Телеграмма генерала Сахарова была составлена туманно и завуалированно:

...Переходя к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верный подданный Его Величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям...

Эти телеграммы были доложены Императору генералом Рузским около 15 часов 2/15 марта.

Государь, выслушав доклад генерала Рузского, принял решение отказаться от престола.

Имея в своем распоряжении пятнадцатимиллионную армию, Император Николай II отрекся от престола. Государь был один, и никто не смог удержать его от этого рокового шага.

* * *

Игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» описывает свою последнюю встречу с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной весной 1917 года, после отречения Императора.

Он поразился виду Великой княгини — так она изменилась. Она выглядела похудевшей и измученной. Душа ее была потрясена настолько, что она не могла говорить без слез. Она видела, в какую гибельную пропасть летела Россия, и горько плакала о стране и русском народе, которому посвятила свою жизнь и которому так самоотверженно служила. Все ее светлые идеалы и мечты, к которым она стремилась, теперь рушились. Ее душа, которая горела энергией и самопожертвованием, теперь не знала, что делать. Единственным ее желанием было просить Бога дать ей силы, чтобы допить чашу горестей и умереть в России. Страдала Елизавета Феодоровна и за Царскую семью, и когда она говорила о ней, то не могла сдерживать свои слезы, катившиеся по ее щекам. Но в то же время Великая княгиня чувствовала неизбежность рока и покорялась воле Божией. В страданиях Императорской семьи она видела путь их мученичества.

Однажды она сказала архиепископу Анастасию о Царской семье с какой-то просветленной мягкостью: «Это послужит их нравственному очищению и приблизит их к Богу»¹.

Не было у Елизаветы Феодоровны также и никакой злобы против неистовства зараженной психозом революции толпы. Она кротко говорила: «Народ — дитя, он не повинен в происходящем... он введен в заблуждение врагами России»².

¹ Архиепископ Анастасий. «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны», с. 18.

² Там же, с. 18.

Когда революционеры пришли в первый раз осматривать Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, то один из них, похожий на студента, стал хвалить жизнь сестер, говоря, что у них нет роскоши и везде наблюдается чистота и порядок.

Елизавета Феодоровна, видя такое доброжелательное отношение к своей обители, вступила с ним в разговор. Она говорила ему о христианстве и о социализме.

«Кто знает, — сказал в конце этой беседы незнакомец, — быть может, мы идем к одной цели, — только разными путями...»¹

Марфо-Мариинская обитель продолжала свою работу, как и прежде. В больнице лежало несколько критически больных женщин, и Елизавета Феодоровна большую часть своего времени проводила у их постелей.

Москва бурлила. На улицах царил хаос. Дома грабились и поджигались. По улицам ходили толпы оборванцев. Это были выпущенные из тюрем преступники и умалишенные, которых теперь уже никто не держал в больницах.

Некоторые сестры, а также и г-жа Гордеева, казначей обители, боялись, что уголовный элемент может проникнуть в обитель, и она просила настоятельницу держать ворота обители все время закрытыми. Но Великая княгиня не боялась никого. Она в самых опустившихся людях с преступными наклонностями старалась найти что-то хорошее. Она верила, что доброе начало в душе каждого человека может победить его злые инстинкты.

В определенное время дня, как всегда, амбулатория обители была открыта для всех. Елизавета Феодоровна, несмотря на предостережения г-жи Гордеевой, отказалась закрыть ворота. Она говорила: «Разве вы забыли, что ни один волос не упадет с вашей головы, если на то не будет воля Господня?»

Однажды днем в обитель вошла группа развязных людей. Некоторые из них были пьяны. Можно было сразу определить, что это преступники, гуляющие теперь на свободе. Люди вели себя нагло и выкрикивали непристойные слова.

¹ Там же, с. 19.

Один из них, одетый в грязную, когда-то цвета хаки форму, увидев Великую княгиню, двинулся к ней, крича, что она теперь не ее Высочество и кто она такая теперь?

Елизавета Феодоровна спокойно ответила, что она здесь служит людям. Тогда он потребовал, чтобы она перевязала его рану. В его паху была отвратительная, издававшая тошнотворный запах язва.

Великая княгиня посадила его на стул и, встав на пол перед ним на колени, промыла рану, приложила лекарство, забинтовала и сказала ему, чтобы он пришел на следующий день для перевязки, предупредив, что иначе может начаться гангрена.

Человек был озадачен и смущен. Он не знал, что сказать. Наконец он спросил, кто она такая? Высокая настоятельница повторила свои слова, что она здесь, чтобы обслуживать больных.

Когда эта группа, уже притихшая, толкаясь и озираясь, вышла из ворот, среди сестер началось волнение. Они были перепуганы. Великая княгиня Елизавета сразу же их остановила и напомнила им, что над ними Господь и без Его святой воли с ними ничего плохого не может случиться.

Душа Великой княгини через Иисусову молитву все время беседовала с Богом. Делала ли она перевязки больным, готовила ли себе салат для обеда, сидела ли у изголовья больного — в ее уме все время шла эта умная великая молитва. В таком состоянии, как бы предстоя все время пред Спасителем, ее сердце было закрыто для мирского страха и беспокойства. Она знала, что, отдавшись в полное послушание Господу, она следует Его стопам, и, что бы ни ожидало ее впереди, она принимала это со спокойствием и полной покорностью воле Божией. В этом она подражала мученикам первых веков христианства. Недавняя реакция от удара — отречения Императора от престола и начала революции — уже прошла. Она больше не рыдала от горя и отчаяния. Тихие слезы, которые проливала ночами Великая княгиня перед иконами, уже были не слезами безысходного горя, но слезами скорби за Россию и за Царскую семью.

О самообладании Елизаветы Феодоровны архиепископ Анастасий в брошюре «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» на с. 18 пишет:

...Казалось, что она стояла на высокой непоколебимой скале и оттуда без страха смотрела на бушующие вокруг нее волны, устремив свой духовный взор в вечные дали.

* * *

Однажды утром две грузовые машины с революционерами остановились у ворот Марфо-Мариинской обители. С красными бантами, приколотыми к рубашкам, и с красными флагами они направились к воротам монастыря. Ворота им открыла сама настоятельница.

С сигарками в зубах, в шапках, с винтовками за плечами небольшая группа отделилась от общей толпы людей и объявила Елизавете Феодоровне, что они приехали, чтобы ее арестовать, увезти в тюрьму и предать суду, как немецкую шпионку, а все здания обители будут обыскивать, чтобы изъять оружие, которое хранится там.

Великая княгиня ответила им: «Войдите, ищите везде, но пусть лишь пятеро из вас войдут»¹.

На требования революционеров немедленно ехать с ними Елизавета Феодоровна сказала, что она, как настоятельница монастыря, должна сделать кое-какие распоряжения и проститься со своими сестрами. Они, поговорив между собой, согласились.

Великая княгиня собрала всех сестер обители в церкви и попросила о. Митрофана служить молебен. Когда священник облачался и в церкви зажигались свечи и лампы, Елизавета Феодоровна, чтобы ободрить сестер, сказала им слова из Евангелия: «И будете ненавидимы всеми за имя Мое... Терпением вашим спасайте души ваши» (Лк. 21, 17, 19). Потом,

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том 1, с. 278.

обратясь к революционерам, она пригласила их войти в церковь, но оставить свое оружие у входа. Они нехотя сняли свои винтовки и последовали за ней.

Весь молебен Елизавета Феодоровна простояла на коленях. Когда она по окончании службы приложилась к кресту, революционеры, подавленные всем происходящим, тоже, крестясь, подошли ко кресту.

Тогда Елизавета Феодоровна сказала им, что теперь они могут идти с о. Митрофаном, который покажет им все постройки обители, и они могут искать то, что хотят найти.

После бесплодных поисков смущенные люди вышли к шумевшей и певшей «Интернационал» и «Марсельезу» толпе и сказали им: «Это монастырь, и ничего больше»¹. Толпа была разочарована. Она ожидала, что выведут к ним Великую княгиню, а машины наполнят «хранящимся в обители оружием».

Когда грузовики уехали, Елизавета Феодоровна, перекрестясь, сказала сестрам: «Очевидно, мы недостойны еще мученического венца». Но этот мученический венец уже приближался к ней.

В тот же день, через несколько часов, в Марфо-Мариинскую обитель Милосердия приехали представители Временного правительства. Они пришли к настоятельнице, чтобы извиниться за поведение крайних революционеров и уверить ее, что они не причастны к этому инциденту.

Елизавета Феодоровна пригласила их в свою приемную и спросила их о ходе революции. Представители правительства откровенно ей сказали, что они не в состоянии бороться с надвигающейся анархией, и стали просить ее переехать в Кремль, где ей будет безопаснее.

Великая княгиня Елизавета ответила: «Я выехала из Кремля с не тем, чтобы вновь быть загнанной туда революционной силой. Если вам трудно охранять меня, прошу вас отказаться от всякой к этому попытки»².

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том 1, с. 278.

² Там же, с. 279.

Извиняясь и заверяя ее в своей поддержке, члены правительства уехали.

Елизавета Феодоровна нуждалась в своих родных, которых не видела уже долгое время. Ее сестра-Императрица была под арестом. Своего брата и двух других сестер она видела только до начала мировой войны. Она знала, что Россия не сможет быстро сбросить оковы революционной анархии, и на скорое свидание с близкими у нее не было надежды.

Раньше, до начала мировой войны, брат Эрнест и сестры Ирена и Виктория приезжали в Россию. Принцесса Виктория обычно останавливалась в Марфо-Мариинской обители. Иногда она приезжала и со своими детьми¹.

С момента войны все это оборвалось, и они уже не видели друг друга целых три года. Писем тоже не было. Почта из-за революции не работала.

Сердце Великой княгини стремилось увидеть своих родных, прижать их к своей груди и почувствовать родственную теплоту.

Сильное искушение постигло ее, когда в начале лета 1917 года приехал специально в Москву, чтобы встретиться с ней, шведский министр. Он хотел уговорить Великую княгиню покинуть Россию и уехать за границу. Он приехал по поручению кайзера Вильгельма, который хотел спасти Елизавету Феодоровну, в которую когда-то был влюблен. Кайзер работал над разрушением России, и фатальным его актом было то, что он заслал Ленина и его соратников в Россию. Он знал, что Временное правительство скоро падет и Россия захлебнется в крови невинных жертв. Об этом кайзер дал ясный намек шведскому министру.

Выслушав внимательно все доводы министра, Великая княгиня спросила его о судьбе Императора с семьей. Швед-

¹ Сын принцессы Виктории, принц Баттенбергский, будущий лорд Моунтбаттен Бирманский, в последний раз посетил Россию летом 1914 года. Юный принц тогда был морским офицером и был назначен состоять при Императоре Николае II во время пребывания английской эскадры в Кронштадте (см. Великий князь Гавриил Константинович. «В Мраморном дворце»). Лорд Моунтбаттен на всю жизнь сохранил теплое воспоминание о России.

ский министр искренне ответил, что будет сделано все возможное, чтобы они тоже выехали за границу. Наступила небольшая пауза. Вероятно, в этот момент Елизавета Феодоровна горячо молилась Богу и боролась с сильным искушением уехать из России к своим родным. И она поборола его. Раз приняв решение, она не меняла его. Она тепло поблагодарила министра за его заботу о ней и совершенно спокойно сказала, что не может оставить свою обитель и вверенных ей Богом сестер и больных и что она определенно решила остаться здесь. Затем Великая княгиня встала, показав этим, что разговор окончен. Шведский министр понял, что никакие дальнейшие уговоры не смогут повлиять на Елизавету Феодоровну, и молча, поклонившись, вышел из приемной обители.

Великая княгиня Елизавета вполне сознавала, что, отказавшись от предложения покинуть Россию, она остается на мученичество и что сама подписала свой смертный приговор.

...Жизнь Марфо-Мариинской обители пока шла своим чередом. Высокая настоятельница ухаживала за ранеными солдатами и больными, кормила бедняков и сирот и руководила благотворительными учреждениями.

Во время короткого правления Временного правительства зажиточный класс населения Москвы продолжал оказывать материальную помощь обители.

Часть канализационных труб в Москве во время беспорядков была повреждена, а лето 1917 года выдалось очень жарким. Началась эпидемия какой-то болезни в городе, которая по своим симптомам напоминала тиф.

В Марфо-Мариинской обители Милосердия были приняты меры предосторожности: питьевая вода кипятилась, овощи к столу подавались только в вареном или жареном виде.

В этот период времени Елизавета Феодоровна серьезно заболела. Неизвестно, была ли это свирепствовавшая в городе болезнь или какая другая. Она больше не могла обходить больных и не имела сил бодрствовать ночами, как это делала раньше. По настоянию докторов на голые доски ложа ее

постели, где она спала свои краткие часы, был положен тонкий матрац.

Когда кризис миновал, Елизавета Феодоровна была настолько слабой, что не могла ходить и часами сидела в плетеном кресле, погруженная в молитву, с рукоделием в руках.

В августе она узнала, что по распоряжению Керенского Император, Императрица и их дети были перевезены в Тобольск. Теперь больше не оставалось у нее надежды на скорую встречу с дорогой ей Царской семьей. Елизавета Феодоровна страдала. Она не строила никаких иллюзий об их освобождении. Она писала письма в Тобольск, но только одно из них достигло своего назначения.

К концу августа силы вернулись к Великой княгине, и она опять принялась за управление своей обителью. Но положение в стране все ухудшалось. Не было возможности достать необходимые пищевые продукты и медикаменты. Такие простые лекарства, как хинин и йод, доставались с трудом. Не хватало бинтов и ваты, и сестры боялись, что вскоре им придется использовать простыни, чтобы делать перевязки больным. В этот период времени в Москву приехала племянница Елизаветы Феодоровны, Великая княгиня Мария Павловна. Она остановилась в Марфо-Мариинской обители.

Мария Павловна не нашла никакой перемены в жизни обители. Все было тем же. Но она поразилась видом своей тети. Всего только несколько месяцев тому назад, когда она видела ее, Елизавета Феодоровна кипела энергией и находилась в постоянном движении. Теперь же она большую часть своего времени проводила сидя в плетеном кресле с вышивкой или вязаньем в руках.

Елизавета Феодоровна и Мария Павловна много говорили о событиях в России и о причинах, побудивших революцию. Во время одного из таких разговоров, когда был затронут вопрос о Царской семье, Великая княгиня Елизавета с горечью вспомнила свое последнее свидание с Императрицей.

Как пишет Е. М. Алмединген, в течение последних недель перед падением Временного правительства, Марфо-Мариинская обитель Милосердия стала центром, куда шел

русский народ не столько, чтобы получить тарелку супа или медицинскую помощь, но чтобы увидеть Великую княгиню Елизавету и излить перед ней свою накопившуюся душевную боль. Елизавета Феодоровна всех принимала, выслушивала, говорила о Священном Писании и укрепляла их. Люди выходили от нее умиротворенные и ободренные. Но это продолжалось недолго.

7 ноября 1917 года пало Временное правительство и во главе огромного Российского государства оказались палач Ленин и его приспешники.

ГЛАВА 19

...Какое фатально слабое место в характере русского человека и какое отсутствие баланса и контроля могли повести к постепенному созреванию нового чудовищного социального строя, управляющего теперь страной? Я не могу ответить на этот вопрос...

Education of a Princess by Mari, Grand Duchess
(пер. с англ.)

Первое время большевики не трогали Марфо-Мариинскую обитель. Наоборот, они оказывали уважение сестрам и утвердили специальный рацион для больницы обители. Регулярно в общину сестер прибывало снабжение.

С приходом к власти Советов, в России начался террор. Отделы ЧК, одно название которых приводило в трепет каждого, свирепствовали повсюду.

Красный зверь вышел на свою кровавую работу: начались повсеместные аресты, пытки, казни. Жизнь человеческая не стоила ничего. По простому подозрению, доносу, зависти или желанию завладеть чужим имуществом уничтожались целые семьи ни в чем не повинных людей. Кровь потоками залила всю Россию. Красные флаги взвились над святынями Кремля. Начались кощунственные осквернения храмов, святых икон, мощей угодников Божиих. Уже невозможно было пойти в Иверскую часовню и зажечь свечу у великой святыни земли Русской — Иверской иконы Божией Матери.

Великая княгиня Елизавета запретила своим сестрам выходить на улицу.

Общество Москвы попряталось, притаилось. Вокруг Елизаветы Феодоровны образовалась пустота. Бывшие покровители и доброжелатели обители из состоятельного класса Москвы теперь боялись оказывать внимание Великой княгине.

Елизавета Феодоровна во избежание оскорблений на улицах почти не выходила за ворота обители. Привыкшая к кипучей деятельности, она принуждена была находиться в стенах своей общины. Это вынужденное сидение очень угнетало Великую княгиню. Но она не изменяла установленного распорядка дня обители, а только как бы глубже ушла в себя. Во всем ее облике наблюдалась сосредоточенность. Казалось, что она чувствует скорое приближение конца и готовится к переходу в вечность.

Духовник Марфо-Мариинской обители о. Митрофан каждый день служил Божественную литургию, и все сестры усердно молились. Их общая молитва — молитва наболевших душ, как кадильный фимиам, поднималась к Богу. По воскресным и праздничным дням церковь Марфо-Мариинской обители была переполнена народом. Но коммунисты пока никого не трогали и не врываются в святую обитель, чтобы выволочь наружу кого-нибудь из молящихся.

Два раза в неделю к обители подъезжал грузовик с провиантом, что составляло обычно черный хлеб, вяленую рыбу, овощи и немного жиров и сахара. Из медикаментов выдавались в ограниченном количестве перевязочный материал и лекарства первой необходимости.

Родственники сестер обители и друзья, проживающие в провинции, иногда тайком приносили туда немного сливочного масла, молока и яиц. Чая не было возможности достать, и вместо него заваривали дикие сухие ягоды.

В Марфо-Мариинскую обитель Милосердия советские власти прислали анкеты — опросные листы для заполнения, где нужно было указать всех, кто проживал в обители или находился на излечении: имя, фамилию, возраст, пол, социальное происхождение и т. д.

Елизавета Феодоровна вместе с сестрами подробно заполнила все анкеты и отослала их по назначению.

После заключения постыдного Брест-Литовского мира немецкое правительство в лице графа Мирбаха добилося согласия советской власти на вывоз Великой княгини Елизаветы Феодоровны за границу. Но она категорически отказалась уехать из России. Она говорила: «Я никому ничего дурного не сделала. Буди воля Господня!»¹

Граф Мирбах два раза добивался приема у Великой княгини, но она не приняла его, как представителя Германии, вражеской страны.

Это был последний шанс на спасение, от которого стойко отказалась Елизавета Феодоровна.

Несмотря на «чистку» ЧК и лживую пропаганду, направленную против аристократии, и главным образом против членов дома Романовых, простой народ продолжал любить Великую княгиню Елизавету. Один случай такого проявления любви простого человека описан в книге Е. М. Алмединген «An Unbroken Unity».

В начале марта 1918 года некий сапожник, чья жена и дети находились в больнице обители, предложил Елизавете Феодоровне устроить ее побег. Он сказал, что у его родственника есть сани и хорошие лошади и они перевезут ее в безопасное место.

Елизавета Феодоровна, тронутая таким отношением к себе, ответила, что сани не смогут вместить всех ее сестер, а она сама не может уехать, оставив их на произвол судьбы.

Попытка сапожника спасти Елизавету Феодоровну кажется на первый взгляд наивной, но она говорит о том, что этот человек не побоялся рисковать личной жизнью и жизнью своей семьи для того, чтобы помочь Великой княгине бежать из Москвы.

К случаям из жизни Великой княгини Елизаветы Феодоровны, описанным в книге Е. М. Алмединген, можно иметь полное доверие, так как г-жа Алмединген беседовала с бывшей тогда еще в живых княжной Марией Оболенской, которая находилась в числе сестер Марфо-Мариинской обители Милосердия при Елизавете Феодоровне.

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том 1, с. 281.

Ниже приводятся два письма, написанные Великой княгиней Елизаветой своему другу графине Александре Олсуфьевой. Письма были написаны по-французски и любезно предоставлены мне (Л. М.) для напечатания в этой книге внучкой графини А. Олсуфьевой — Марией Васильевной, жившей в Италии.

Первое короткое письмо Елизаветы Феодоровны было, вероятно, написано в 1917 году, а второе, длинное, — в апреле 1918 года.

Первое письмо проникнуто большой любовью к Православной Церкви и к русскому народу. Там Великая княгиня подчеркнула свои слова: *Святая Россия не может погибнуть*.

Это письмо приводится полностью (пер. с фр.):

Дорогая Аликс,

Господь опять Своей великой милостью помог нам провести эти дни внутренней войны, и сегодня я имела безграничное утешение молиться... и присутствовать на Божественной службе, когда наш Патриарх давал благословение. Святой Кремль с заметными следами этих печальных дней был мне дороже, чем когда бы то ни было, и я почувствовала, до какой степени Православная Церковь является настоящей Церковью Господней. Я испытывала такую глубокую жалость к России и к ее детям, которые в настоящее время не знают, что творят. Разве это не больной ребенок, которого мы любим во сто раз больше во время его болезни, чем когда он весел и здоров? Хотелось бы понести его страдания, научить его терпению, помочь ему. Вот что я чувствую каждый день. *Святая Россия не может погибнуть*. Но Великой России, увы, больше нет. Но Бог в Библии показывает, как Он прощал Свой раскаявшийся народ и снова даровал ему благословенную силу.

Будем надеяться, что молитвы, усиливающиеся с каждым днем, и увеличивающееся раскаяние уми-

лостивят Приснодеву и Она будет молить за нас Своего Божественного Сына и что Господь нас простит.
Ваша постоянная молитвенница Елизавета.

Второе письмо, которое Елизавета Феодоровна написала графине А. Олсуфьевой в апреле 1918 года, отдает тоской по старым друзьям, по прошлому. Слова Великой княгини: «Да будет воля Твоя» — показывают ее готовность пройти через «моменты, которые кажутся ужасными». Елизавета Феодоровна ясно ощущает в себе силу благодати Святого Духа, Который озаряет ее крестный путь.

Это письмо, вероятно, было написано Великой княгиней за несколько дней до ее ареста.

Дорогая Аликс, Христос Воскресе!

Как часто мои мысли летят к Вам, и я вспоминаю мою милую графиню, сидящую в своей гостиной и окруженную воспоминаниями. Мы разговариваем за чашкой чая, и в наших воспоминаниях проносятся годы, — годы светлые, годы грустные и годы, когда временами чувствовали руку Господню, могущественную, напоминающую нам о раскаянии, как и в настоящее время.

Как я грущу, что не могу быть с Вами. «Великие»¹ живут в Ваших апартаментах, и Всевышний по Своей милости пощадил Вас, не дав Вам видеть, как ушло от Вас то, что было на этой земле Вашим любимым гнездом.

Если мы глубоко вникнем в жизнь каждого человека, то увидим, что она полна чудес. Вы скажете, что жизнь полна ужаса и смерти. Да, это так. Но мы ясно не видим, почему кровь этих жертв должна литься. Там, на небесах, они понимают все и, конечно, обрели покой и настоящую родину — Небесное Отечество.

Мы же, на этой земле, должны устремить свои мысли к Небесному Царствию, чтобы просвещен-

¹ Властители того времени.

ными глазами могли видеть все и сказать с покорностью: «Да будет воля Твоя».

Полностью разрушена «Великая Россия, бесстрашная и безукоризненная». Но «Святая Россия» и Православная Церковь, которую «врата ада не одолеют», существуют, и существуют более, чем когда бы то ни было. И те, кто верует и не сомневается ни на мгновение, увидят «внутреннее солнце», которое освещает тьму во время грохочущей бури.

Я не экзальтирована, мой друг. Я только уверена, что Господь, Который наказывает, есть тот же Господь, Который и любит. Я много читала Евангелие за последнее время, и если осознать ту великую жертву Бога Отца, Который послал Своего Сына умереть и воскреснуть за нас, то тогда мы ощутим присутствие Святого Духа, Который озаряет наш путь. И тогда радость становится вечной даже и тогда, когда наши бедные человеческие сердца и наши маленькие земные умы будут переживать моменты, которые кажутся очень страшными.

Подумайте о грозе. Какие величественные и страшные впечатления! Некоторые боятся, другие прячутся, некоторые гибнут, а иные же видят в этом величие Бога. Не похоже ли это на картину настоящего времени?

Мы работаем, молимся, надеемся и каждый день чувствуем милость Божию. Каждый день мы испытываем постоянное чудо. И другие начинают это чувствовать и приходят в нашу церковь, чтобы отдохнуть душой.

Молитесь за нас, моя дорогая.

Сердечно Ваш «постоянный преданный друг».

P. S. Благодарю за бесценное прошлое. Да упокоит Господь душу Вашего дорогого, любимого мужа.

(Пер. с фр.)

Временное спокойствие обители было только затишьем перед бурей. Тучи начали сгущаться над Марфо-Мариинской обителью Милосердия, когда советскими властями сначала было изъято несколько человек из больницы Великой княгини, а потом Елизавете Феодоровне было сказано, что ее сироты вскоре будут переведены в детдом.

Кроме Императорской семьи, советскими властями были уже арестованы многие члены дома Романовых. Политика Ленина была направлена на уничтожение всех, кто носил имя Романовых, а также и всех, кто близко стоял к Царской семье.

Ленин знал, какой преданностью и любовью пользовалась в среде русского народа Великая княгиня Елизавета Феодоровна, и поэтому боялся, что в случае ее ареста и расстрела могут возникнуть беспорядки в Москве, направленные против большевистской власти. Ленин понимал, что только путем хитрости и обмана он сможет достигнуть своей кровожадной цели — убийства Елизаветы Феодоровны, и он решил увести ее подальше от центра, в глушь, туда, где ее мало знали.

Великая княгиня чувствовала, что трагическая кончина быстро приближается к ней, и единственным желанием ее тогда было не ослабеть и остаться верной Христу до последнего момента своей жизни.

Коммунисты арестовали Елизавету Феодоровну и увезли ее из Москвы на третий день Святой Пасхи 1918 года, когда Православная Церковь празднует день Иверской иконы Божией Матери.

В этот день Святейший Патриарх Тихон посетил Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, где служил молебен. После службы Патриарх остался в обители до четырех часов дня и провел это время в беседе с сестрами и их настоятельницай.

Для Елизаветы Феодоровны это было последним ободрением и напутствием со стороны главы Российской Православной Церкви перед ее крестным путем на Голгофу.

Игумен Серафим в «Мучениках христианского долга» пишет, что, проводив Патриарха, все сестры ободрились, забыв

на время свои переживания, но их матушка-настоятельница, хотя и старалась казаться бодрой, в душе своей ощущала томление как бы в ожидании надвигающегося неизбежного, страшного...

Через полчаса после отъезда Патриарха Тихона к обители подъехала машина с комиссаром и красноармейцами, и Елизавете Феодоровне было приказано немедленно ехать с ними.

Наиболее подробное описание этого трагического момента имеется в «Мучениках христианского долга» игумена Серафима, а также и у Е. М. Алмединген.

Великая княгиня попросила чекистов дать ей два часа времени, чтобы сделать необходимое распоряжение в обители, назначить себе заместительницу и попрощаться со всеми насельницами общины. В этом ей было категорически отказано. Елизавете Феодоровне дано было только полчаса на сборы.

Она не имела достаточно времени, чтобы обойти свою больницу, приют и дом для престарелых. Она только смогла собрать своих сестер в церкви святых Марфы и Марии и дать им свое последнее благословение.

Громкие рыдания огласили всю обитель. Рыдали все, зная, что видят свою Высокую настоятельницу в последний раз.

Игумен Серафим пишет, что эта картина была столь потрясающей, что могла тронуть даже самое огрубелое сердце, но сынов дьявола — чекистов она не тронула. Наоборот, только раздражила их. Эти палачи привыкли видеть и слышать стоны и крики своих жертв.

Елизавета Феодоровна поблагодарила всех сестер за их самоотверженную и верную работу и о. Митрофана Сребрянского, которого просила не оставлять святой обители, а служить в ней до тех пор, пока это будет возможным.

С Великой княгиней поехали две сестры — Варвара Яковлева и Екатерина Янышева. Только этим двум сестрам большевики разрешили ехать вместе с Елизаветой Феодоровной.

Игумен Серафим пишет, что грубой силой и побоями чекисты оторвали сестер от своей настоятельницы, когда она выходила за ворота обители.

Параскева Тихоновна Корина, бывшая воспитанница Марфо-Мариинской обители, рассказала мне (Л.М.), что когда она в числе других воспитанниц обители пришла к Елизавете Феодоровне на первый день Святой Пасхи, чтобы поздравить ее с праздником, то последняя сказала: «Вот кончится Светлая неделя, и я вам расскажу о моей жизни». Но на третий день праздника ее арестовали. Резко врезались в память Параскеве Тихоновне эти страшные минуты. Она никогда не забудет тот громкий и долгий звонок, который раздался у ворот обители. Это пришли чекисты, чтобы арестовать Великую княгиню. Узнав, что увозят их настоятельницу, все сестры бросились с плачем к больничной церкви. Бежали, рыдая, в суматохе со всех сторон: кто вниз по лестнице из общежития, кто из больницы, кто со стороны сада. А Великая княгиня Елизавета Феодоровна стояла одна на амвоне церкви, очень бледная, но без слез. Она повторяла всем сестрам: «Не плачьте, на том свете увидимся». После своего рассказа Параскева Тихоновна поникла головой и сказала: «И потом мы начали жить без нее».

Великая княгиня, прежде чем сесть в машину, еще раз осенила всех широким крестным знаменiem. Она навсегда покидала свою любимую обитель, которую сама создала, пройдя через большие трудности, где творила столько добра, где своими великими замыслами и трудом основала много благотворительных учреждений и спасла от моральной и физической гибели тысячи людей. Здесь, в своей родной Марфо-Мариинской обители Милосердия, она переступила порог к святости.

Увозили Великую княгиню Елизавету солдаты-латыши. Вероятно, сатана Ленин не доверил это зверское дело русским, московским чекистам, боясь, что они, зная Елизавету Феодоровну, могут в последний момент растеряться, не выдержат и «испортят» этим его диавольский план.

ГЛАВА 20

Узнав о случившемся, Святейший Патриарх Тихон при помощи некоторых церковных организаций, с которыми тогда еще считались коммунисты, пытался добиться освобождения Великой княгини. Но старания Патриарха оказались тщетными.

Коммунисты отправили Елизавету Феодоровну и ее спутниц по железной дороге в город Пермь.

По пути в ссылку Великая княгиня написала письмо своим сестрам общины. Игумен Серафим читал его, но за неимением письма при себе привел содержание прощального послания Елизаветы Феодоровны в своей брошюре по памяти. К счастью, оригинал этого письма сохранился в России и был перепечатан в нескольких экземплярах на пишущей машинке. Одна из этих копий была переслана в Синодальную канцелярию Русской Православной Церкви Заграницей.

Письмо Великой княгини Елизаветы приводится полностью (письмо написано по-русски):

Господи, благослови.

Да утешит и укрепит вас всех Воскресение Христово. В 6 часов проехала Ростов, вечером — Троице-Сергиеву...

Да сохранят нас всех с вами, мои дорогие, Преподобный Сергей, святитель Дмитрий и святая Евфросиния Полоцкая. Мы очень хорошо едем. Везде снег.

Не могу забыть вчерашний день, все дорогие милые лица. Господи, какое страдание в них! О как сердце болело! Вы мне стали каждую минуту дороже.

Как я вас оставлю, мои деточки, как вас утешить, как укрепить? Помните, мои родные, все, что я вам говорила. Всегда будьте не только мои дети, но послушные ученицы. Сплотитесь и будьте как одна душа все для Бога и скажите, как Иоанн Златоуст: «Слава Богу за все».

Я буду жить надеждой скоро опять быть с вами, и хочется всех найти вас вместе. Читайте вместе послания Апостолов, кроме Евангелия. Старшие сестры, объединяйте сестер ваших. Просите Патриарха Тихона «цыпляточек» взять под свое крылышко. Устройте его в моей средней комнате. Мою келью — для исповеди, и большая — для приема.

Если нигде не будет опоздания, тогда на пятый день только прибудем. Екатерина вернется поскорее к вам, все расскажет, как мы устроились. Нам даны очень милые Ангелы-хранители. Мало спали, потому что думы, думы ползут. Спасибо за провизию. По дороге достанем еще. Стараюсь читать Преподобного Сергия. У меня с собой Библия, будем читать, молиться и надеяться.

Ради Бога, не падайте духом. Божия Матерь знает, отчего Ее Небесный Сын послал нам это испытание в день Ее праздника.

«Господи, верую, помоги моему неверию». Промыслы Божии неисповедимы.

Дорогие мои детки, слава Богу, что вы причащались: как одна душа, вы все стояли пред Спасителем. Верю, что Спаситель на этой земле был с вами всеми, и на Страшном суде эта молитва опять станет пред Богом, как милосердие друг ко другу и ко мне.

Не могу выразить, как я до глубины души тронута, обрадована вашими письмами. Все без исключения вы мне написали, что будете стараться жить так, как я часто с вами об этом говорила.

О, как вы теперь будете совершенствоваться в спасении. Я уже вижу начало благое. Только не па-

дайте духом и не ослабевайте в ваших светлых намерениях, и Господь, Который нас временно разлучил, духовно укрепит. Молитесь за меня, грешную, чтобы я была достойна вернуться к моим деткам и усовершенствовалась для вас, чтобы мы все думали, как подготовиться к вечной жизни.

Вы помните, что я боялась, что вы слишком в моей поддержке находите крепость для жизни, и я вам говорила: «Надо побольше прилепиться к Богу. Господь говорит: «Сын мой, отдай сердце твое Мне, и глаза твои да наблюдают пути Мои». Тогда будь уверен, что все ты отдашь Богу, если отдашь Ему свое сердце, т. е. самого себя».

Теперь мы все переживаем одно и то же, и невольно только у Него находим утешение нести наш общий крест разлуки. Господь нашел, что нам пора нести Его крест. Постараемся быть достойными этой радости. Я думала, что мы будем так слабы, не доросли нести большой крест. «Господь дал, Господь и взял». Как угодно было Господу, так и сделалось.

Да будет имя Господне благословенно навеки. Какой пример дает нам святой Иов своей покорностью и терпением в скорбях. За это Господь потом дал ему радость. Сколько примеров такой скорби у святых отцов во святых обителях, но потом была радость. Приготовьтесь к радости быть опять вместе. Будем терпеливы и смиренны. Не ропщем и благодарим за все.

Я читаю сейчас чудную книгу святого Иоанна Тобольского. Вот как он пишет: «Милосердный Бог сохраняет, умудряет и умиротворяет сердечно предавшегося Его Святой Воле всякого человека и теми же словами поддерживает и укрепляет его сердце — не преступать Воли Божией, внушая ему таинственно: ты находишься всегда со Мной, пребываешь в Моем разуме и памяти, безропотно повинуюсь Моей Воле. Я всегда с тобой, с любовью смотрю

на тебя и сохраню тебя, чтобы ты не лишился Моей Благодати, милости и даров благодатных. Все Мое — твое: Мое небо, Ангелы, а еще больше Единородный Сын Мой, «твой есмь и Сам Я, есмь твой и буду твой, как обещался Я верному Аврааму. Я твой щит, награда моя велика вечно на веки веков» (Бытие). Господь мой, ведь Ты мой, истинно мой... Я Тебя слышу и слова Твои сердечно исполнять буду».

Скажите эти слова каждый день, и вам будет легко на душе.

«Надеющиеся на Господа обновятся в силе, подымут крылья, как орлы, потекут и не устанут, пойдут и не утомятся» (Исаия).

«Господи, верую, помоги моему неверию». «Дети мои, станем любить не словами или языком, а делом и истиной» (Послание).

Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, и любовь моя со всеми вами во Христе Иисусе. Аминь.

Ваша постоянная богомолица и любящая мать
во Христе

Матушка.

Длинное путешествие Великой княгини из Москвы в Пермь было, вероятно, кошмарным. Ей не дали даже стакана для кипятка. Стакан она купила на одной из промежуточных станций, а чайник ей кто-то одолжил из пассажиров поезда.

Известно, что Великая княгиня написала два письма о. Митрофану Сребрянскому. В первом письме она писала, что латышские солдаты сначала очень грубо с ней обращались, но потом смягчились, и тогда их заменили другими красноармейцами, которые были безжалостными и жестокими.

Во втором письме Елизавета Феодоровна обращалась к Святейшему Патриарху Тихону. Она просила Патриарха исходатайствовать для нее получение вегетарианской пищи.

Е. М. Алмединген в своей книге поясняет, что конвоиры давали ей мясные блюда, приготовленные из конины, которые она не ела, что приводило их в ярость.

Патриарх Тихон не замедлил сделать все, чтобы удовлетворить просьбу Елизаветы Феодоровны, и своим авторитетом добился того, что ей стали давать овощи и молоко.

В Перми Великая княгиня и ее келейницы Варвара и Екатерина были помещены в женском монастыре. Здесь монахини с искренним участием отнеслись к Высокой узнице и старались делать все возможное, чтобы облегчить ее положение. Елизавете Феодоровне было позволено посещать церковные службы в монастырской церкви, что было для нее большим утешением.

По пути из Перми в Алапаевск Великая княгиня и ее сестры находились несколько дней в Екатеринбурге. В каких условиях и где они содержались, неизвестно. Тогда там уже была в заточении Императорская семья. Елизавета Феодоровна стремилась встретиться со своей сестрой-Императрицей, но ей в этом было отказано.

Одной из ее двух сестер, Варваре или Екатерине, удалось каким-то путем пробраться к Ипатьевскому дому, где сидели в заточении Царственные узники. Эта сестра, крадучись, подошла к забору и увидела через щели досок самого Государя. Но подать ему какой-то знак или что-то сказать она не могла. Стража зорко следила за домом.

Елизавета Феодоровна, находясь в заключении, думала не о себе, а о Царской семье. Каким-то путем, нам неизвестным, ей удалось передать в Ипатьевский дом пасхальные яйца, шоколад и кофе¹. В ответ пришло благодарственное письмо от Великой княжны Марии. Императрица Александра Феодоровна не послала письма сестре. Помня сору с Елизаветой Феодоровной из-за Распутина, когда Великая княгиня убеждала Государыню отстранить его. Императрица не могла простить этого сестре. Она считала своего «друга» Распутина чуть ли не святым, который был в действительности воплоще-

¹ «Третьи Романовские чтения». Под ред. А. Н. Авдонина и др. Екатеринбург. Издательский дом «ЯВА». 1999.

нием сатаны, принесшим гибель и всей Царской семье, и всей России.

Весной 1918 года в Екатеринбург были привезены и помещены в грязной гостинице Великий князь Сергей Михайлович со своим секретарем Федором Михайловичем Ремезом, три брата, сыновья Великого князя Константина Константиновича — Иоанн, Константин и Игорь — и князь Владимир Палей. С ними очень плохо обращались. Поместили всех в одну комнату и содержали впроголодь. Но им позволено было иногда выходить на улицу, где они встречались со знакомыми.

Краткие сведения об этих узниках:

Великий князь Сергей Михайлович родился в 1869 году. Он был младшим сыном Великого князя Михаила Николаевича, брата Императора Александра II.

Сергей Михайлович был офицером-артиллеристом и в тонкости изучил артиллерийскую дисциплину. Служил при Императоре Николае II в качестве генерала-инспектора артиллерии и делал все возможное, чтобы в предвидении войны с Германией воздействовать на правительство в вопросе перевооружения российской артиллерии. Но его старания не увенчались успехом. Женатым Сергей Михайлович никогда не был. В молодости он любил одну женщину, но этот брак не состоялся. Он избегал принимать участие в светских торжествах и в высоких кругах прослыл как человек замкнутый и молчаливый. Был прост в обращении с обыкновенными людьми и доступен всем. Сергей Михайлович являлся близким другом Императора Николая II в течение многих лет и был при Государе в Ставке до последних дней существования Российской империи.

Федор Михайлович Ремез, секретарь Великого князя Сергея Михайловича, добровольно последовал за своим шефом в ссылку и вместе с ним принял мученическую смерть.

Три брата: князья Иоанн, Константин и Игорь — были достойными сыновьями своего отца — Великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. Матерью их была

бывшая принцесса Саксен-Альтенбургская, Великая княгиня Елизавета Маврикиевна.

Князь Иоанн Константинович, или Иоаннчик, как его называли в семейном кругу, родился в 1886 году. Был женат на дочери короля Сербии Елене Петровне. У них было двое детей.

Вся семья Великого князя Константина Константиновича была очень религиозна, но князь Иоанн своей молитвенностью выделялся среди всех членов семьи. Он отличался исключительной духовно-религиозной настроенностью и любил вести долгие беседы на духовные темы с Великой княгиней Елизаветой Феодоровной.

Император Николай II, зная глубокую религиозность князя Иоанна, часто посылал его в качестве своего представителя на церковные торжества. Князь Иоанн был весьма чутким и отзывчивым человеком и много помогал беднякам. Он помнил завет своего отца: «Не изменяй высокому призванию и сей добро на родине своей». И он сеял это добро, где только мог.

За храбрость, проявленную в войне с Германией, князь Иоанн получил Георгиевское оружие.

Князь Константин Константинович родился в 1890 году. Был офицером лейб-гвардии Измайловского полка. Был скромным по натуре человеком, но хорошим солдатом. Отличался храбростью в мировую войну. Офицеры и солдаты полка князя Константина любили его.

Князь Игорь Константинович родился в 1894 году. Он был, как и все его братья, хорошим офицером. Один эпизод из жизни князя Игоря, когда он был на фронте, характеризует его: во время военных действий он попал с лошадью в топкое болото и стал тонуть. Когда голова его любимой лошади скрывалась в топи, князь Игорь, сам, погружаясь вместе с ней, перекрестил ее широким крестом. (Самого князя вытащили в последний момент, когда были видны только одна его голова и вытянутые вверх руки.)

Солдаты на фронте говорили о братьях-князьях: «Братья Константиновичи хорошо служат».

Все братья оправдали завет своего отца, Великого князя Константина Константиновича, который, отправляя их на войну, поставил всех сыновей коленопреклоненно перед образами и благословил их святой иконой со словами, что они должны помнить свое звание, соответственно этому держать себя и добросовестно служить отечеству.

Князь Владимир Палей был сыном Великого князя Павла Александровича от второго его, морганатического брака. Во время войны жена Павла Александровича и их дети получили фамилию Палей и княжеский титул.

До 1914 года Владимир проживал с родителями во Франции. Уже с очень раннего детства у него стал проявляться большой талант. Будучи еще совсем маленьким ребенком, он уже писал стихи. Кроме того, он хорошо играл на рояле и писал красками картины.

Приехав с родителями в Россию, Владимир Палей поступил в Пажеский корпус и после окончания ускоренных классов военного времени был в чине прапорщика определен в один из полков. В душе он вовсе не был военным, а стремился к художественному творчеству. В восемнадцатилетнем возрасте он уже выпустил первую книгу своих стихов. Владел он несколькими языками, но предпочитал писать на русском. Он был очень красив: высокий, статный, с задумчивыми голубыми глазами и мягкими манерами.

В начале 1915 года Владимир Палей читал Великому князю Константину Константиновичу свой перевод на французский язык его драмы «Царь Иудейский». Этот перевод превзошел все ожидания Великого князя. Он обнял Владимира со словами: «Володя, я чувствую, что больше писать не буду, чувствую, что умираю. Тебе я передаю мою лиру...» Одобренный автором перевод «Царя Иудейского» остался во дворце отца Владимира Палея, Великого князя Павла Александровича, и пропал во время большевистского переворота в России¹.

В последнее время перед революцией у Владимира Палея появилось предчувствие того, что его ожидает скорая смерть.

¹ Сборник памяти Великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р., с. 64.

Но это предчувствие не вызывало в нем чувства горечи. Наоборот, он старался совершенствовать свой талант. Он сидел часами за пишущей машинкой и печатал свои стихи. Эти стихи, которые моментально слагались в его гениальном уме, не нуждались в исправлениях. Они были совершенны. Казалось, что вдохновение ни на минуту не покидало юного поэта, и он горел желанием излить на бумаге то, чем дышала его душа.

Эта лихорадочная работа беспокоила сестру Владимира, Марию Павловну. Она посоветовала ему не спешить, а обдумывать и шлифовать свои стихи. В ответ на это брат ответил ей с грустной улыбкой, что он должен писать, и должен писать скорее; что рифмованные строки приходят к нему в законченной форме, а исправления только испортят их. Далее он загадочно заметил, что то, что в его душе, должно быть высказано теперь, потому что после двадцати одного года он писать уже не сможет.

В стихах Владимира Палея, которые вышли во время войны и революции, не было отражения современных событий. Наоборот, его стихи звучали миром и внутренним покоем.

После отречения Государя от престола, Владимир находился по приказу Керенского под домашним арестом вместе со своими отцом и матерью. Сводная сестра Владимира Палея, Мария Павловна, предполагала, что причиной этого ареста была сатира, написанная Владимиром на Керенского. Говорили, что эту сатиру вместе с карикатурой, нарисованной автором, положили Керенскому на стол в Зимнем дворце. По причине этого ареста князь Владимир с отцом не смогли вовремя уехать из Петрограда в безопасное место¹.

¹ Отец Владимира Палея Великий князь Павел Александрович был заключен коммунистами в Петропавловскую крепость вместе с великими князьями Дмитрием Константиновичем и братьями Георгием Михайловичем и Николаем Михайловичем, известным историком, которого уважали даже коммунисты за его ценные исторические труды. И когда Максим Горький просил о помиловании Николая Михайловича, то Ленин, подписывая ему смертный приговор, сказал: «Революция не нуждается в историках».

В январе 1919 года все они были расстреляны по приказу Ленина во дворе Петропавловской крепости. Подробности расстрела (из книги

В середине марта 1918 года глава ЧК в Петрограде Урицкий издал приказ о регистрации всех членов дома Романовых. Владимир Палей и другие князья должны были явиться в ЧК.

На основании того, что князь Владимир Палей не носил фамилии Романовых, его мать сделала все возможное, чтобы спасти сына из клещей чекистов. Тогда Владимир Палей был вызван Урицким, и тот предложил ему отречься навсегда от своего отца и других родственников Романовых. Князь наотрез отказался. Через две недели после этого Владимир Палей, три сына Великого князя Константина Константиновича — Иоанн, Константин и Игорь — и Великий князь Сергей Михайлович были отправлены в ссылку в Вятку. В конце апреля их перевезли сначала в Екатеринбург, а затем в Алапаевск.

Великая княгиня Мария Павловна в книге «*A Princess in exile*» писала, что князь Владимир Палей, находясь в заточении в Алапаевске, много писал. Когда же зимой 1920 года в Лондон были привезены ящики с вещами алапаевских узников, найденные Белыми частями в Алапаевске, то среди этих вещей не оказалось трудов Владимира Палея.

Стихотворение князя Владимира Павловича Палея, написанное им в Вятке, незадолго до перевода в Алапаевск:

Немая ночь жутка. Мгновения ползут.
Не спится узнику... Душа полна страданья;
Далеких, милых, прожитых минут
Нахлынули в нее воспоминанья...
Все время за окном проходит часовой,
Не просто человек, другого стерегущий,
Нет, кровный враг, латыш, угрюмый и тупой,

Великой княгини Марии Павловны «*A Princess in exile*» by Marie, Grand Duchess of Russia, Cassell and Co. Ltd, USA., 1932): Великих князей разбудили в три часа утра и заставили раздеться до пояса. Затем их вывели на площадь Петропавловской крепости — туда, где стоит собор, где были похоронены все Романовы со времен Петра Великого. Здесь их поставили перед большой длинной могилой, где уже лежали тринадцать расстрелянных. Через несколько секунд расстрелянные великие князья упали в общую могилу. (Их останки не были найдены. — Л. М.)

Холодной злобой к узнику дышущий...
За что? За что? Мысль рвется из души,
Вся эта пытка нравственных страданий,
Тяжелых ежечасных ожиданий,
Убийств, грозящих каждый миг в тиши,
Мысль узника в мольбе уносит высоко...
То, что гнетет кругом, так мрачно и так низко...
Родные, близкие так жутко далеко,
А недруги так жутко близко.

ГЛАВА 21

Великая княгиня Елизавета Феодоровна и остальные узники были привезены в Алапаевск 20 мая 1918 года и помещены в Напольной школе на краю города ¹.

Эта школа представляла собой каменное здание коридорной системы из четырех больших и двух маленьких комнат.

Угловую комнату заняла охрана. В первой большой комнате разместились Великий князь Сергей Михайлович, князь Владимир Палей и служащие Ф. М. Ремез и Круковский. В следующей комнате — князья-братья Константин Константинович и Игорь Константинович. Великая княгиня Елизавета с сестрами Варварой и Екатериной жили в угловой комнате. Другую угловую комнату занимал князь Иоанн Константинович, а рядом — служащий Калинин.

В комнатах школы стояли простые железные кровати с жесткими матрацами, несколько столов и стульев.

При школе была кухня, где готовили приходящие повара Кривова и ее помощница. Караул состоял из шести лиц: мадьяр-красноармейцев и местных рабочих, назначавшихся Совдепом или ЧК.

Князья и Великая княгиня работали в огороде, где своими руками сделали гряды и цветочные клумбы. Школьный двор они вычистили и привели в порядок так, что там получился уютный уголок.

Елизавета Феодоровна руководила посадкой в школьном огороде, и князь Владимир Палей писал матери, что тетя Элла знает об овощах больше, чем кто-либо из них. Обедали все,

¹ Н. Соколов. «Убийство Царской семьи». Буэнос-Айрес. Изд. «El Verbo Ruso», 1978.

кроме Елизаветы Феодоровны, в комнате Сергея Михайловича. Великая княгиня обедала отдельно, у себя в комнате. Она занималась рисованием и подолгу молилась. (Из показаний во время следствия поварихи Кривовой.)¹

С разрешения разводящего красноармейского караула заключенные ходили в церковь и гуляли в поле, которое прилегал к школе. Ходили они там без охраны.

Повариха Кривова на следствии говорила, что красноармейцы, охранявшие узников, были разные. Одни жалели их, а другие были грубыми и придирчивыми. Около трех раз дежурными были красноармейцы-австрийцы. Они были очень жестокими и по ночам почти через каждый час врываются в комнаты заключенных и производили там обыск. Великий князь Сергей Михайлович протестовал против такого насилия, но на его протесты не отвечали.

Е. М. Алмединген в «An Unbroken Unity» пишет, что все узники Напольной школы очень сдружились. Владимир Палей, некоторые письма которого дошли до его матери, писал много о «дяде Сергее», которого все они успели полюбить. Писал он и о «тете Элле» и о большой ее доброте к нему.

Елизавета Феодоровна не знала хорошо сына Павла Александровича от его второго брака — Владимира Палея. Теперь же, в ссылке, она очень полюбила своего племянника.

Как видно, жизнь заключенных в Алапаевске протекала в большой дружбе и взаимной любви. Они хорошо узнали друг друга, и их общее положение сроднило их всех.

Для вечерней молитвы все собирались в комнате Елизаветы Феодоровны, и молитвы читал или князь Иоанн Константинович, или Великая княгиня.

Елизавета Феодоровна делала также рисунки для вышивки для супруги князя Иоанна Елены Петровны, которая некоторое время жила в Алапаевске².

¹ Там же.

² Княгиня Елена Петровна не была арестована, но добровольно сопровождала своего мужа в Сибирь. Их дети оставались на попечении бабушки в Петрограде. Когда еще положение узников в Алапаевске было сравнительно спокойное, она поехала обратно в Петроград, что-

Определенно, что у узников было и некоторое общение с местным населением. Среди вещей Великой княгини Елизаветы в Алапаевске было найдено полотенце грубого деревенского полотна с вышивкой и надписью:

Матушка Великая княгиня Елизавета Феодоровна, не откажись принять, по старому русскому обычаю, хлеб-соль от верных слуг Царя и отечества, крестьян Нейво-Алапаевской волости Верхотурского уезда¹.

21 июня жизнь заключенных резко изменилась к худшему. У них были отобрааны их личные вещи и деньги: обувь, белье, платье, подушки, золотые и серебряные вещи. Оставлены были только носильное платье, пара обуви и две смены белья. Всякие прогулки вне школьной ограды были запрещены. Теперь несчастные жертвы уже были лишены и последнего утешения — посещения церкви.

Эта перемена произошла по приказу из Екатеринбурга.

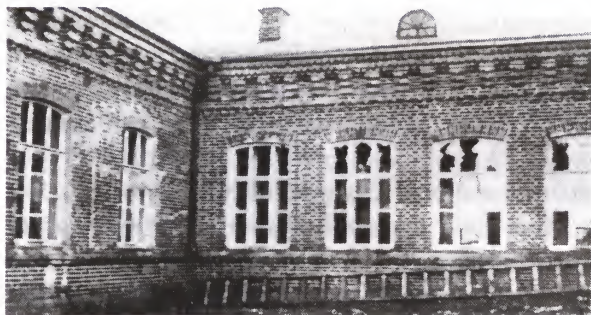
Великий князь Сергей Михайлович послал телеграмму в Екатеринбург председателю Областного совета. Он в телеграмме писал следующее:

...Не зная за собой никакой вины, ходатайствую о снятии с нас тюремного режима. За себя и моих родственников, находящихся в Алапаевске, Сергей Михайлович Романов.

Телеграммой из Екатеринбурга на имя комиссара юстиции Алапаевска Соловьева в облегчении положения узников было отказано.

бы навестить своих детей, но по дороге, в Перми, была арестована и посажена в тюрьму, где сидела вместе с графиней Гендриковой и г-жой Шнейдер. Из тюрьмы она освободилась только в 1919 году и уехала с детьми за границу.

¹ Протопресвитер М. Польский «Новые мученики Российские», том 1, с. 282.

Напольная школа на краю г. Алапаевска, где перед смертью содержались Великая княгиня Елизавета Феодоровна, сестра Варвара Яковлева, пять князей дома Романовых и Федор Ремез

Заброшенная шахта, куда были брошены живыми Алапаевские узники. Лишь один Великий князь Сергей Михайлович был сброшен в шахту мертвым

Ипатьевский дом заключения Царственных мучеников в Екатеринбурге. В последние годы коммунизма народ собирался у этого дома и молча стоял. Коммунисты не выдержали и в одну из ночей снесли этот дом

В это приблизительно время от Великой княгини были взяты ее келейницы Варвара и Екатерина и отправлены в Екатеринбург. Ниже приводится об этом сокращенное повествование игумена Серафима в «Мучениках христианского долга».

Прощание сестер с Елизаветой Феодоровной было очень тяжелым. Все трое плакали, думая, что расстаются навсегда. Оставшись одна, Великая княгиня часто плакала, молясь перед иконой Божией Матери. Хотя она и была подготовлена принять со смирением смерть, но, как человек, она боялась предсмертных мучений.

Сестер Варвару и Екатерину привезли в Екатеринбург, привели в Областной совет и там предложили идти на свободу. Когда обе сестры стали умолять чекистов вернуть их обратно в Алапаевск, то их стали устрашать мучениями, которые предстоит вынести Великой княгине Елизавете Феодоровне, и сказали, что если они не хотят разделить этой пытки с их настоятельницей, то должны уехать.

Самая близкая к Елизавете Феодоровне келейница Варвара Яковлева не испугалась и сказала, что готова дать подписку даже своей кровью, что желает разделить судьбу с Великой княгиней. Коммунисты растерялись. Они не думали, что эта молодая женщина вместо свободы пойдет на страдания и смерть, и им ничего не оставалось делать, как отправить ее обратно в Алапаевск.

Крестовая сестра Марфо-Мариинской обители Милосердия Варвара Яковлева была одной из первых, которая пошла по стопам Великой княгини Елизаветы и стала служить ближним в созданной Елизаветой Феодоровной обители. Она была келейной сестрой настоятельницы и одной из самых ей близких сестер. Но этим она не гордилась и была ласкова и доступна всем. Все, кто ни соприкасался с ней, любили ее. Родные Елизаветы Феодоровны хорошо знали ее и называли Варей.

Из какой среды и из какой местности пришла сестра Варвара — нам неизвестно. Она осталась верной своей Высокой матушке до конца и добровольно пошла за ней на страдание

и смерть, исполнив этим завет Иисуса Христа: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13). Приняла она свою мученическую кончину, когда ей было, вероятно, около тридцати пяти лет.

Игумен Серафим пишет, что алапаевские узники знали, что их ждет в недалеком будущем. Они все сознательно готовились к смерти и просили Господа укрепить их и чтобы их тела не остались на поругание коммунистам, а были бы с честью похоронены Православной Церковью.

Вскоре все служащие были удалены из школы. Оставлены были только при Сергее Михайловиче Федор Ремез, а при Елизавете Феодоровне — ее верная сестра Варвара.

17 июля в 12 часов дня в школу явились чекист Петр Старцев и несколько рабочих-коммунистов. Они отобрали у заключенных остававшиеся у них последние деньги и объявили им, что их ночью перевезут в Верхне-Синячихинский завод, расположенный недалеко от Алапаевска. Они удалили из школы красноармейцев-охранников и сами заменили их.

Повариха Кривова во время следствия показала: «Меня большевики очень торопили с обедом; обед я подавала в 6 часов, и во время обеда большевики все торопили: «Обедайте поскорее, в 11 часов ночи поедem в Синячиху». Я стала укладывать продукты, но большевики сказали мне, чтобы я отложила укладку и что я могу завтра привезти их в Синячиху»¹.

Жители Алапаевска около трех часов утра слышали звуки выстрелов и взрывов гранат, и некоторые видели рассыпанные недалеко от школы цепи красноармейцев. Ночью чекисты подбросили к зданию школы тело мнимого «бандита», которого якобы убила охрана красноармейцев при «похищении князей». В действительности это был крестьянин Салдинского завода. Он заранее был арестован чекистами для их замысла и содержался несколько дней в алапаевской ЧК, а потом был убит и подброшен к зданию школы.

Явный обман здесь был ясен не только жителям Алапаевска, но и самим участникам этой мистификации — красноармейцам.

¹ Н. Соколов. «Убийство Царской семьи», с. 259.

Рано утром 18 июля путем обмена телеграммами между чекистами Абрамовым и Белобородовым из Екатеринбурга была распространена ложь, что на школу напала «неизвестная банда».

В этих телеграммах, которыми обменялись Абрамов и Белобородов по заранее условленному плану, а также и в советских газетах имя Великой княгини Елизаветы Феодоровны не упоминалось. Это было сделано по приказу Ленина из Москвы во избежание возможных неприятностей со стороны немцев. Дело состояло в том, что после убийства графа Мирбаха немецкие власти хотели ввести в Москву батальон своих войск. Когда большевики отказали, немцы пошли на уступки и стали требовать от коммунистов гарантии, что жизни Императрицы Александры Феодоровны, наследника и Великой княгини Елизаветы Феодоровны будут сохранены.

Когда произошло убийство Императорской семьи в Екатеринбурге, Свердлов, боясь немцев, говорил только о «казни» Царя, особо выделяя, что Императрица и наследник живы. По этой же причине коммунисты не упоминали имени Елизаветы Феодоровны, зная, что немцы не поверят их сообщению об «увозе ее белыми».

Алдское злодеяние Алапаевска произошло в ночь на 18 июля, когда Православная Церковь празднует память Преподобного Сергия Радонежского. Это был день Ангела покойного супруга Елизаветы Феодоровны Великого князя Сергея Александровича.

Узников разбудили ночью и повезли в нескольких повозках по дороге в направлении деревни Синячихи¹.

Недалеко от этой дороги, приблизительно в восемнадцати километрах от Алапаевска, находился заброшенный

¹ Все жертвы Алапаевска безропотно подчинились приказу убийц и сели в подводы. Только один Великий князь Сергей Михайлович оказал сопротивление. Он не хотел выходить из своей комнаты и забаррикадировался, спрятавшись за шкафом. Князь несколько раз крикнул палачам, что знает, что их увозят, чтобы убить. Долго «возились» с ним чекисты и, только выстрелив в руку Сергея Михайловича, прекратили его сопротивление. (Из книги «Третьи Романовские чтения»).

железный рудник. Одна из шахт рудника, Нижняя Селимская, которую выбрали чекисты для своего зверского плана, была шестидесяти метров глубиной. Она состояла из двух отделений: рабочего, где раньше добывалась руда, и машинного, где когда-то стояли насосы для откачки воды. Стены шахты были выложены бревнами, которые торчали теперь, полусгнившие, в разных направлениях.

С площадной руганью палачи стали бросать в эту яму свои жертвы, избивая их прикладами. Эта свирепая расправа с невинными была до того страшна, что даже некоторые участники ее не выдержали. Двое из них сошли с ума¹. Это были люди из местных большевиков, увлекшиеся идеями коммунизма. Но они еще не озверели до того, чтобы принимать участие в таком кошмарном деле.

Вблизи этой шахты находился местный крестьянин. Он видел, как к шахте подвезли группу узников и побросали их живыми в шахту.

Первой столкнули в зияющую чернотой яму Великую княгиню Елизавету. Она громко молилась и крестилась, говоря: «Господи, прости им, не знают, что делают!» Потом стали бросать остальных. Всех столкнули живыми, кроме Великого князя Сергея Михайловича. Он единственный был мертвым, прежде чем достиг дна шахты. В последний момент он стал бороться с палачами и схватил одного из них за горло. Тогда выстрелом из вера в голову он был убит. Когда все жертвы были уже в шахте, чекисты стали бросать туда ручные гранаты. Они хотели взрывами засыпать шахту и скрыть следы своего преступления. Только один мученик — Федор Ремез был убит гранатой. Его тело, извлеченное из шахты, оказалось сильно обожженным взрывом². Остальные мученики умерли в страшных страданиях от жажды, голода и ранений, полученных при падении.

¹ Протопресвитер М. Польский. «Новые мученики Российские», том 1.

² Captain Paul Bulygin. «The murder of the Romanovs». London Hutchinson and Co. Ltd. 1935.

Святая Великая княгиня Елизавета упала не на дно шахты, а на выступ, который находился на глубине 15 метров. С нею рядом нашли князя Иоанна с перевязанной раненой головой. Это святая Великая княгиня, сильно ушибленная и с повреждениями в области головы, сделала ему в темноте перевязку, употребив свой апостольник.

Свидетель-крестьянин слышал, как из глубины шахты стала раздаваться Херувимская песнь. Это пели мученики во главе с Елизаветой Феодоровной. Святая Великая княгиня пела молитвы и укрепляла других до тех пор, пока ее душа не отошла от тела и к ней навстречу понеслись другие, райские напевы и над ее главой не засиял мученический венец.

Промыслом Божиим было устроено так, что Елизавета Феодоровна и Иоанн Константинович упали на один выступ шахты. Святая Великая княгиня была особенно привязана к князю Иоанну, с которым при жизни часто беседовала на духовные темы. Они были одинаковы по духу, и оба жили для вечной жизни.

Капитан Павел Булыгин в «The Murder of the Romanovs» на с. 255 писал (пер. с англ.):

Бессердечное избиение и отвратительная работа по разрубке и уничтожению тел...¹ ужасны почти сверх всякого человеческого воображения, но даже и это бледнеет перед историей преступления в Алапаевске...»

В газете «Новое русское слово» от 11 августа 1984 года (Нью-Йорк, США) была помещена статья гр. Радина под заглавием «Палачи». В этой статье передается рассказ одного из палачей алапаевских узников — Рябова.

Рябов и другие изуверы, побросав свои жертвы в шахту, думали, что они утонут в воде, которая находилась на дне шахты. Но когда они услышали их голоса, то Рябов бросил туда

¹ Убийство Императорской семьи, происшедшее в ночь на 17 июля 1918 года в Екатеринбурге, в Ипатьевском доме.

гранату. Граната взорвалась, и наступила тишина. Потом опять возобновились голоса и послышался стон. Рябов бросил вторую гранату. И тогда палачи услышали, как из шахты понеслось пение молитвы «Спаси, Господи, люди Твоя». Ужас охватил чекистов. В панике они завалили шахту хворостом и валежником и подожгли. Сквозь дым еще долетало до них пение молитв...

* * *

Зверское убийство Царской семьи произошло накануне адского злодеяния в Алапаевске.

В июле 1918 года вся Царская семья и их приближенные уже находились в заключении в Ипатьевском доме в Екатеринбурге. В ночь с 16 на 17 июля их разбудил палач Янкель Юровский и приказал одеваться по причине якобы спешного выезда из города ввиду приближения Белой армии.

Царская семья спустилась в полуподвальное помещение дома. Цесаревич Алексей был болен и не мог стоять. По приказу Юровского принесли стулья, на которые сели Государь с больным наследником и Государыня. Вокруг расположились Великие княжны — Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия. Тут же стояли доктор Боткин, Харитонов, Трупп и Демидова. Они все ожидали отъезда и не знали, что «каре́та» давно их ждет у ворот. Это был четырехтонный грузовик, на котором должны были везти их мертвые тела.

Через некоторое время в комнату вошли 11 палачей во главе с Юровским. Подойдя к Государю, Янкель Юровский сказал: «Ваши родные хотели вас спасти, но это им не удалось. Мы вас сейчас убьем». Государь только прошептал: «Что? Что?» Начались выстрелы. Смерть Императора, Императрицы, которая успела перекреститься, трех дочерей и камердинера Труппа была скорой. Наследник Алексей Николаевич был ранен и стонал. Он упал на пол и протягивал руку, стараясь защититься от пуль, но Юровский и Никулин несколькими выстрелами доби́ли мальчика. Палачи штыками прикончили Анастасию Николаевну и Демидову.

Тела убитых были перенесены в грузовую машину, которая направилась к железным рудникам Верх-Исетского завода. Здесь, в урочище «Четыре брата», находился старый заброшенный рудник. Грузовик остановился у шахты «Ганина яма». Тела были раздеты донага, разрублены на части и сожжены при помощи бензина и кислоты. Такое уничтожение тел мучеников, по версии следователя Н. А. Соколова, рассказанной им в книге «Убийство Царской семьи», признавалось многими как неоспоримый факт. В конце же семидесятых годов А. Н. Авдонин и Г. Т. Рябов на основании свидетельств участников убийства нашли захоронение человеческих останков в Поросенковом логе. После исследования учеными многие поверили, что это подлинные кости Императорской семьи и их служащих. Эти останки, кроме Цесаревича Алексея и Великой княжны Марии, были торжественно захоронены в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге в июле 1998 года. До сих пор мнение русских людей, как в России, так и за границей относительно подлинности останков, расходятся: одни верят в версию Н. А. Соколова, а другие уверены в том, что кости, погребенные в Петропавловском соборе и есть настоящие мощи Царской семьи и их приближенных.

Каким образом тела Царской семьи и их служащих оказались в Поросенковом логе, находим в записях палача Янкеля Юровского. Юровский пишет, что убитых привезли к Ганиной яме. Эта шахта была неглубокой — 2,5 метра — и наполнена ледяной водой. Палачи-чекисты, раздев мучеников донага, побросали их туда.

Закланные жертвы — Царская семья и их приближенные — пролежали в ледяной воде шахты до ночи 18 июля. Тогда по приказанию Я. Юровского матрос Ваганов с помощью веревок стал доставать тела из Ганиной ямы и вытаскивать их на поверхность земли.

Один из палачей — Никулин был еще жив в 1964 году и рассказывал, что лица мертвых были как живые — красные от ледяной воды, и он бесстыдно разглядывал нагого Помазанника Божия, удивляясь крепкому развитию мышц Государя.

Тела убитых бросили в телеги и повезли к глубоким шахтам, чтобы скрыть там свое адское дело. Но телеги оказались непрочными и стали разваливаться по дороге. Тогда Янкель Юровский отправился за машинами. Прибыли грузовик и две легкие машины, но грузовик с телами окончательно застрял, и Юровский решил сжечь тела. Он сжег Цесаревича и одну из Великих княжон. Ею была Мария, но сжигать все тела оказалось бы долгой и трудоемкой работой. Тогда палачи вырыли неглубокую могилу, мучеников побросали туда, облили их серной кислотой, завалили землей и хворостом, сверху положили шпалы и несколько раз проехали по могиле на грузовике. Таким ужасным путем тела Царственных мучеников и их приближенных на время были скрыты. Эта могила находилась в районе Порошенкова лога.

Убийство Императорской семьи было совершено по приказу дьявола Ленина при активном участии Янкеля Свердлова из Москвы. Местными же исполнителями были: Янкель Юровский, Шая Голошекин, Белобородов, Войков-Вайнер, Никулин, Ваганов, каторжник Ермаков и группа венгров.

* * *

Когда Белая армия адмирала Колчака заняла район Екатеринбурга и Алапаевска, то началось расследование злодеяний большевиков по убийству Императорской семьи и узников Алапаевска.

Путем допроса свидетелей и оставленных убийцами улик был найден старый рудник вблизи Синячихинской дороги. Одна из шахт, Нижняя Селимская, была засыпана сверху свежей землей. Это и привело следователей к догадке, что там находятся тела алапаевских мучеников.

Была затрачена неделя времени и приложено немало усилий, чтобы раскопать шахту и достать тела мучеников, которые находились на различной глубине шахты.

8 октября 1918 г. было найдено тело Федора Ремеза, 9 октября — инокини Варвары и князя Владимира Палея, 10-го — князей Константина Константиновича, Игоря Константиновича

и Великого князя Сергея Михайловича; 11 октября были найдены тела Великой княгини Елизаветы Феодоровны и князя Иоанна Константиновича. Все тела были в одежде. В карманах у них находились документы и некоторые вещи.

Великий князь Сергей Михайлович был брошен в шахту мертвым. Медицинская экспертиза доказала это: при вскрытии его тела было обнаружено круглое пулевое отверстие в черепной коробке покойного.

От взрывов гранат (см. выше) погиб только мученик Федор Ремез. Остальные жертвы, как показало вскрытие, скончались в длительных мучениях. Они умирали в неопишуемой агонии от полученных ранений от ударов прикладами и ушибов при падении на дно шахты, а также и от истощения.

Во рту и желудке князя Константина была найдена земля. Это показало, что князь так мучился, что в предсмертной агонии грыз и глотал землю, чтобы облегчить желудочные спазмы. На его темени были обнаружены две большие рваные раны и несколько кровоподтеков.

Голова князя Игоря Константиновича имела трещину в черепе; у него были большие кровоподтеки в области груди и живота. Тело князя Владимира Палея носило следы нескольких кровоподтеков и кровоизлияний. Все тело мученицы Варвары было покрыто кровоподтеками. Иоанн Константинович имел сильный кровоподтек в височной части головы, в области плевры и живота.

Медицинское освидетельствование тела Великой княгини Елизаветы Феодоровны: в головной полости по вскрытии кожных покровов обнаружены кровоподтеки: на лобной части — величиной в детскую ладонь и в области левой теменной кости — величиной в ладонь взрослого человека; кровоподтеки в подкожной клетчатке, в мышцах и на поверхности черепного свода. Кости черепа целы...

В кромешной тьме шахты, изнемогающая от собственной боли, святая Великая княгиня Елизавета исполняла свой последний долг на земле — облегчать страдания других. Она ошупью, осторожно, чтобы не упасть с выступа шахты вниз, сделала перевязку раненой головы князя Иоанна. И сво-

им пением молитв она подбадривала других и помогала им превозмогать боль и ужас надвигающейся смерти и нестись в молитвах к Богу.

Елизавета Феодоровна была найдена с иконой Спасителя¹ на груди. Икона украшена драгоценными камнями, и на обороте ее сделана надпись: «Вербная Суббота 13 апреля 1891 года».

Этот день — 13 апреля 1891 года — был днем перехода Великой княгини Елизаветы Феодоровны в Православие.

Вероятно, Елизавета Феодоровна спрятала эту дорогую для себя икону на груди, чтобы не нашли ее чекисты, и молилась, прижимая ее к себе, во время длинных предсмертных часов своей жизни.

Рядом с Великой княгиней лежали две неразорвавшиеся гранаты. Господь не допустил, чтобы тело Его угодницы было разорвано на части. Пальцы правой руки святой подвижницы были сложены для крестного знамения. В таком же положении пальцы были и у инокини Варвары и князя Иоанна. Как будто они хотели перекреститься в момент своей смерти, а может быть, и перекрестились, откинув уже холодеющую руку со сложенными для креста перстами.

Один из главных чекистов — Старцев на следствии показал, что убийство алапаевских узников произошло по приказанию из Екатеринбурга и для руководства им оттуда приезжал Сафаров.

Судебный следователь Николай Алексеевич Соколов пишет²:

Всего лишь сутки отделяют екатеринбургское убийство от алапаевского. Там выбрали глухой рудник, чтобы скрыть преступление. Тот же прием и здесь.

¹ Не известно, какая это была икона Спасителя. Если это был образ Нерукотворного Спаса, то, по всей вероятности, это была та икона, которой Император Александр III благословил Елизавету Феодоровну при переходе ее в Православие.

² Н. Соколов. «Убийство Царской семьи», с. 264.

Ложью выманили Царскую семью из ее жилища.
Так же поступили и здесь.

И екатеринбургское, и алапаевское убийство —
продукт одной воли одних лиц.

ГЛАВА 22

После вскрытия и медицинского осмотра тел мученики были обмыты и одеты в белые саваны. Положили их в простые деревянные гробы и поставили в кладбищенскую церковь Алапаевска, где совершались панихиды и шло постоянное чтение Псалтири.

Вечером 18 октября многочисленным духовенством была отслужена заупокойная всенощная. На следующий день духовная процессия двинулась крестным ходом из Свято-Троицкого собора к кладбищенской церкви, где была отслужена панихида, и под пение «Святый Боже» гробы понесли в собор, где была совершена заупокойная литургия, а за ней — отпевание мучеников.

Народу как вечером, так и утром было так много, что храм не мог вместить всех, и многие стояли на площади перед собором. Здесь были люди не только из Алапаевска, но и из окрестных поселений. Многие рыдали.

Длинной и долгой вереницей шел народ к гробам, прощаясь с новомучениками. В воздухе стоял стон от рыданий.

После прощания под пение «Святый Боже», похоронный звон колоколов и исполняемый военным оркестром «Коль славен» гробы были на руках перенесены и поставлены в склеп Свято-Троицкого собора, с правой стороны от алтаря.

Но алапаевские мученики не нашли себе постоянного упокоения в соборном склепе. Вскоре Красная армия начала наступать, и необходимо было перевезти их останки в более безопасное место.

Отец Серафим¹, игумен Серафимо-Алексеевского скита Пермской епархии, основанного в год рождения Цесаревича Алексея, друг и духовник Великой княгини Елизаветы Фео-

¹ Игумен Серафим, автор брошюры «Мученики христианского долга».

доровны, получил разрешение от адмирала Колчака и генерала Дитерихса везти гробы.

Себе в помощники о. Серафим взял двух послушников — Максима Канунникова и Серафима Гневашева¹. Алапаевские восемь гробов были поставлены в товарный вагон и 1 июля 1919 года направились по Восточно-Сибирской железной дороге в направлении Читы. В этом вагоне ехал и о. Серафим с послушниками. Путь был долгий и сопровождался невероятными трудностями.

В Читу тела мучеников прибыли в августе. Здесь игумен Серафим с помощью русских и японских офицеров² доставил их в женский Покровский монастырь.

Из письма принцессы Виктории, маркизы Мильфорд-Хевен, брату Эрнесту известно, что гробы в монастыре открывались. Тело святой мученицы Великой княгини Елизаветы не было тронутو тлением. Монахини обмыли тела страдальцев и облачили святых мучениц Великую княгиню Елизавету и инокиню Варвару в монашеское одеяние³.

Тайно, чтобы не узнали коммунисты, о. Серафим с двумя послушниками сняли доски пола в одной из монашеских келий, вырыли там большую мелкую могилу, поставили туда рядом все восемь гробов и засыпали их сверху небольшим слоем земли.

В этой келье остался жить и стеречь тела страдальцев сам о. Серафим.

Капитан Павел Булыгин в книге «The murder of the Romanovs» (с. 260) пишет следующее (*пер. с англ.*):

Я провел многие часы в его келье и даже спал там больше, чем раз. Те ночи в монастырских сте-

¹ См. журнал «Вечное» за июль—август 1968 г., воспоминания графини Марии Белевской-Жуковской «Великая княгиня Елизавета Феодоровна».

² Во время интервенции японские части находились в Сибири.

³ Это подтверждается тем, что когда перед прославлением всех Новомучеников Российских в 1981 году гробницы святых Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары открыли в Иерусалиме, то их мощи оказались облаченными в черные монашеские одежды, а на груди у святой мученицы Великой княгини был обнаружен параманный крест.

нах были особенным переживанием для городского жителя. Я никогда не забуду старого стиля деревянные постройки на фоне хвойного леса и те облитые голубым лунным светом снежные пространства монастырского кладбища с резко очерченными на них тенями хвойных деревьев и могильных крестов...

Игумен Серафим рассказал капитану Булыгину все, что он знал об алапаевских узниках, об их страданиях, похоронах и перевозке их тел из Алапаевска в Читу и о вторичном их захоронении здесь, в его келье.

Капитан Булыгин далее пишет:

...Я находился менее чем на фут от гробов, когда я спал в его келье на растянутой на полу шинели.

Однажды ночью я проснулся и увидел, что монах сидит на краю своей постели. Он выглядел таким худым и изможденным в своей длинной белой рубашке! Он тихо говорил: «Да, да, Ваше Высочество, совершенно так...» Он определенно разговаривал во сне с Великой княгиней Елизаветой¹. Это была жуткая картина при тусклом мерцании единственного фитиля перед иконой в углу...

В Чите гробы мучеников пребывали в течение шести месяцев. Здесь, в Покровском монастыре, у могилы алапаевских жертв совершались панихиды, горела неугасимая лампада, курился благоухающий ладан.

Но гроза коммунистического террора приближалась. Красная армия наступала. И опять останки мучеников пришлось спасти от большевиков. Но теперь их переправили уже за пределы их родины — России.

¹ Покойная матушка Варвара, игуменья Гефсиманской обители в Иерусалиме, рассказывала, что, когда игумен Серафим вез тела мучеников, святая Великая княгиня Елизавета не раз ему являлась и направляла его.

26 февраля (по ст. ст.) 1920 года двинулись гробы алапаевских страдальцев к новому месту упокоения.

Холодной зимой, при полном расстройстве железнодорожного транспорта тела мучеников направились из Читы к границе Китая. Сохраняя величайшую предосторожность и с большими препятствиями о. Серафим доставил их в Пекин.

По дороге, у границы Китая, на гробы убиенных напала банда коммунистов и успела сбросить из вагона на железнодорожный путь гроб с телом князя Иоанна. Подоспевшие китайские солдаты помогли отбить бандитов и остановить это возмутительное кощунство. Большевикам было мало лишить свои жертвы жизни — они горели ненавистью даже к мертвым.

В апреле 1920 года гробы мучеников прибыли в Пекин и были встречены начальником Русской Духовной Миссии архиепископом Иннокентием.

После заупокойной службы они были временно помещены в одном из склепов на кладбище Духовной Миссии, и сразу же началось сооружение нового склепа у храма святого преподобного Серафима Саровского¹.

Сестры и брат Елизаветы Феодоровны, узнав, где находятся останки погибших, пожелали, чтобы тела Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары были отправлены в Иерусалим и похоронены у храма святой Марии Магдалины, на освящении которого присутствовала Елизавета Феодоровна в 1888 году².

Хлопотами сестры Елизаветы Феодоровны, принцессы Виктории, гробы были отправлены в ноябре 1920 года

¹ В 1945 году, когда Красная армия заняла Маньчжурию, шесть гробов: Великого князя Сергея Михайловича, братьев-князей Иоанна, Константина и Игоря, князя Владимира Палея и Федора Ремеза — еще находились в склепе при Свято-Серафимовском храме Пекина. Дальнейшая судьба гробов этих мучеников неизвестна. По всей вероятности, они были извлечены коммунистами из склепа и «исчезли».

² Все четыре сестры Гессенского дома: Елизавета, Александра, Виктория и Ирена сделали собственноручно ковер для храма святой Марии Магдалины (Stephen Graham. «Part of the wonderful scene», an autobiography, Collins, St. James Place. London, 1964).

из Пекина в Тяньцзинь; из Тяньцзиня — пароходом в Шанхай. Из Шанхая они были направлены в Порт-Саид, куда прибыли в январе 1921 года.

При гробах неотлучно находились игумен Серафим, его два послушника и член Следственной комиссии Н. А. Соколова А. П. Куликов.

* * *

В 2004 году вышла из печати брошюра монастыря св. равноапостольной Марии Магдалины, в Гефсимании, в Иерусалиме под названием «Рассказ о ковчеге», 2004 г., где на стр. 30—32 игумен Серафим пишет (печатается с разрешения матушки игуменьи Гефсиманской обители Елизаветы):

«От Алапаевска до Тюмени ехал один в вагоне с гробами 10 дней, сохраняя инкогнито, и никто не знал в эшелоне, что я везу 8 гробов. Это было самое трудное, ибо я ехал без всяких документов на право проезда, а представлять уполномочия было нельзя, ибо тогда бы меня задержали местные большевики, которые как черви, кишели по линии железной дороги. Когда я прибыл в Ишим, где была ставка Главнокомандующего, то он не поверил мне, что удалось спасти тела, пока своими глазами не убедился, глядя в вагоне на гробы. Он прославил Бога и был рад, ибо ему самому лично жаль было оставлять их на поругание нечестивых. Здесь он дал мне на вагон открытый лист, как на груз военного назначения, с которым мне было уже легче ехать и сохранять свое икогнито... Много было и других разных опасностей в пути, но всюду за молитвы Великой княгини Бог хранил и помог благополучно добраться до Читы, куда прибыли 16/29 августа 1919 года». В Чите оказали содействие Главнокомандующий всеми вооруженными силами Российской Восточной Окraiны генерал-лейтенант Атаман Григорий Михайлович Семенов и японские военные власти. Они помогли организовать в полной тайне перевозку гробов в женский

Покровский монастырь, где они хранились 6 месяцев, спрятанные от посторонних взглядов в неглубокой могиле, вырытой под полом келии, в которой помещался о. Серафим. В Чите генерал Дитерихс дал новое официальное уполномочие о. Серафиму хранить гробы. Вернемся к отчету: «До ст. Хайлар я доехал без всякой охраны, инкогнито, благополучно. Здесь же на несколько дней власть переходила во власть большевиков, которые мой вагон захватили, вскрыли гроб князя Иоанна Константиновича и хотели над всеми совершить надругание. Но мне удалось быстро попросить китайского командующего войсками, который немедленно послал свои войска, отобравшие вагон в тот самый момент, когда они вскрывали первый гроб. С этого момента я с гробами находился под охраной китайских и японских военных властей, которые отнеслись весьма сочувственно, охраняли меня на месте и во время пути до Пекина».

По прибытии вагона в Харбин тела покойников разложились, кроме тел Великой княгини и инокини Варвары. Из воспоминаний князя Николая Александровича Кудашева, бывшего последним посланником Царской России в Китае, который прибыл в Харбин для опознания убитых: «Великая княгиня лежала как живая, только на одной стороне лица был большой кровоподтек от удара при падении в шахту».

Крестным ходом 3/16 апреля 1920 года начальник Русской Духовной миссии Архиепископ Иннокентий встретил горбы на Пекинском вокзале. Под амвоном кладбищенской церкви Духовной Миссии во имя преп. Серафима Саровского был устроен склеп с железными дверями, куда поместили 8 гробов. (Во время «культурной революции» в Китае храм был уничтожен и судьба захоронений в настоящее время пока неизвестна).

К осени ситуация вновь осложняется. Декрет Президента Китайской Республики от 23 сентября 1920 года ликвидирует деятельность Русской миссии в Пекине, все русские учреждения на Дальнем востоке должны были закрыться, из России прибывали новые хозяева российского посольства.

Последний этап по спасению св. мощей Вел. кн. Елисаветы Феодоровны и инокини Варвары организован ее сестрой принцессой Викторией Баттенбергской. Будучи знакомой с о. Серафимом еще по своей поездке в Пермь, она всецело ему доверяла и поручила доставить гробы в Иерусалим, в храм св. равноапостольной Марии Магдалины. Двое послушников и член Следственной Комиссии А. П. Куликов сопровождали бесценный груз.

17/30 ноября отправились из Пекина в Тянь-Тзинь, затем пароходом в Шанхай, из Шанхая 2/15 декабря в Порт-Саид, куда прибыли 13/26 января.

13/26 января 1921 года. В Порт-Саиде траурный груз встречала Принцесса Виктория с супругом Принцем Людвигом и дочерью принцессой Луизой.

* * *

В ноябре 1920 г. принцесса Виктория, маркиза Мильфорд-Хевен, послала письмо сестре Ирене и брату Эрнесту. По всей вероятности, это письмо было написано принцессой в пути, когда она ездила устраивать перевозку тел Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары.

Из письма принцессы Виктории становится известным, что кипарисовый крест, который носила на груди святая Великая княгиня Елизавета, был на ней во время ее смерти, но остался где-то в России¹.

Это письмо, написанное по-английски, принцесса послала Ирене, а последняя переписала его для Эрнеста с добавлением от себя по-немецки.

¹ Великая княгиня Елизавета и инокиня Варвара были погребены без своих кипарисовых крестов.

Я слышала, что, после того как были найдены тела, крест Эллы и деревянная цепочка были взяты одной дамой, которая жила в близ расположенном монастыре.

В прошлом году я видела ее и говорила с...¹ Бедная сказала, что с ними обращались не плохо, и они не были стеснены в *Алапаевске*, и им даже позволялось ходить в церковь. Там они все жили в одном коридоре в здании школы.

Ее муж² читал вечерние молитвы с Эллой в ее комнате, и она часто сидела вместе с ней, и Элла делала рисунки для ее работы. Там в первое время было так спокойно, что ее муж думал, что они вне настоящей опасности; и так как они беспокоились о своих детях, то они решили, что она³ поедет в Петроград, чтобы их увидеть, а затем вернется.

Местные советы позволили ей уехать, но, когда она приехала в Екатеринбург, ее забрали из гостиницы и посадили в тюрьму как сербскую шпионку, потому что видели, как она разговаривала с сербским офицером. Оттуда ее отправили в пермскую тюрьму, где она встретила бедную Е. Шнейдер и мадемуазель Гендрикову⁴, *которых выволокли наружу и уби-*

¹ С княгиней Еленой Петровной.

² Князь Иоанн Константинович.

³ Княгиня Елена Петровна.

⁴ Молодая девушка, фрейлина Императрицы, графиня Анастасия Васильевна Гендрикова, отличавшаяся исключительным благочестием и самоотречением, и лектриса Государыни Екатерина Адольфовна Шнейдер последовали за Царской семьей в ссылку в Тобольск, а оттуда — в Екатеринбург. По прибытии туда они сразу же были арестованы по приказу Юровского и Голощекина и отправлены в тюрьму. Из Екатеринбурга были перевезены в пермскую тюрьму. Отсюда в сентябре 1918 года Е. Шнейдер и А. Гендрикову в числе одиннадцати заключенных повели за город и убили: некоторых застрелили, а некоторых били прикладами. Тела жертв были найдены Белыми частями весной 1919 года. Голова графини Гендриковой была разможжена страшным ударом приклада.

ли в то время, когда она еще находилась там. Она уехала из Екатеринбурга как раз перед тем, как там наши дорогие были убиты. Благодаря чехословакам и переговорам с большевиками она была оставлена живой и взята в Москву, где она была интернирована в Кремле до тех пор, пока не закончились переговоры, чтобы отправить ее в Швецию. Она ничего не знала о том, что случилось в Алапаевске до тех пор, пока не уехала из России.

В Алапаевске, кроме трех сыновей Кости, Эллы и Вари, были Сергей Михайлович с его доктором или служащим (он был болен) и сын Павла от его второго брака, талантливый юноша...

Г-н Вильтон, корреспондент «Таймса», еще перед войной был в Петрограде (он наполовину русский, так как еще его отец обосновался там), находился в армии Колчака, у генерала Дитерихса, и помогал в доскональном расследовании того, что случилось в Екатеринбурге. Он теперь написал статьи в «Таймсе» об этом и издал книгу. Я смогла проверить многое на основании сведений, полученных от Софии Буксгевден, и я уверена, что он абсолютно правдив. Читая эту книгу страшно тяжело...

Ее дорогая душа уже давно нашла свой настоящий и постоянный покой. Когда это долгое путешествие будет закончено, я положу цветы от твоего имени. Я надеюсь, что тела будут покоиться в церкви, построенной в память матери Сергея, на освящении которой присутствовали он и Элла.

Приписка по-немецки принцессы Ирены:

Я знаю хорошо, где расположена эта церковь, — на Елеонской горе... Я хочу написать картину такую же, как ты сделал во время войны 1916 года, — «Любовь никогда не кончается». Также я хочу постараться найти выгравированную красивую икону в русском стиле Христа или Марфы и Марии и при-

крепить ее к доске, а на обратной стороне доски написать посвящение...

Второе письмо принцесса Виктория отправила брату Эрнесту в декабре 1920 года. Это письмо подтверждает, что страдальца Елизавета Феодоровна у своей могилы-шахты молилась за палачей.

В этом письме принцесса пишет брату, что имела от Елизаветы Феодоровны два письма уже после революции и приводит выдержку из одного из них. Строки Великой княгини звучат там ее большой любовью к России и к русскому народу: «...Вся наша страна раскромсана на маленькие кусочки. Все, что было собрано веками, уничтожено...» Но она не винит в этом русский народ, а жалеет его, сравнивая с больным ребенком. Предчувствуя свой близкий конец, она высказывает глубокую мысль, что великим даром Божиим является то, что мы не можем знать нашего будущего.

31 декабря 1920 г.

Мой дорогой Эрни,

...я знаю, что ты чувствуешь в отношении Эллы. Ты был всегда «ее ребенком».

Со времени революции я имела от нее только два письма, переданные мне в руки. Последнее, написанное незадолго до ее увоза из Москвы, было только, чтобы сообщить, что все хорошо у нее и в Доме, и было написано в закамouflированном виде, как будто от начальницы женской школы в Нью-Йорке, так как тот, кто привез его, был американцем.

Другое было написано весной 1917 года, и там она говорит: «Господни пути являются тайной, и это поистине великий дар, что мы не можем знать всего будущего, которое уготовано для нас. Вся наша страна раскромсана на маленькие кусочки. Все, что было собрано веками, уничтожено, и нашим собственным народом, который я люблю всем моим сердцем. Действительно, они морально больны и слепы, чтобы

не видеть, куда мы идем. И сердце болит, но я не испытываю горечи. Можешь ли ты критиковать или осудить человека, который находится в бреду, безумного? Ты только можешь жалеть его и жаждать найти для него хороших попечителей, которые могли бы уберечь его от разгрома всего и от убийства тех, кто на его пути».

Я слышала — это было сказано одним из тех, кто был при ее смерти, — что она молилась: «Господи, прости, ибо они не знают, что творят». И я верю этому, потому что как мог кто-то, не зная ее, подумать вложить эти слова в ее уста?

Вскрытие тел показало, что жизнь их оставила прежде, чем они были брошены в яму. Так, слава Богу, рассказы об их дальнейших страданиях неверны¹.

Один хороший игумен Серафимо-Алексеевского монастыря в Пермской епархии, отец Серафим, сопровождает гробы в Иерусалим. Ему было поручено генералом Дитерихсом руководить их перенесением из собора в Алапаевске, где они находились до тех пор, пока Белая Армия не должна была эвакуироваться из этого района. И он уже не оставил их с тех пор.

Они двинулись из Алапаевска в июле 1919 года и после многих препятствий достигли Пекина в апреле 1920 года. Действительно, преданный человек...

Всегда любящая, твоя сестра Виктория.

Следующее письмо принцесса Виктория пишет брату уже из Египта, куда она приехала, чтобы встретить гроб с телом своей любимой сестры. Письмо очень трогательное. Невольно создается картина: глубокая ночь, безлюдные улицы горо-

¹ Здесь, по всей вероятности, принцесса Виктория или желает успокоить своего брата, или же она сама еще не была правильно информирована о настоящей смерти жертв Алапаевска.

да, облитые лунным светом, и принцесса Виктория, которая идет к часовне, чтобы встретить то, что осталось от ее дорогой Эллы.

В этом письме определенно говорится, что Елизавета Феодоровна собиралась к концу своей жизни совершенно оставить мир и удалиться в монастырь.

Порт Саид, 27 января 1921 г.

Мой дорогой Эрни!

Мы прибыли сюда в полночь, а П. и О. приехали на два часа раньше нас.

Здесь есть греческая церковь, и гробы на ночь были оставлены там. Мы пошли в церковь. Задрапированные в черное, они только что были установлены в маленькой боковой часовне. Там были отец Серафим, монах, который ни разу не оставил их еще с Алапаевска, греческий священник и несколько русских людей. Было очень тихо и уединенно и спокойно в этой маленькой часовне. Только по одной свече горело у изголовья каждого гроба. Казалось таким странным — идти при лунном свете в этом отдаленном городе через пустые улицы, — идти и встретить все, что осталось от нашей дорогой Эллы, которая так часто приходила и встречала меня после долгого путешествия.

Но здесь было очень спокойно, в этой часовне. Была слишком поздняя ночь, чтобы совершать службу; можно было только тихо прочитать молитву. И было хорошо иметь с нами эту преданную Китти, которая в 1888 году была с Эллой во время ее поездки через Египет в Иерусалим.

Наружные гробы сделаны из дерева — китайского тика с медной окантовкой, и большой медный Православный крест на них, и наверху, в голове Эллы, укреплен в простой тиковой рамке ее хорошая фотография в одеянии сестры, и медная корона над ней. Гроб Вари — без портрета, но такой же, только меньше. Если ты помнишь, она была маленькой.

Монах сказал мне, что, когда гробы надо было скрыть на несколько месяцев, прежде чем они могли покинуть Сибирь, они были спрятаны в женском монастыре, где их открыли, так как это было необходимо; и тело нашей Эллы не было подвергнуто тлению, только высохло. Монахини обмыли его и переменяли погребальные одежды на монашеское одеяние. И таким образом, она теперь одета так, как она хотела быть, так, как она всегда собиралась, как она мне говорила раньше, — совершенно уйти из мира и закончить свои дни как монахиня после того, как ее Дом¹ был бы окончательно устроен.

Этим утром гробы будут отправлены опять товарным поездом в специальном вагоне, который будет переправлен паромом через канал.

Мы отправляемся сегодня после полудня в Эл Хаутара, откуда мы пересечем канал и найдем там вагон, уже прицепленный к поезду, который отправится оттуда в Иерусалим сегодня вечером, куда мы и прибудем в 2 часа завтра.

Монах и его два послушника едут в вагоне.

По прибытии нас встретят катафалки и духовенство, и после короткой службы мы должны будем поехать через город к русской церкви святой Марии Магдалины, которая расположена возле Гефсиманского сада, около 4 километров от станции.

Патриарх и церковные власти предложили, чтобы гробы были поставлены в церковь на несколько дней и что я должна решить на месте, где их потом лучше установить.

Будет большое богослужение, когда их будут переносить из храма туда. Я надеюсь, что найду там склеп под церковью, где они могут оставаться до тех пор, пока их можно будет повезти в Москву².

¹ Имеется в виду Марфо-Мариинская обитель.

² Принцесса Виктория надеялась, что после освобождения России от коммунистов она отправит гробы обратно в Москву, в место окон-

Мои мысли были всецело с тобой и Иреной прошлой ночью. Отправь ей это письмо, которое написано для вас обоих.

Я так благодарна, что не было ничего тяжелого или неподходящего в нашей встрече с гробами. Все было так просто и спокойно — так, как она сама бы хотела...

С любовью к тебе и Ирене, твоя Виктория.

По прибытии гробов в Иерусалим они были встречены русским и греческим духовенством, английскими властями, местными жителями и русскими паломниками, которых революция застала в Иерусалиме.

Благолепное погребение тел мучениц совершил Блаженный Патриарх Дамиан в сослужении многочисленного духовенства, и гробы были установлены в как бы нарочито приготовленную для этого усыпальницу — небольшое помещение, расположенное под нижними сводами храма святой Марии Магдалины.

М. Палеолог в «Aux portes du jugement dernier» писал, что в ногах гроба Великой княгини Елизаветы поставили шкатулку, в которой находилась кисть руки супруга Елизаветы Феодоровны, Сергея Александровича.

Эта шкатулка потом стояла на полочке в покоях игумении Гефсиманской обители, матушки Варвары и, как говорили, содержала в себе оторванный взрывом палец Великого князя Сергея Александровича и прядь волос Цесаревича Алексея Николаевича.

Вероятно, Великая княгиня Елизавета хранила эту шкатулку у себя в комнате в Марфо-Мариинской обители и при аресте не захотела расстаться с ней и взяла ее с собой.

Каким образом удалось вывезти эту шкатулку из Алапаевска, нам неизвестно.

Принцесса Виктория, маркиза Мильфорд-Хевен, возвращаясь с погребения, написала брату письмо из Рима.

чательного упокоения, в склеп храма Марфо-Мариинской обители Милосердия.

Отель Рояль, Рим, 21 февраля 1921 г.

Мой дорогой Эрни!

При сем я посылаю тебе несколько листочков, которые лежали на гробе дорогой Эллы, и две фотографии, сделанные в церкви. Также отдельно и вид Елеонской горы с храмом, и несколько маленьких перламутровых крестиков, сделанных в Палестине для тебя, Онор и мальчиков. Я положила такие же от твоего имени и на гроб...

Большим утешением для меня и, надеюсь, для тебя является то, что останки нашей дорогой Эллы покоятся теперь в безопасности. Церковь расположена в прекрасном и спокойном месте, вдали от уличного движения и шума.

Я вкладываю сюда приблизительный план полуподвального помещения под храмом. Оно все белое, сухое, и вполне хорошо проветриваемое. Я заказала крепкую дверь в комнату. Она покрыта темной материей, и несколько икон висит на ней снаружи, и лампада перед ними. Отец Серафим живет в своей комнате рядом и имеет ключ, и таким образом он может туда входить и держать все там в порядке. Мне он очень нравится. Он такой преданный, верный и энергичный¹.

Так как людям не позволено ходить под церковь, я планирую устроить площадку под террасой, ведущую в маленькую часовню, и закрыть стенкой боковую часть и сделать спереди дверь. Это будет как те гробницы-часовни в Москве. Струков, который имеет хороший вкус, и русский художник здесь нарисуют план, как ее украсить, и я тебя извещу, когда все будет готово. Все будет совсем простым. Ничего дорогого нельзя будет туда поставить, так как охранять ее нет возможности... Я попрошу тебя

¹ Игумен Серафим скончался в Иерусалиме в греческом монастыре в 1959 году и похоронен на маленьком кладбище в Новой Галилее рядом с храмом. Год рождения игумена Серафима — 1875.

Рисунок храма святой Марии Магdalины в Иерусалиме, приложенный к письму принцессы Виктории брату Эрнесту Людвигу от 21 февраля 1921 г.

Фотография, приложенная к письму принцессы Виктории брату Эрнесту Людвигу 21 февраля 1921 года: гробы Великой княгини Елизаветы и крестовой сестры Варвары в храме святой Марии Магdalины по прибытии их в Иерусалим

помочь, если у меня не хватит заплатить за три писанные красками иконы для стен. Их нельзя написать прямо на стенах, так как в Иерусалиме нет художника. Над дверью снаружи я думаю прикрепить икону «Покров» (Дева Мария держит покров с ликом Христа) — такую же, как и в церкви Эллы в Москве над входом...

О, мой дорогой Эрни, я боюсь, что мы даже не будем иметь утешения что-либо сделать для останков наших других дорогих, убитых в Екатеринбурге, чьи тела были потом сожжены...

Тело нашей Эллы было найдено на дне шахты, куда жертвы Алапаевска были брошены. Ее голова пробита, и доктора, которые осматривали тело, сказали, что она не могла страдать и что вполне вероятно, что струя воздуха от падения была достаточной, чтобы остановить работу сердца, так как, когда люди падают на большое расстояние, это часто случается¹.

Я так долго колебалась затронуть эти детали, ведь они причиняют страдания. Но все же, я чувствую, что ты должен услышать об этом рано или поздно, мой бедный мальчик, так как они появляются уже в печати. Мы должны думать о наших дорогих как находящихся теперь в мире и покое и стараться, чтобы наши мысли долго не останавливались над их ужасным уходом из этой жизни...

Теперь я должна закончить. Мы думаем остаться здесь до 14 марта.

До свидания на сегодня, дорогой Эрни...

Твоя любящая сестра Виктория.

В архиве Дармштадта хранится письмо фрейлины принцессы Виктории, Нонны Грэйтон, которая хорошо знала

¹ Здесь принцесса Виктория старается утешить брата, скрывая от него настоящие подробности смерти Великой княгини Елизаветы Феодоровны.

Великую княгиню Елизавету Феодоровну. В этом письме она передает свои воспоминания о Великой княгине.

Нонна Грэйтон, урожденная Керр, Гоф-дама принцессы Виктории Баттенбергской.

Мое впечатление о Великой княгине Елизавете Феодоровне такое многостороннее, что его трудно описать. Также и слова, которыми я владею, недостаточны, чтобы обрисовать ее. Можно писать бесконечно и не закончить всего того, кем она была и что она сделала.

Я думаю, что на меня произвело самое сильное впечатление то, что вокруг нее царила атмосфера спокойствия и мира. Это не было спокойствие пассивное, но хорошо организованной работы и милой симпатии всех, кто окружал ее. Она излучала мир и любовь, и это сочеталось с высоким чувством долга и истинной религиозностью. Вместе с тем она обладала и прекрасным чувством юмора и радости, и за это ее любили все мы, люди обыкновенной жизни.

Она никогда не давала нам почувствовать своих добродетелей или своей религиозной настроенности. Это не имело значения — какими бы малыми или незначительными ни были наши дела, но Великая княгиня всегда ими интересовалась и сочувствовала им.

Она обладала замечательным качеством видеть хорошее и настоящее в людях и старалась это выявлять. Она также совсем не имела высокого мнения о своих качествах. Она часто говорила, что во время своих бесед с иерархами Церкви они часто ее предупреждали, чтобы не поддаваться никакому чувству самовозвеличивания или гордости от своей религиозности или от того, что она посвящает свою жизнь служению ближним. И я знаю, что в этом отношении она очень следила как за собой, так и за другими.

У нее никогда не было слов «не могу», и никогда ничего не было унылого в жизни Марфо-

Мариинской обители. Все было там совершенным как внутри, так и снаружи. И кто бывал там, уносил с собой прекрасное чувство.

Единственный раз, когда Великая княгиня приехала в Англию после того, как она уже дала свои обеты, я имела счастье сопровождать Ее Императорское Высочество в ее визитах в комитеты Англиканской Церкви в Лондоне. Я была тогда чрезвычайно поражена, с какой быстротой она понимала их цели, хотя их методы работы так отличались от ее собственных. Она горела желанием почерпнуть что-то, что можно было применить к жизни ее собственной общины, и подходила к делу с большим вниманием, отделяя полезное от пустякового. И она часто бывала в восхищении от тех, с кем она встречалась. Она считала, что может научиться чему-то от всех, и всегда думала о том, каким образом можно усовершенствовать Марфо-Мариинскую обитель.

Она была такой прекрасной и замечательной и настолько стояла выше всех нас, и в то же время я могу сказать — была нам всем так близка и так дорога.

Все, кто знал Великую княгиню в прежней, счастливой жизни, до убийства мужа, не могут не упомянуть тот период ее жизни.

Я была только раз в Ильинском, когда еще был жив Великий князь Сергей, но то лето было одним из моих самых счастливых.

Оба — Великий князь и Великая княгиня — были прекрасными хозяевами. Хотя они, конечно, всегда имели двух или трех придворных, *Grande Maitresse* и фрейлину, но это было совершенно не то, что создает натянутую атмосферу двора. Все их служащие чувствовали себя как дома, и обращение с ними было как с друзьями. Я никогда не смогу забыть их доброты ко мне. Они делали так, что я чувствовала там себя почетной гостьей, которую они были действительно рады иметь в своем доме.

Никто не думал в те счастливые дни, что жизнь Великой княгини скоро покроется мраком и что ужасная судьба ожидает ее, а также и многих дорогих ее сердцу, которых она так ревностно старалась спасти. Мне кажется вполне вероятным, и я думаю, что и другим, которые ее любили, что хотя ее прекрасное лицо и покинуло нас, но ее влияние и ее работа продолжают и что мир стал гораздо лучше благодаря ее жизни и ее вере.

Редко когда человеческая натура подходила так близко к совершенству.

Нонна Грэйтон.

Лица, хорошо знавшие Елизавету Феодоровну, давно высказались за причисление ее к лику святых. Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний», перечисляя добродетели и труды Елизаветы Феодоровны, писал (с. 138):

...все это дает достаточно оснований, чтобы причислить Великую княгиню Елизавету Феодоровну к лику святых. Нет более благородной женщины, которая оставила отпечаток своего облика на кровавых страницах русской истории.

М. Палеолог заканчивает свою книгу «Aux portes du jugement dernier» словами (*пер. с фр.*):

Многие из тех, которые ее любили, утешают себя надеждой, что когда-то она будет канонизирована...

Графиня Александра Олсуфьева в брошюре «H. R. H. Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia» писала (с. 9, 15), (*пер. с англ.*):

...Невозможно постичь то, что ее уже никогда не увидишь, такую непохожую на других, так высоко стоящую над обычным уровнем...

Зная ее очень хорошо, я могу с уверенностью сказать, что она восхваляла Господа за свои страдания,

которые она могла принести как искупление за души своих убийц. Я верю так же твердо, как я верю в жизнь после смерти, что она никогда не произнесла ни одной жалобы и что она благодарила Бога, Который дал ей возможность через страдания занять место среди Его избранных. Она была такой же, как и первые христианские мученики, которые умирали на римских аренах. Может быть, во время наших правнуков Церковь причислит ее к лику святых.

Архиепископ Анастасий в книге «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны» писал о ней (с. 21–22):

Вместе со всеми другими страдальцами за Русскую землю она явилась одновременно и искуплением прежней России, и основанием грядущей, которая воздвигнется на костях новых мучеников. Такие образы имеют непреходящее значение, их удел — вечная память и на земле и на небе. Не напрасно народный голос еще при жизни нарек ее святой.

Светлым, прекрасным видением прошла святая мученица Великая княгиня Елизавета по земле Российской. Отказавшись от своего блестящего положения, она ушла из мира и стала матушкой Марфо-Мариинской обители и в своем монастыре совершила много подвигов и приняла добровольно мученическую смерть, оставшись до последней минуты верной своему христианскому долгу.

* * *

В своем первом издании этой книги, выпущенной «Посевом» в Западной Германии в 1988 году, я писала (Л. М.):

«Настанет время, сбросит Россия железные оковы коммунизма; вновь тогда засияют золотом купола и кресты поруганных храмов и монастырей и по всей воскресшей Святой Руси понесется ликующий пасхальный перезвон колоколов «Христос Воскресе!!!».

*Торжественное перенесение гробов с мощами святых
Преподобномучениц из склепа-усыпальницы в храм святой
Марии Магдалины 1 мая 1982 г.*

*Богослужение в Гефсимании во время перенесения мощей
святых Преподобномучениц Великой княгини Елизаветы
и инокини Варвары 1 мая 1982 г.*

Теперь же, в этом новом, переработанном издании книги 2002 года я пишу следующее:

Хотя железные оковы коммунизма в России официально уже сброшены, но коммунисты там имеют большую силу. Почему до сих пор на Красной площади лежит мумия палача-Ленина? Почему везде стоят памятники этому злодею, который вместе со Сталиным, Дзержинским, Троцким (Бронштейном), Урицким, Свердловым, Ягодой, Ежовым, Берией и другими палачами русского народа уничтожил свыше семидесяти миллионов ни в чем не повинных людей?

Преступная советская власть разграбила сокровища России, которые собирались веками нашими государями и меценатами. Тысячи драгоценнейших картин знаменитых мировых художников были проданы за границу из Эрмитажа и других музеев России коммунистами. Громадное количество уникальных золотых и серебряных предметов России тоже «утекли» в Соединенные Штаты и Европу. Ценные иконы отдавались на Запад. Так, к примеру, хищник Никита Хрущев «платил» за свои костюмы портным Европы нашими иконами и приказал разрушать оставшиеся после сталинских гонений храмы. Наш, русский Крым Хрущев посмел подарить Украине... Почти все сердца и души православных русских людей исковерканы коммунистической атеистической идеологией, и результат — пьянство, наркотики, преступления, воровство... Русское население России вымирает.

Почему до сих пор органы внутренней безопасности России носят название ЧЕКИСТОВ — иными словами, палачей. Это непростительная ошибка. Ведь ЧК — это Чрезвычайная Комиссия, созданная садистом Дзержинским во времена революции для уничтожения миллионов невинных людей. И устраивать «национальный праздник палачей-чекистов» в России 20 декабря — это позор. Позор для всех русских людей!

Почему русский народ до сих пор продолжает молчать? Почему не устроят гласный суд над изуверами-коммунистами, которые разрушили всю нашу Россию?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Собор архиереев Русской Православной Церкви Заграницей постановил в 1981 году причислить к лику святых всех пострадавших от безбожников в России мучеников и исповедников православной веры.

Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей митрополит Филарет в послании всем верным чадам РПЦЗ перед канонизацией Новомучеников Российских писал:

Велик мученический подвиг.

В Святом Евангелии мы читаем призыв Спасителя нашего, Господа Иисуса Христа, обращенный к тем, кто хочет быть Его последователями: «Подвизайтесь войти сквозь тесные врата» (Лк. 13, 24). «Подвизайтесь» — идите путем подвига, осуществляйте христианский подвиг в жизни вашей. Иначе говоря, христианин должен в своей жизни быть подвижником...

Хотя в истории Церкви Христовой мы видим примеры мученичества во все периоды Ее существования, но до русской революции мученический подвиг по преимуществу имел место в первые века христианства, когда язычество пыталось железом и кровью уничтожить Святую Церковь.

Иное мы видим теперь. С появлением и укреплением богоборческого коммунизма в России начались небывалые по жестокости и широкому масштабу гонения на веру. По определению одного церковного писателя, православная Россия оказалась на Голгофе, а Русская Церковь — на кресте. Конечно, как

это бывало и в древности, бывали случаи отпадения от веры. Но в то же время Русская Церковь и русский народ дали такое множество случаев мужественного перенесения гонений и смерти за веру Христову, которое не поддается никаким точным исчислениям, ибо несомненно, что случаев мученичества за все эти долгие годы существования коммунизма в России было так много, как не было никогда в истории человечества. И здесь речь должна уже идти не о сотнях и тысячах, а о миллионах страдальцев за веру — явление небывалое и потрясающее!

За все время существования рода человеческого еще не было того, что мы видим теперь, — не было такого разлития зла, не было такого безумного и открытого бунта твари против Творца, какой мы видим теперь на нашей многострадальной Родине, поработанной коммунистами. Никогда еще в истории зло не выступало так нагло и открыто, как это творится там. Никогда и нигде еще не поднимался к Небу такой отвратительный, безумный смрад хулы на Бога и на все святое, как в советской России... Но если осатаневшие от злобы враги Бога и Церкви своей отвратительной хулой и богоборчеством осквернили наше Отечество — землю Русскую, то в то же время она очищается от этого осквернения священной кровью пострадавших за веру и правду Новомучеников Российских. Этой кровью обильно орошена Русская земля, — орошена, освящена и очищена от безумия безбожников и богоборцев!..

О канонизации Императорской семьи митрополит Филарет в своем послании писал:

...Нельзя забывать о том, что злодеи-коммунисты, убивая Царскую Семью, делали это для того, чтобы уничтожить самую память о том, как жила Россия за многие столетия своего существования. Они стре-

мились оборвать, прекратить, вытравить в многострадальном русском народе тот светлый дух, которым жила Святая Православная Русь, — дух православной государственности и насадить отвратительный дух богоборческого и братоубийственного коммунизма. Не актом только злобы и мести, не актом только политической расправы с врагами, но именно актом принципиального духовного уничтожения православной русскости с целью насаждения противоестественного и злого коммунистического духа в русском народе было преступное убийство Царской семьи! Последний Царь со своей семьей был убит именно как ценосный представитель и носитель светлой идеи православной государственности, был убит именно как Царь Православный — за Православие Свое!..

Я (Л. М.) хотела бы еще привести слова святого архиепископа Иоанна Шанхайского и Сан-Францисского, где он пишет о Царе-мученике:

Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, лишь немногие пошли с ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно с восторгом встречавшие и приветствовавшие его, теперь поносили его, приветствуя тех, кто желал его казни. Как друзья Иова, недавно казавшиеся преданными ему, обвиняли его в не совершенных им преступлениях. «Распни, распни его», — слышалось всюду, и те, кто оставался верен ему, не смели высказать голоса, скрываясь «страха ради иудейска». С беззлобием и всепрощением переносил то Царь-Мученик. «Я родился в день Иова Многострадального, и мне предназначено страдать», — говорил он еще задолго до скорбных дней...¹

¹ «Слова иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского». Сост. протоиерей Петр Перекрестов. Сан-Франциско, США. Изд. «Русский пастырч», 1994.

Торжество прославления Новомучеников происходило 31 октября и 1 ноября 1981 года в Синодальном соборе Знамения Божией Матери в Нью-Йорке, где находится кафедра Первоиерарха Русской Православной Церкви Заграницей¹.

В субботу 31 октября при огромном стечении молящихся была совершена последняя панихида по Новомученикам Российским. Панихиду совершали шестнадцать архиереев во главе с Первоиерархом РПЦЗ митрополитом Филаретом и многочисленное священство.

После продолжительной торжественной службы состоялось открытие святых мощей Новопреподобномучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары (кисть руки Елизаветы Феодоровны и рука инокини Варвары), привезенных из Иерусалима, и была снята пелена, покрывавшая большую икону Новомучеников.

Когда началось «величание», вслед за духовенством неудержимо запели все молящиеся. Это пение как гром потрясло весь собор: «Величаем, величаем вас, страстотерпцы Христовы, Новомученицы и исповедницы Российские, и чтим страдания ваша, яже за Христа претерпели есте».

Многие присутствовавшие плакали, и многие лица были озарены как бы внутренним светом.

Прославление Новомучеников Российских — это величайшее событие в истории не только Русской Православной Церкви, но и всего христианства.

Вскрытие гробниц святых Новомучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары было произведено за несколько месяцев до прославления. Вскрытие производилось в Иерусалиме комиссией во главе с начальником Русской Духовной Миссии.

При вскрытии оказалось, что мученицы были похоронены в пяти гробах: наружный — деревянный, в нем — цинко-

¹ Причисление к лику святых святой Великой княгини Елизаветы, инокини Варвары и всех Алапаевских мучеников было совершено российской Патриаршей Церковью в апреле 1992 года.

Прославление всей Императорской семьи в России состоялось в августе 2000 года.

вый, затем еще цинковый, затем — деревянный и последний, где покоились тела мучениц, — металлический.

На одном из цинковых гробов были обнаружены плохо сохранившиеся надписи: «Тело убиенной бандитами советской власти Великой княгини Елизаветы Феодоровны...»; дальше неразборчивые слова, чьи-то фамилии и последние слова: «Похоронена 19 октября 1918 года»¹.

Когда открыли последний гроб, в котором покоилось тело святой Великой княгини Елизаветы Феодоровны, то помещение наполнилось приятным ароматом. По словам свидетелей, «сильным запахом как бы меда и жасмина».

Святые мощи Новомучениц пребывали в частично нетленном состоянии. У святой Великой княгини Елизаветы хорошо сохранились ноги, которыми она так много исходила, помогая беднякам, и мозг ее головы не истлел. У святой инокини Варвары сохранилась голова.

Обе мученицы были одеты в черные монашеские облачения. У святой Великой княгини апостольник был перекинут через голову так, что закрывал ее лицо. На груди у нее был обнаружен параманный крест. В своих руках она держала четки. На шее у нее был простой металлический крестик. В гробу было также найдено несколько металлических иконок.

Единственными мощами новомучеников, которые были вывезены из пределов России, были святыи мощи Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары (если не считать остальных Алапаевских мучеников, гробы которых до 1945 года оставались в Китае, в Пекине).

Чтобы особо почтить память святых Новомучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары, Русская Православная Церковь Заграницей постановила устроить торжественное перенесение их мощей из склепа-усыпальницы, где они до тех пор почивали, в самый храм святой Марии Магдалины. Для этого были назначены дни 1 и 2 мая 1982 года — дни празднования святых жен-мироносиц.

¹ См. журнал «Православная Русь», № 20, за 1981 г. Свято-Троицкий монастырь. Джорданвилль, США.

Ко дню перенесения мощей Новомучениц храм святой Марии Магдалины был празднично украшен цветами и зеленью. Снаружи лестница храма была обвита русским национальным трехцветным флагом. В нише у лестницы висел старый, императорского времени флаг Православного Палестинского Общества, председательницей которого после смерти супруга была Новомученица Великая княгиня Елизавета.

В храме заранее были установлены на подставках из розового мрамора две гробницы Новомучениц. Они служили раньше наружными гробами святых Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары. Сделаны они из темно-коричневого дерева, а по краям окаймлены медной обивкой. Металлические дощечки прикреплены к ним. На одной из них надпись:

Ея Императорское Высочество, Строительница Марфо-Мариинской обители любви и милосердия в Москве, Благоверная Государыня Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, убиенная на 5 июля 1918 года в Алапаевске Пермской губернии. Родилась 20 октября 1864 года. Тезоименитство 5 сентября¹.

Дощечка на гробнице инокини Варвары гласит:

Крестовая сестра Марфо-Мариинской обители любви и милосердия в Москве Варвара Яковлева, убиенная на 5 июля 1918 года в Алапаевске Пермской губернии. Тезоименитство 4 декабря.

Над гробницами уже висели иконы святых Новомучениц. С правой стороны храма было огорожено место для почетных гостей.

Для торжества перенесения мощей Новомучениц от Русской Православной Церкви Заграницей в Иерусалим прибыли: Архиепископ Лос-Анджелесский и Южно-Калифорнийский Антоний, Архиепископ Сиднейский и Авст-

¹ Даты — по ст. ст.

ралийско-Новозеландский Павел, Архиепископ Сиракузский и Троицкий Лавр, Епископ Вашингтонский и Флоридский Григорий, а также шесть протоиереев и иереев и четыре протодиакона.

В журнале «Православная Русь» (№ 9 за 1982 год), в статье «Торжество перенесения мощей Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары, Новомучениц Российских, в Гефсимании», напечатано следующее:

На следующий день после прибытия на Святую Землю все архиереи... отправились в Патриархию приветствовать Блаженнейшего Патриарха Иерусалимского Диодора.

Патриарх принял прибывших в тронном зале Патриархии в присутствии нескольких членов Священного Синода и приветствовал их радушно, отметив, что он знает о причине их прибытия...

«Ваше прибытие сюда свято, как свято и дело канонизации святых Новомучеников, ибо и то и другое касается людей, претерпевших мучения за Православие», — начал свое приветственное слово Блаженнейший. Далее он отметил громадное значение мученического подвига в наши дни и заявил, что «канонизация мучеников всегда являлась обязанностью Церкви, и поэтому политике здесь места не должно быть, ибо она редко согласуется со словом истины».

«Церковь, — сказал Патриарх, — имеет свою политику, основанную на правилах святых отцов. Святой Апостол Павел нас учит и говорит, чтобы мы повиновались властям предержащим, но этому надо следовать до того момента, пока они не касаются истины нашей веры».

Далее Блаженнейший обратил внимание на то, что Зарубежная Русская Церковь «по разным причинам находится вне Родины, а Церковь в России ежедневно представляет нам новых мучеников, и миллионы лю-

дей следуют примеру святых Новомучеников — Царя и Великой княгини Елизаветы».

«И мы, — сказал Блаженнейший, — не можем оставаться равнодушными перед таким великим событием, как канонизация Новомучеников и торжество ее, имеющее место в пределах нашей юрисдикции. Поэтому мы решили участвовать в этом святом деле, послав нашу делегацию и свидетельствуя этим наше православное единство и этим официальным актом подтверждая его каноничность».

Закончил Блаженнейший Диодор свое приветственное слово пожеланием, «чтобы кровь мучеников, которая была пролита, была бы доброй водой, обильно орошающей древо Православия, чтобы молитвами всех святых Новомучеников укреплялись мы в единении и истине».

На торжестве перенесения мощей святых Новомучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары в Гефсимании присутствовало многочисленное представительство от греческой Патриархии во главе с митрополитом Германосом, присутствовали также послы и консулы иностранных государств и представители различных христианских вероисповеданий. Приехали на торжество и русские паломники из разных стран мира.

В субботу 1 мая служба в храме святой Марии Магдалины началась в 3 часа дня. Пели два хора попеременно: монахини из Гефсиманского и Елеонского монастырей.

Величественным крестным ходом духовенство, монахини, почетные гости, учащиеся Вифанской школы и все молящиеся направились вниз по лестнице к усыпальнице, где с 1921 года покоились тела Новомучениц.

Я стала очевидицей (Л.М.) этого события и могу поделиться своими воспоминаниями. Я помню, как ослепительные лучи яркого солнца снопом брызнули из-за туч и озарили этот крестный ход, как бы приветствуя его.

Из широких дверей, которые вели через трапезную в усыпальницу, вышел начальник Русской Духовной Мис-

сии. Он нес два ковчега с частицами мошей Новомучениц, а за ним показался первый гроб, гроб Великой княгини Елизаветы, Новомученицы российской, покрытый золотой парчой, а за первым гробом — второй, с мощами ее верной сподвижницы — святой инокини Варвары. Оба гроба несли священники.

Перед храмом их опустили на подставки, и началась литийная ектения. Протоиерей произносил ектению, ему отвечал соединенный хор монахинь:

«Ко святым Новомученицам Великой княгине Елизавете и инокине Варваре помолимся», — громким, красивым голосом взывал протоиерей, а хор отвечал:

«Святые Новомученицы Великая княгиня Елизавета и инокиня Варвара, молитесь Бога о нас».

Архиерей ковчегами с мощами Новомучениц благословлял народ на все четыре стороны.

Крестный ход обошел вокруг храма, останавливаясь четыре раза.

Я описала свои впечатления о канонизации Преподобномучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары в журнале «Православная Русь» (№ 12 за 1982 год). Там я пишу следующее:

Невозможно передать то чувство глубочайшего умиления, светлой радости и торжества, которое охватило всех. В этот момент так чувствовалось духовное общение с прославляемыми святыми. Это было великое событие, великое прославление Новомучениц, а в их лице всех замученных и убиенных коммунистической властью у нас на Родине...

Сердце умилялось, и душа стремилась ввысь, к Богу, когда она внимала словам: «Величаем вас, святые Новомученицы Великая княгиня Елизавета и инокиня Варвара, и чтим честные страдания ваша, яже за Христа претерпели есте».

*Гробница святой
Преподобномученицы
Великой княгини
Елизаветы*

*Гробница святой
Преподобномученицы
инокини Варвары*

Идет елеопомазание. Я с благоговением прикладываюсь к ковчежцам со святыми мощами, которые положены сверху обоих гробов, и иду на свое место. Рядом оказывается матушка Таисия с Елеона, которая мне говорит, что сегодняшнее торжество — знаменательное событие нашей истории. В лице этих двух Новомучениц мы прославили сейчас и всех Новомучеников Российских. Матушка пророчески продолжает, что это событие вызовет раскаяние в душе русского народа, вызовет сознание содеянного им преступления. И это повлечет за собой обновление и воскресение России...

На следующий день, 2 мая, в воскресенье, я пошла в храм рано утром. По дороге я встретила сестру Гавриилу из Елеонского монастыря. Похристосовавшись со мной, она мне сказала, что это событие — перенесение мощей Новомучениц — создает впечатление заутрени Воскресения Христова, что это такое торжество, такой праздник — как бы первый луч света, первый знак скорого освобождения нашей Родины! И тогда весь мир озарится светом свободной России...

Идет благолепная служба. Красиво и молитвенно звучат заповеди Блаженств, и вот раздается мощное пение всего духовенства: «Приидите поклонимся...» ...Это не только мое мнение, но я слышала высказывания многих, что эта Божественная литургия была какой-то особенной. Чувствовалась в храме необыкновенная святость, благодать Божия; незримо ощущалось присутствие Небесных Сил.

В этот день святая чаша, Евангелие и воздухи употреблялись те, которые были преподнесены храму самой Великой княгиней Елизаветой Феодоровной, когда она была здесь в 1888 году. Эти вещи — высочайшей ценности, и принесены они были

только сегодня в храм, чтобы этим особенно почитать память Великой княгини. И из этой ее святой чаши и совершалось сегодня Причащение.

После Божественной литургии все двинулись крестным ходом под ликующий колокольный звон из храма. Порядок был такой же, как и накануне, только вместо гробов теперь несли одни ковчежцы со святыми мощами и теперь уже все духовенство шло в полном облачении.

Я вышла из церкви. Кругом светило яркое солнце, и стая голубей носилась над храмом. Было все до того умирительно и хорошо, что казалось все это даже не реальностью, а чем-то особенным, из Небесного мира.

Крестный ход останавливался четыре раза с разных сторон храма. На каждой остановке читалось святое Евангелие и кропили святой водой...

На второй остановке читалось святое Евангелие от Матфея, которое так подходит к жизни святых Новомучениц Великой княгини и инокини Варвары (гл. 10, ст. 16, 22): «Се Аз посылаю вас яко овцы посреде волков... и будете ненавидимы имени Моего ради...»

Крестный ход возвращается обратно в храм и под пение «Величаем вас, святые Новомученицы... и чтим честные страдания ваша, яже за Христа претерпели есте» все священнослужители, включая и архиереев, поднимают гробы и несут их к постоянному месту — слева от иконостаса — и опускают во внешние гробницы, установленные на мраморных подставках...

Так Православная Церковь достойно прославила святых Преподобномучениц Великую княгиню Елизавету и инокиню Варвару.

Теперь русские паломники, приезжающие в Иерусалим, чтобы поклониться Гробу Господню и другим великим свя-

тыням, идут и в храм святой Марии Магдалины к гробницам святых Преподобномучениц Великой княгини Елизаветы и инокини Варвары.

Горят свечи и лампы у гробниц Новомучениц. Монахини и паломники склоняются в молитвах перед ними, и сквозь дымку благоухающего ладана несется ввысь: «Святые Преподобномученицы Великая княгиня Елизавета и инокиня Варвара, молитесь Богу о нас».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В приложении к моей книге хочу поделиться с читателями тем, что я увидела теперь в Марфо-Мариинской обители Милосердия.

Полетела я в Россию в июле 2001 года. Это была моя третья туда поездка: в первый раз я была в России в 1990 году, во второй раз — в 1992 году.

В аэропорту Москвы меня встретила настоятельница Марфо-Мариинской обители матушка Елизавета. Матушка заранее пригласила меня остановиться у нее, и я с радостью приняла это приглашение. Поехали мы из аэропорта прямо в Марфо-Мариинскую обитель. Впечатление об этом богоугодном учреждении осталось у меня самое благоприятное.

Марфо-Мариинская обитель восстанавливается. Уже главное здание отремонтировано и идет восстановление первого здания, которое выходит на улицу Большая Ордынка. Там будут размещены амбулатория, аптека и небольшая больница. Главный храм Покрова Пресвятой Богородицы официально передан обители, но до сих пор занят реставрационной мастерской старых икон имени Грабаря. Надо сказать, что реставраторы, работающие там, чрезвычайно грубые, и, когда мы пришли туда, чтобы осмотреть мастерскую, главный реставратор встретил нас просто руганью.

Отвели мне в обители прекрасную новую комнату. Все здание отремонтировано таким образом, что используется старый материал, времен святой Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Это чтобы напоминать всем о ней. В настоящее время обительский храм размещается в небольшом старом помещении. Это временно, и будет до тех пор, пока рестав-

раторы Грабаря не очистят главный храм Покрова Пресвятой Богородицы.

Столовая обители находится наверху того здания, где я жила. Там работает прекрасная кухарка, и помогают ей монахини и девушки-труженицы. Внизу также имеется столовая-гостиная, где матушка принимает гостей и где мы также часто обедали. Стол в обители превосходный.

Теперь расскажу о том, как возобновила свое существование эта новая Марфо-Мариинская обитель Милосердия.

Настоятельница обители матушка Елизавета, в миру Мария Николаевна Крючкова, образованная женщина, по профессии журналист и работник по взаимопомощи. Матушка рассказывала мне, что, когда началась перестройка в России в 1989 году, появились незащищенные слои населения: дети, старики, инвалиды, больные пенсионеры. Одновременно стали создаваться всевозможные общества и фонды в помощь этим несчастным. Наряду же с благотворительными организациями выявилось лихоимство, воровство, вымогательство. Мария Николаевна тогда начала задумываться, а как же было раньше в России, до революции? И она обратилась к архивным материалам, где и наткнулась на сведения о Марфо-Мариинской обители Великой княгини Елизаветы Феодоровны. Тогда Мария Николаевна поехала на Большую Ордынку, где раньше находилась обитель Великой княгини, чтобы посмотреть, что там делается. Она увидела старые полуразрушенные здания, которые занимали поликлиника, частные общества и жилые квартиры. Главный храм, как и в настоящее время, был занят реставрационной мастерской имени Грабаря, а во втором храме — святых Марфы и Марии — располагался спортивный зал.

С того момента в душе Марии Николаевны произошел перелом. Она стала выступать по радио и телевидению, где вела популярную программу, призывая к помощи несчастным. Г-жа Крючкова тогда поняла, что такая организация, как Марфо-Мариинская обитель, должна возродиться в России. Марии Николаевне в то время было 54 года — это были года Великой княгини Елизаветы Феодоровны, когда она погибла страшной смертью в шахте Алапаевска.

Русские солдаты у здания Марфо-Мариинской обители перед погрузкой медикаментов на Чеченский фронт. С иконой в руках (святой Преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны) стоит матушка Елизавета

Сестры Марфо-Мариинской обители прибыли с медикаментами на Чеченский фронт в Аргунское ущелье

С 1990 по 1992 год для Марии Николаевны началось «хождение по мукам»: письма разным высокопоставленным лицам, прошения, бесконечные визиты... В 1992 году весь комплекс обители по решению правительства был передан Русской Православной Церкви. К этому времени г-жа Крючкова уже создала небольшое сестричество. Но передача зданий обители, подписанная правительством Москвы, была только на бумаге. Войти тогда в обитель было невозможно из-за оскорблений насельников. Происходили даже случаи осквернения церкви святых Марфы и Марии.

Только в 1994 году удалось войти пятерым сестрам в первое здание обители и занять маленькую комнату наверху. Сестры принялись отмывать всю грязь со стен и окон этого здания и занялись своей деятельностью: приглашая священника, отца Бориса, они молились, а потом ездили по домам бедняков. Дальше началось постепенное освобождение других зданий обители. Не было никакого насилия или грубости со стороны сестер: принцип Марии Николаевны — действовать вежливо и лаской. Сестры находили помещения для насельников общины и вывозили их по новым местам жительства. В настоящее время для обители острым вопросом является освободить от реставраторов храм Покрова Пресвятой Богородицы. Реставраторы, как сказано выше, отличаются большой грубостью и даже не останавливаются перед бранными словами; к примеру, когда я вошла с группой, как непрощенная гостья, чтобы осмотреть храм, то главный реставратор сказал мне следующие слова: «...вас в другом месте погнали бы в шею...»

Марию Николаевну Крючкову постригли в мантию монахини на Крестопоклонной неделе 2001 года и нарекли ее Елизаветой. Это был незабываемый день для бывшей уже Марии Николаевны. Она испытывала и радость и страх, когда думала о той ответственности, которая лежит перед ней по восстановлению Марфо-Мариинской обители Милосердия.

Матушка Елизавета рассказала мне, что в обители проживают около сорока сестер, но есть еще десять приходящих. Среди насельниц много молодежи.

Вступают в обитель и из провинции. Здесь живут также и семнадцать девочек — все они сиротки. В июле молодежь поехала на отдых в Севастополь. Сколько было суеты кругом и сколько радости в глазах детей, когда они собирались в эту поездку! Мне было приятно, что Марфо-Мариинская обитель во главе с настоятельницей проявляет такую заботу о детях.

Кроме сестер, матушка Елизавета собрала около тридцати пяти студентов. Недавно матушка сообщила мне по телефону, что уже к осени 2001 года их насчитывалось семьдесят человек. Это главным образом девушки, молодых людей там немного. Все они обучаются во Всероссийском научно-методическом центре Министерства здравоохранения Российской Федерации — иными словами, крупнейшем медицинском колледже страны. Для обительских студентов специально открыто отделение сестер милосердия. Помимо обязательных медицинских дисциплин, преподаются главные основы милосердия, церковный устав, пение, юридические дисциплины. Духовные лекции ведет священник-врач о. Валентин Жохов. Вернувшись домой после окончания учебы, девушки будут знать, как создавать сестричества, подобные Марфо-Мариинской обители. Самые способные из студентов со временем станут докторами. Плату за обучение студентов вносит Марфо-Мариинская обитель. Живут они в общежитии, где во дни постов готовится для них постная пища. По субботам, воскресным дням и по большим праздникам студенты приезжают в обитель. Время здесь они проводят хорошо и занимаются кто музыкой, кто хоровым пением под руководством инокини Антонии. Студенческий хор поет очень хорошо, и я их слышала на концерте в обители. Три медицинские сестры ездят регулярно на Чеченский фронт, в Аргунское ущелье, и возят солдатам из обители и медикаменты и продукты. Военные уважают их и ценят за такую самоотверженную работу.

Все студенты медицинского факультета каждую среду ездят в госпиталь Института скорой помощи, их сопровождают и квалифицированные сестры обители. Ездят они и в военный госпиталь, расположенный около небольшого города Реутова. Там постоянно бывает и обительский священник отец Алек-

сандр. Он обходит раненых и больных и своей лаской ведет там миссионерскую работу. Почти каждую неделю там происходит крещение желающих. По предложению матушки Елизаветы я тоже поехала в этот госпиталь и видела, как сестры нежно и заботливо обращаются с ранеными и как происходит крещение солдат. (При мне было совершено четыре крещения, но, как сказали, бывает и большее число желающих креститься.)

* * *

Когда я собиралась в поездку по России, моей главной целью было посетить место убиения Государя и его семьи в Екатеринбурге и Алапаевск, в шахте которого погибла ужасной смертью святая Великая княгиня Елизавета Феодоровна. Билет на самолет из Москвы в Екатеринбург я купила заранее в Мельбурне. Полетела я туда 16 июля, чтобы успеть к ночному богослужению в новостроящемся храме на месте Ипатьевского дома. Заранее я написала письмо Е. В. П. архиепископу Екатеринбургскому и Верхотурскому Викентию и получила от владыки любезный ответ, что по случаю годовщины убийства Царской семьи и их канонизации в России, в Екатеринбурге и Алапаевске, намечаются торжественные богослужения. Владыка также пригласил меня, как автора двух книг о Царственных Мучениках, приехать в Екатеринбург.

Полетела я туда вместе с русской дамой из Берлина. Она также загорелась желанием посетить места гибели Царской семьи. Благодаря заботам настоятельницы Марфо-Мариинской обители матушки Елизаветы, которая заранее все устроила, в аэропорту меня встретила инокиня сестра Наталия из Ново-Тихвинского монастыря, а также представитель от союза монархистов. Встречали меня с цветами и повезли в монастырь. Он новый, открыт только с 1994 года, и игуменией его является молодая матушка Любовь. (Как мне сказали, она само воплощение любви.) В монастыре — сто две сестры. Старый Ново-Тихвинский монастырь коммунисты разорили, монахинь разогнали: кого арестовали, кого сослали в дальние поселения. Тогдашнюю почитаемую всеми матушку-

игумению Магдалину Досманову большевики арестовывали восемь раз и даже подвергли пытке. Но игуменья спаслась от расстрела только потому, что прикидывалась все время больной. Скончалась она в 1934 году, в разгар чекистской сталинской чистки. Проживи она еще немного, то определенно не миновала бы казни — расстрела.

Дали мне в монастыре прекрасную комнату с ковром, кушеткой и отдельными удобствами. Кормили нас там всякими деликатесами, приготовленными из рыбы и овощей. В первый же день нашего приезда, вечером, мы исповедались у монастырского батюшки и поехали около 10 часов вечера к месту Ипатьевского дома, чтобы во избежание массы народа (Божественная литургия начиналась в полночь — в ночь убийства Царской семьи) положить цветы у Поклонного креста, который стоит возле нового храма. Едем. Что меня ужаснуло — это статуя палача Царской семьи Янкеля Свердлова, водруженная возле новостроящегося храма на месте Ипатьевского дома. Это ведь он по приказу Ленина убил Царя и его семью, а исполнителями-палачами были: Янкель Юровский, Шая Голощекин, Ермаков, Никулин, Войков-Вайнер, Белобородов-Вайсбарт, Медведев и группа венгров. Екатеринбург всегда был гнездом большевиков, и там до сих пор сильно их влияние. Мне сказали в Екатеринбурге, что место, где стоял Ипатьевский дом, не раз осквернялось нечистотами.

Подъехали к Поклонному кресту. У подножия лежат несколько поломанных бетонных плит — это, как мне пояснили, часть из комнаты расстрела. Подошли ко второму Поклонному кресту, и тут я вижу: группа несет икону Державной Божией Матери, портрет Государя и Государыни, а молодой человек держит в руках «икону» Г. Распутина с Цесаревичем на руках. Кровь бросилась мне в голову, и я, не помня себя, закричала: «Уберите этого сатану! Уберите этого сатану!!!» Что тут было! Бабы в платках завизжали, заорали, молодой человек, который держал Распутина, растерялся и что-то бормотал, и если бы меня не оттащили в сторону сопровождавшая меня инокиня Наталия и оператор из телевизионной

группы, то вполне вероятно, что меня могли бы ударить. Мы поспешили сесть в машину и поехали обратно в монастырь. Я долго не могла успокоиться, вернее, была так взволнована, что и сейчас, когда описываю все это, то переживаю. В 12 часов ночи мы опять поехали туда же, к Божественной литургии. Это было первое богослужение в новостроящемся храме на месте убиения Помазанника Божия и его семьи, и для меня это была милость Божия, что я здесь одна из Австралии, а может быть, одна из всего Зарубежья на этом великом богослужении. Храм — громадный, еще не законченный, но народу собралось так много, что протиснуться вперед было почти невозможно. Только благодаря сестре Наталии и телеоператору я смогла каким-то чудом очутиться впереди у самого алтаря. Иконостаса там еще нет, но напротив у стены стоит прекрасный образ Спасителя, исполненный в живописном стиле. Место для алтаря очень большое, и служащего духовенства там было около тридцати-сорока человек. Возглавлял богослужение Е. В. П. архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. Когда началось причастие священников, то из середины храма их пошло так много, что пересчитать все духовенство было невозможно. Я спросила видеооператора, где находилась комната убийства Царской семьи. Он ответил, что хорошо не знает, но, вероятно, под полом алтаря.

Что я могу сказать о себе? Какие чувства испытывала я, стоя в этом храме? Молилась ли я? Нет, молиться я не могла. Я только думала о том, что здесь, на этом месте, где я сейчас стою, ходил сам Император, что здесь сидел в инвалидном кресле больной Цесаревич, томились в тоске невинные девушки — Великие княжны и сама Императрица. Я волновалась и думала о них, об их переживаниях. Что они все испытывали тогда? Надеялись ли на спасение? Или же потеряли всякую надежду? А надежды ведь никакой для них тогда не было. Как во сне, стояла я; как во сне, подошла к святой чаше; как во сне, причастилась Святых Христовых Таин. А какую проповедь произнес известный в Екатеринбургском крае¹ священ-

¹ Я (Л. М.) называю «Екатеринбургский край». Я не хочу писать «Свердловская область», ведь Янкель Свердлов был палачом русско-

ник! Мне сказали, что он из Нижнего Тагила. Это не была проповедь — это был призыв к сердцу каждого стоящего здесь. Многие вытирали слезы от нахлынувших чувств и от раскаяния, что русский народ не смог защитить своего Царя.

Как я узнала позже, в храме тоже стояли некоторые с изображением дьявола-Распутина в руках. В ответ на это бесчинство в Интернете появилось заявление помощника архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Викентия — протоиерея Владимира Зязева¹. Я надеюсь, что его слово по Интернету читали многие, но все же хочу повторить вкратце смысл этого слова. Отец Владимир заявил, что он не видел в ночь с 16 на 17 июля в храме «икон» Распутина, но если бы он это заметил, то немедленно прекратил бы подобное безобразие. Отец Владимир назвал это «провокацией». Я вполне солидарна с мнением протоиерея Владимира в этом вопросе. Если бы не было Распутина, не было бы и революции в России. А этого сатану, конечно, проталкивают сейчас чуть ли не в святые известные всем лица и писатели. Они это делают с определенной целью, и это, вне сомнения, **ПРОВОКАЦИЯ**.

После окончания Божественной литургии состоялся крестный ход, но мы поспешили в обитель, чтобы немного отдохнуть и к десяти часам ехать к зловещей Ганиной яме, где, по мнению некоторых, и разрубили тела Царственных Мучеников и их служащих и сожгли их, а по мнению других, их тела были привезены к месту, называемому Пороosenков лог, и там захоронены².

Утром едем к Ганиной яме. По бокам проселочной дороги густо растут березы и сосны. Они такие высокие и прямые — вероятно, еще свидетели времен революции. На машине мы обгоняем паломников, которые идут пешком к Ганиной яме. В основном это женщины и дети.

Согласно записке палача Янкеля Юровского, чекисты нашли мелкую шахту, наполненную водой. Это и была Ганина

го народа и нашего Царя. Как же можно называть его мерзким именем Екатеринбургскую область?

¹ Екатеринбургская Интернет-газета «Соборность», 24 июля 2001 г.

² См. главу 21 настоящей книги.

яма. Раздев свои жертвы, палачи побросали их туда, где они пролежали около суток.

Когда мы подъехали к Ганиной яме, я увидела, что сейчас это неглубокий овраг. Внизу растут трава и полевые цветы. Букеты цветов лежат у оврага, и горят свечи. Перед ямой устроен деревянный помост с большим крестом и иконами. Слышится женское пение — заунывное, печальное. Это, вероятно, лента кассеты. Были ли это молитвы или какие-то песни, я не знаю. Чувствуется необычайная тишина вокруг. Я стояла перед крестом и плакала, и другие тоже вытирали слезы. Ведь здесь вместе с нашим Царем погибла и вся Россия. Если верить версии Н. А. Соколова, то здесь сожгли тела. Возле Ганиной ямы строятся мужской монастырь и пять или шесть церквей. Две из них уже почти готовы и сделаны из бревен местных деревьев — это храм в честь Царственных Мучеников и храм во имя святого Серафима Саровского.

В храме Царственных Страстотерпцев был отслужен молебен архиепископом Викентием, присутствовали и члены местного правительства, но никто из них ни разу не перекрестился. Мне было больно это видеть. Неужели никто из них не русский и не православный?

В нашей группе было несколько монахинь из Ново-Тихвинского монастыря во главе с матушкой-игуменией Любовью. После трапезы мы все на двух машинах поехали в только что открытый новый приют имени святой Великой Княгини Елизаветы. Там есть и церковь, тоже ее имени. Приют произвел на меня незабываемое впечатление: чистота, уют, все так благоустроено. Встретили нас прелестные маленькие девочки в белых платьицах, все прокричали хором: «Здравствуйте», и одна из них преподнесла мне букет цветов. Я была растрогана до слез, и это все благодаря моей книге о святой Великой княгине Елизавете. Очень милый батюшка, о. Фома, повел нас показывать все комнаты приюта и познакомил с симпатичным доктором и служащими приюта. Это учреждение находится в ведении Ново-Тихвинского монастыря и содержится на средства благотворителей. Девочки приюта — это дети родителей-алкоголиков, и если бы их не

взял приют, то детей ожидало бы страшное будущее. Родители их не кормили, а деньги, которые давало государство на детей, пропивали. Одна из девочек почти что умирала, но ее спасли. В приюте имеются комнаты для игр и даже устраиваются иногда концерты классической музыки для девочек, чтобы им привить любовь к классике. Их будут учить игре на фортепиано и на скрипке. Девочки очень любят матушку игумению Любовь и отца Фому. Они регулярно посещают церковные богослужения и часто причащаются. Очень светлое и приятное впечатление произвел на нас приют.

Потом мы все поехали к Поросенкову логу — туда, где, по версии ученых-исследователей, столько лет лежали наш Государь, его семья и их служащие.

Сейчас могила Стратотерпцев тщательно вычищена, вся земля была буквально просеяна, дно уложили камнями, засыпали землей и сверху положили доски, как бы напоминающие о шпалах, которыми чекисты придавили тела Мучеников. Рядом стоит крест. А. Н. Авдонин, который принимал участие в нахождении здесь останков Мучеников, и городская администрация хотят превратить это место в парк-мемориал. Но пока позиция Русской Церкви неизвестна, и поэтому Поросенков лог остается все тем же.

Когда мы были там, моросил дождь, сильный холод пронизывал все тело и тучи комаров жалили нас, а среди них и оводы, которые впивались в ноги даже сквозь чулки. Дороги в этом месте плохие, и страшная грусть охватывает душу человека при мысли, что здесь, в этой ужасной глуши, столько лет лежали останки Царственных Мучеников и их слуг. Одного хотелось тогда просить Стратотерпцев: простите русский народ, простите Россию. Подняла камушек с могилы и везу его домой, чтобы вставить в икону Государя.

Вечером в тот же день в Ново-Тихвинском монастыре была организована встреча с монашествующими: присутствовали монахини из нашего монастыря (их около ста), монахи из мужского монастыря и духовенство. Встреча состоялась в храме обители, и весь храм был заполнен, даже не хватило стульев, и некоторым пришлось стоять.

Эта встреча-беседа заключалась в вопросах монашествующих ко мне, как к автору двух книг о Царственных Мучениках. Основные вопросы были о Царской семье, о святой Великой княгине Елизавете Феодоровне и о дьяволе Распутине.

Один вопрос я хорошо запомнила, и он болью отозвался в моей душе. Этот вопрос задал мне молодой инок: «Почему нас, русских, Запад не любит?» Мне стало жаль его, и я попробовала разъяснить ему, что во всем мире идет борьба против Православия; как пример, привела НАТО и бомбежку Сербии. Я говорила, что Запад боится, что могущество России возродится и с новой силой возродится в ней Православие, а в Православии — великая сила, которая поведет Россию к единению, патриотизму и славе. Вот поэтому Запад так ненавидит Россию и русских и хочет уничтожить нашу Родину, хочет погубить нашу культуру и внедряет в умы русских их дьявольскую музыку, порнографию и нравственно развращает русский народ.

18 июля мы поехали в Алапаевск, где в Напольной школе содержались под стражей святая Великая княгиня Елизавета Феодоровна, ее келейница Варвара, Великий князь Сергей Михайлович, три сына поэта К. Р.: Иоанн, Константин и Игорь, князь Владимир Палей и секретарь Великого князя Сергея Михайловича Федор Ремез.

Город Алапаевск провинциальный и очень грязный, дороги запущены — видно, что никакого ремонта городских домов не производилось со времен революции. По улицам везде на электрических столбах и проводах висят эмблемы коммунизма: красные звезды, серп и молот. Основан Алапаевск в 1639 году и назван по имени татарского разбойника Алапая. Окрестности города весьма богаты железной рудой высокого качества.

Долго мы искали по грязным дорогам, где нам купить цветы. С большим трудом нашли у лотка, купили. Едем к Напольной школе. Сейчас здесь размещается школа, и никто из жителей города даже не знает, что в этом здании содержалась арестованная Великая княгиня Елизавета. Напольная школа — старое здание, не видевшее ремонта со дней революции,

расположена школа на улице Ленина. Какой парадокс! Он убил Великую княгиню, и его именем названа улица, где стоит эта школа. И никто из жителей города не протестует.

Когда мы были там, школа была заперта на время детских каникул, но нам удалось заглянуть в угловую комнату, где жила Великая княгиня. Комната большая и вся завалена в беспорядке разбросанными партами. На фасаде здания школы прикреплена надпись:

«В ЭТОМ ЗДАНИИ С МАЯ 1918 г. КРАСНОГВАРДЕЙЦЫ АЛАПАЕВСКА СОДЕРЖАЛИ ПОД СТРАЖЕЙ РОДСТВЕННИКОВ ПОСЛЕДНЕГО РУССКОГО ЦАРЯ, КАЗНЕННЫХ ПО ПРИГОВОРУ УРАЛСОВЕТА В ИЮЛЕ МЕСЯЦЕ».

Какая ложь! Какая казнь? Напиши, что их всех, алапаевских узников, кроме Великого князя Сергея Михайловича, сбросили живыми в заброшенную шахту. Сколько лет можно лгать? И сколько лет мимо этой лжи равнодушно проходит народ и читает эту надпись, и ни у кого не явится мысли, чтобы протестовать против этой гнусной надписи-лжи!

Недалеко стоит красивый Свято-Троицкий храм, куда ходили святая Великая княгиня Елизавета и другие узники. Храм прекрасный, и иконы замечательные, а при коммунистах в храме был хлебозавод. Иконы чудом сохранились. А рядом расположены два склепа, где временно стояли гробы алапаевских Мучеников, прежде чем их перевез в Пекин игумен Серафим. Склепы — это арочные каменные помещения, только недавно расчищенные от шлака, который сваливали туда коммунисты.

Едем к страшной шахте у Синячихи. Она находится в восемнадцати километрах от Алапаевска. Кругом сибирский лес — высокие деревья, кедры, ели... Подъезжаем. Здесь вместо шахты находится довольно широкое, но неглубокое углубление в виде воронки от снаряда. Это место и есть шахта, которая была в шестьдесят метров глубины (а по другим источникам, в сорок три метра). У меня вопрос к читателям, на который я не могла получить ответа от местных жителей:

каким образом коммунистам удалось засыпать такую глубокую шахту? Или был сделан внутри настил, а сверху уже насыпана земля? Ясно одно, что коммунисты старались скрыть следы своего зверского преступления. Но они его не скроют. Это останется веками, и все будут помнить злодеяния и Ленина, и Сталина, и их приспешников.

Я хотела спуститься в эту воронку, чтобы положить мои цветы на дно, но не могла: от дождя вся земля шахты была скользкой.

По краям этой зловещей ямы и на дне ее цвели полевые цветы. Я поцеловала мой букет цветов и бросила его вниз. Думаю, что святая Великая княгиня Елизавета приняла мою к ней любовь и молитвы.

Напротив этой ямы построена красивая часовня во имя святой Елизаветы Феодоровны, а внутри находится ее дивный образ в серебряной ризе. К этой иконе так тянется душа человека. Рядом идет строительство мужского монастыря. Храм уже закончен и освящался в день нашего приезда. Народу было очень много. В храме висит большая изумительная икона святого Мученика Цесаревича Алексея. В его глазах — и ласка, и скорбь, и всепрощение... После Божественной литургии состоялся крестный ход, который шел вокруг храма и проходил мимо шахты.

Едем обратно в Екатеринбург, и хочется опять когда-то вернуться в эти места. Проезжаем деревню, рядом стоит полуразрушенный храм Святителя Николая Чудотворца. Будут ли его восстанавливать? Никто не знает. Я заглянула внутрь — туда, где был когда-то алтарь. Там настоящая мерзость запустения и валяются нечистоты и пустые бутылки из под спиртного. Как печально все это! И одумается ли наконец русский народ? И покается ли он в своем грехе и царубийства, и пролития крови миллионов невинных людей, и в разрушении сатанистами России? Будущее покажет, но это будущее еще очень далеко.

ЛЮБОВЬ МИЛЛЕР.

Мельбурн, Австралия, декабрь 2001 г.

ДУХОВНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ЕЛИЗАВЕТЫ ФЕОДОРОВНЫ

29 июня 1914 г.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Тысяча девятьсот четырнадцатого года февраля двадцатого дня я, нижеподписавшаяся, находясь во здравом уме и твердой памяти изъявляю на случай моей смерти следующую мою волю:

1. С принадлежащими мне лично вещами я желаю, чтобы было поступлено так: 1) мои сестры Принцессы Виктория Баттенбергская и Принцесса Ирина Прусская и также мой брат Великий Герцог Гессенский Эрнст Людвиг могут оставить себе, что пожелают из всех моих вещей. Остальные вещи должны быть проданы, и деньги пойти в общее распределение капитала; 2) вещи мои, находящиеся в Сергиевском Дворце в Петербурге, в селе Ильинском и селе Усове Московской губернии Звенигородского уезда, я передала моему племяннику Великому князю Димитрию Павловичу; 3) мои иконы, находящиеся в Петропавловской церкви Николаевского Дворца в Москве и в коридоре второго этажа и на лестнице между этим Дворцом и Чудовым монастырем, прошу оставить навсегда на этих местах; 4) столовое белье, серебро, хрусталь и также фарфоровые сервизы с Вензелями Великого Князя Сергея Александровича, сверх того, что уже мною передано Великому Князю Димитрию Павловичу, прошу отдать ему; 5) вещи моего дворцового имущества, как-то: белье без вензелей, предметы ливрейной и конюшенной должностей и экипажи — прошу моих душеприказчиков продать и деньги причислить к капиталу; 6) все мои неценные вещи, как-то: картинки, фотографии, рамки, мелкие вещи и т. п. — прошу моих душеприказчиков раздать моим близким знакомым или сжечь; 7) всю мою переписку разобрать прошу состоящих при мне: Гофмейстеру Корнилову и в д. Егермейстеру Зурову и Свиты Его Величества генерал-майору Гадону. Переписку

с духовными лицами прошу передать в мою обитель и прошу духовника обители ее просмотреть и исключить все слишком интимные места, касающиеся меня и разных лиц; остальное разрешаю обители издать через несколько лет — для духовного руководства. Переписку с родственниками моими и другими лицами прошу отдать моему брату и старшей сестре, за исключением писем, касающихся событий в России, хранение коих за границей будет признано нежелательным; такие письма передать на усмотрение Государя Императора.

II. На седьмое декабря тысяча девятьсот тринадцатого года по книгам Конторы моего Двора числилось в капиталах и недвижимом имуществе нижеследующее: А. Капиталы, состоявшие из процентных бумаг на номинальную сумму: в залог в Главном Управлении Делами по ссуде — двести пятьдесят тысяч рублей; из них внесены в декабре 1913 года в Главное Управление Делами для получения ссуды сто тридцать пять тысяч восемьсот рублей, а остальные сто четырнадцать тысяч двести рублей хранятся постоянно в Главном Управлении Делами как «дар Государя Императора ко дню моей свадьбы в 1884 году» — я имею право последний капитал после погашения ссуды завещать, согласно письма и. д. Начальника Главного Управления Делами к графу Менгдену от 29 мая 1907 года за № 9662; затем в Московской конторе Государственного банка двадцать пять тысяч семьсот двадцать рублей и в Гвардейском Экономическом Обществе восемьсот шестьдесят рублей. Б. Земли две тысячи девятьсот шестьдесят четыре и две сотни квадратных сажени с церковью, мною построенной, часовнями, со всеми жилыми домами и прочими хозяйственными постройками, а также с садом, находящейся в Москве, Якиманской части, по Большой Ордынке под № 306, 307 / 296, 297, купленной мною 24 мая 1907 года у потомственного почетного гражданина Владимира Дмитриевича Бабурина. В. Земли около семисот пятидесяти шести квадратных сажень с жилым домом, хозяйственной постройкой и садом, находящейся в Москве, Якиманской части, первого участка по Денежному переулку под № 290 / 325, купленной у крестьян Василия и Пелагеи Хвостовых 29 ноября 1908 года.

Г. Земли пятьсот квадратных сажень, находящейся в Москве, Якиманской части, первого участка по Денежному переулку, купленной мною у Потомственного Почетного Гражданина Николая Дружинина седьмого июня 1913 года. Д. Земли в Московской губернии Волоколамского уезда при селце Власове шесть десятин пятьсот пятьдесят три квадратных сажень с жилыми и нежилыми постройками и мебелью, принесенной мне в дар вдовой Действительного Статского Советника Екатериной Николаевной Самариной 19 ноября 1910 года и проданной мною жене Статского Советника Анне Степановне Вериго за шестнадцать тысяч рублей; в обеспечение этой продажи я получила задатка две тысячи рублей, в чем выдана задаточная расписка 2 декабря 1913 года. Все вышеозначенные капиталы и недвижимые имущества я завещаю следующим образом: *капиталы* в зависимости от их наличности ко дню моей смерти в указываемой ниже последовательности: а) имея сердечное желание обеспечить содержание церкви-усыпальницы, мною построенной в нижнем этаже Московского кафедрального Чудова монастыря, где погребен в Бозе почивший мой супруг Великий Князь Сергей Александрович, я завещаю капиталом в двадцать пять тысяч рублей процентными бумагами по выбору моих душеприказчиков, который прошу передать на вечные времена Московскому Дворцовому Управлению, согласно Высочайше одобренному положению 2 ноября 1912 года о содержании Усыпальницы в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича — храма во имя Преподобного Сергия Радонежского, Чудотворца. На неугасимую лампаду у памятника-Креста в Кремле г. Москвы, у Никольских ворот, бывший Московский Митрополит Владимир пожертвовал капитал в триста рублей, хранящийся в Конторе моего Двора, который должен быть передан Московскому Дворцовому Управлению. В устройстве храма-усыпальницы прошу ничего не менять и не прибавлять; б) для выдачи единовременных пособий моим низшим служащим и прислуге, не выслужившим пенсий, назначаю капитал в процентных бумагах, который при продаже составил бы тридцать тысяч (30 000 р.) рублей наличными деньгами; распределение этой

суммы в зависимости от числа лет службы поручаю совещанию под председательством Управляющего моим Двором в составе Управляющего Конторою Двора и моего Секретаря, заведующего прошениями; в) назначаю моей племяннице Принцессе Алисе Греческой или ее детям (а в случае смерти их — ее мужу) тридцать тысяч рублей процентными бумагами по номинальной стоимости по выбору моих душеприказчиков; г) учрежденной мною Марфо-Мариинской обители Милосердия в Москве завещаю в полную собственность весь остаток процентных бумаг и наличных денег, указанные выше четыре *недвижимых имущества* со всем движимым имуществом, находящимся в них, и закладную на шестьдесят одну тысячу восемьсот рублей на недвижимое жилье, состоящее в Киевской губернии, в черте города Бердичева, принадлежащее Гофмейстеру Двора Его Императорского Величества Аркадию Петровичу Корнилову, утвержденную и. д. Старшего Нотариуса Киевского Окружного Суда 10 декабря 1913 года по реестру за № 11184.

III. Все оставшиеся ко дню моей кончины наличные деньги и процентные бумаги в Конторе моего Двора прошу употребить следующим образом: а) уплатить все неоплаченные счета и расчеты, жалованье и прочее, следуемое по день моей смерти; б) весь затем остаток прошу присоединить к капиталу (§ II); в) прошу хранящиеся в настоящее время в Конторе Двора моего процентные бумаги и наличные деньги, мне не принадлежащие, как-то: залоги и прочее — передать немедленно по принадлежности.

IV. Все чины моего Двора, Конторы и вся прислуга, служившие при Дворе Великого Князя Сергея Александровича, продолжавшие и продолжающие службу у меня после 4 февраля 1905 года обеспечены мною пенсиями, согласно «Положению о пенсиях», мною утвержденному 12 августа 1906 года с окончательными к оному дополнениями и изменениями, утвержденными мною 29 мая 1908 года и 7 марта 1909 года. Пенсии эти выдаются из особого капитала на сей предмет с Высочайшего соизволения отложенного. Согласно сему «Положению о пенсиях», в случае упразднения Конторы моего Двора все суммы этого капитала прошу хранить

в Государственном банке и передать в заведование одного из установлений Министерства Императорского Двора управления капиталами и выдачу пенсий согласно указанному выше «Положению».

V. Мое недвижимое имущество в Москве и часть моего капитала образовались следующим образом: а) я продала мои личные драгоценные вещи (кроме тех, кои я уже раздала родным в России и за границей), за которые я получила 290 324 рубля; сверх того я продала через брата моего и лично вещей на сумму свыше тридцати тысяч рублей и б) согласно Высочайшему разрешению, изложенному в письме Министра Императорского Двора от 28 мая 1905 года за № 4344, я вложила капитал, полученный от продажи имения Веры Николаевны Родзянко Полтавской губернии, близ города Хорола, завещанного ею моему покойному мужу на дела благотворения. Ввиду того что моя Марфо-Мариинская обитель предназначена исключительно для благотворения, я употребила эти деньги на мою обитель; этот капитал числился по книгам Конторы моего Двора на 27 июля 1907 года в сумме 125 059 р. 96 к. На вышеозначенные (а и б) деньги я купила три имущества (§ II) в Москве за 368 000 рублей, построила церковь и помещения и оставляю еще капитал.

VI. По Указу Святейшего Синода Марфо-Мариинская обитель Милосердия вполне принята Церковью, а потому не может быть речи о ее закрытии. В случае недостатка средств обитель должна употребить все усилия, чтобы изыскать новые средства на поддержание учреждений обители. Если пожертвования не будут поступать в достаточном количестве, то обитель должна по возможности сократить размеры своих учреждений и расход на содержание их, соразмеряя с доходами обители. Во всяком случае я ставлю в неперемнное условие обители: а) содержать церковь обители с причтом; б) содержать скит при обители, если таковой мною будет при жизни устроен; в) содержать пожизненно: настоятеля церкви обители Митрофана Сребрянского, его жену, диакона церкви обители Михаила Сытника и сестер обители, главным образом тех, которые останутся в обители ко дню моей кончины.

VII. Целью моей жизни — окончательно устроить обитель Милосердия и скит при ней, а затем собственными деньгами накапливать капитал, чтобы содержать мою обитель на тот случай, если доброхотные пожертвования не будут для сего достаточны.

VIII. Все капиталы, суммы и вещи, до сего переданные и могущие быть и впредь переданными мною или Конторою моего Двора при жизни моей в Марфо-Мариинскую обитель Милосердия, должны оставаться в пользу этой обители. Всякое движимое и недвижимое имущество, а также процентные бумаги и деньги, которые могут быть пожертвованы или завещаны на мое имя, оставляю после моей смерти в пользу моей Марфо-Мариинской обители Милосердия в Москве.

IX. Желая что-либо сделать для города Москвы, я устроила с Божьей помощью мою обитель Милосердия с утвержденным Святейшим Синодом уставом и чином посвящения.

X. Прошу меня похоронить в склепе под ныне построенной мною церковью во имя Покрова Пресвятой Богородицы в моем владении на Большой Ордынке в Москве при моей обители Милосердия на месте, указанном мною для настоятельницы обители, опустив мой гроб в самый низ, в землю. Прошу похоронить меня в белой одежде Настоятельницы обители; в случае если я буду пострижена и жить в скиту и там умру, то похоронить меня все-таки в моей обители в Москве, на указанном выше месте, но в монашеской одежде. Прежде чем хоронить меня, прошу вполне удостовериться в действительности наступившей смерти (ввиду могущей быть летаргии). После моей кончины прошу меня не бальзамировать, а только заморозить и положить в простой деревянный гроб. Омовение тела прошу поручить сестрам моей Марфо-Мариинской обители Милосердия. После положения в гроб прошу лицо мое, если возможно, иметь закрытым простой густой кисеей. В случае, если умру за границей или вне Москвы, прошу положить в гроб, закрыть его совсем, перевезти в Москву и похоронить (не открывая гроба) там, где мною выше сего указано. Отпевание совершить там, где я скончаюсь. Прошу моих душеприказчиков предупредить всех, что я очень прошу не возлагать венков на мой гроб и на

мою могилу — лучше, если предназначенные на покупку венков деньги будут пожертвованы в мою обитель Милосердия. Если все-таки венки окажутся, прошу металлические раздать в приюты, а серебряные обратить в слитки, из коих сделать ризы на образа, церковные сосуды с надписями лиц и учреждений, возложивших эти венки, и передать их в церковь моей обители или в скит при моей обители.

XI. Для исполнения настоящего моего духовного завещания прошу быть моими душеприказчиками моего брата и мою старшую сестру, которых прошу пригласить к себе в помощь одного или двух из состоящих или состоявших при мне на службе близких лиц по их усмотрению.

XII. В Конторе моего Двора будет храниться копия с сего моего духовного завещания. При этой копии будут находиться разные бумаги, имеющие отношение к сему моему духовному завещанию.

XIII. Драгоценные вещи, принадлежавшие в Бозе почившей Императрице Марии Александровне и бывшие у Великого Князя Сергея Александровича, возвращены мною, как *fidei-commis*, Великим Князьям Алексею и Павлу Александровичам. Согласно письму Великого Князя Сергея Александровича к Великому Князю Павлу Александровичу, принятому с Высочайшего разрешения за духовное завещание, Великая Княжна Мария Павловна (ныне Принцесса Шведская) получит после моей смерти капитал в Бозе почившего Великого Князя Сергея Александровича, хранящийся ныне в Главном Управлении Делами и в Московской Конторе Государственного банка, а сверх того я уже выдала Ей на постройку дворца в Стокгольме 275 000 рублей процентными бумагами из пожизненного капитала. В Бозе почивший Великий Князь Сергей Александрович выражал желание, чтобы Великий Князь Димитрий Павлович и Великая Княжна Мария Павловна получили от Него состояние по возможности поровну. Согласно Его желанию и с одобрения Государя Императора Великий Князь Димитрий Павлович имеет получить после моей кончины в собственность Сергиевский Дворец с его движимым имуществом, служебный дом при нем (в Петербурге) и Ильинско-Соколоваровскую-

Луцкую дачу (в Московской губернии при с. Ильинском). Сергиевский дворец я передала ему в пользование 6 сентября 1911 года, а Ильинско-Соколоваровскую-Луцкую дачу — в 1908 году одновременно с имением «Село Ильинское».

XIV. Для руководства Марфо-Мариинской обители Милосердия я оставляю особое наставление, копия с коего будет храниться в запечатанном конверте в Конторе моего Двора.

XV. Прошу Его Императорское Величество поручить Министерству Императорского Двора озаботиться устройством служебного положения моих служащих при Дворе и Конторе и прислуги и по возможности устроить их на места.

XVI. Этим моим духовным завещанием все мои прежние духовные завещания уничтожаются.

В сем духовном завещании написано десять страниц и пятнадцать строк. В сем завещании исправлено: на 5-й странице 19-й строки надписано: по номинальной цене, на 8-й странице 8-й строки сверху приписано «р», а на 28-й строке приписано «в». Со слов Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны писал и. о. Заведующего Ее Двором Гофмейстер Высочайшего Двора Аркадий Петрович Корнилов.

Елисавета

Вера Ивановна Иванова.

В д. Егермейстера Двора Его Императорского Величества состоящий при Великой Княгине Елисавете Феодоровне Александр Алексеевич Зуров.

В зв. Камер-юнкера Двора Его Императорского Величества — Василий Евгеньевич Пигарев.

СПИСОК ПОМЕЩЕННЫХ В КНИГЕ ПИСЕМ

Великой княгини Елизаветы Феодоровны королеве английской Виктории, хранящихся в Королевском архиве Виндзорского дворца (письма на англ. яз.):

<i>Откуда отправлено</i>	<i>Число отправления</i>
Дармштадт.	21 авг. 1883 г.
Дармштадт.	29 авг. 1883 г.
Дармштадт.	21 дек. 1883 г.
.....	1883 г., к празднованию Рождества Христова
Дармштадт.	15 марта 1884 г.
Петергоф.	9 мая 1884 г.
Дармштадт.	24 мая 1884 г.
Петергоф.	13 июня 1884 г.
Москва.	25 июня 1884 г.
Ильинское.	3 июля 1884 г.
Петергоф.	6 августа 1884 г.
Ильинское.	30 сентября/11 октября 1885 г.
Гатчина.	6 ноября 1884 г.
Гатчина.	21 ноября 1884 г.
Петербург.	14 декабря 1884 г.
Ливадия.	2/14 мая 1886 г.
Ильинское.	7/19 мая 1887 г.
.....	1 июля 1887 г.
Иерусалим.	3/15 октября 1888 г.
Ильинское.	10/22 мая 1890 г.
Ильинское.	11/23 октября 1890 г.
Петербург.	7/19 февраля 1891 г.
Петербург.	24 октября /4 ноября 1891 г.
Петербург.	Июль 1892 г.
Москва.	12 февраля 1893 г.
Москва.	8/20 декабря 1893 г.
Москва.	8/20 ноября 1893 г.
Ильинское.	3 августа 1894 г.
Ливадия.	24 октября /5 ноября 1894 г.
Петербург.	5/17 ноября 1894 г.
Петербург.	19 ноября /1 декабря 1894 г.
Царское Село.	31 октября /12 ноября 1895 г.
Москва.	9/12 декабря 1895 г.
Петербург.	8/20 декабря 1894 г.
Москва.	3/15 ноября 1896 г.

Письма, хранящиеся в Великогерцогском
Гессенском архиве города Дармштадта:

<i>Автор письма</i>	<i>откуда отправлено</i>	<i>Число отправления</i>	
Вел. княгиня Елизавета	Ильинское	6 июля 1884 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Ильинское	11 июля 1884 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Гатчина	10 ноября 1884 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Петербург	1 января 1891 г.	На англ. яз.
Вел. герцог Людвиг,	Дармштадт	14 января 1891 г.	На нем. яз.
Вел. княгиня Елизавета		14/26 января 1891 г.	На нем. яз.

Приписки Великой княгини Елизаветы Феодоровны на полях изложения протопресвитера Иоанна Янышева: "Пункты различия между Православием и Протестантским вероисповеданием" (приписки на англ. яз.)

Вел. княгиня Елизавета	Петербург	11/23 января 1891 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Петербург	8/20 марта 1891 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Москва	26 ноября /9 декабря 1893 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Москва	19 ноября /2 декабря 1905 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	почтовая откр.	1905-1906 гг.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета		1908 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета		март/апрель 1908 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	Москва	1910 г.	На англ. яз.
Вел. княгиня Елизавета	почтовая откр.	1911 г.	На англ. яз.

Принцесса Виктория с припиской Ирены		12 ноября 1920 г.	Письмо принцессы написано частично на англ., частично на нем. яз.
--	--	-------------------	---

Принцесса Виктория		31 декабря 1920 г.	На англ. яз.
Принцесса Виктория,	Порт Саид	27 января 1921 г.	На англ. яз.
Принцесса Виктория,	отель "Рояль" Рим	21 февраля 1921 г.	На англ. яз.

Нонна Грэйтон, Гоф-дама принцессы Виктории			На англ. яз.
--	--	--	--------------

Перевод писем с английского на русский — Любови Миллер.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Архиепископ Анастасий. «Светлой памяти Великой княгини Елизаветы Феодоровны». Иерусалим. Типография Греческого православного монастыря, 1925.
2. Великий князь Александр Михайлович. «Книга воспоминаний». Париж. Изд. «Лев».
3. Н. И. Бучинский «Житие Святителя Николая, Архиепископа Мир Ликийских, Чудотворца». Paris. P. I. U. F. 3 rue du Sabot, 1969.
4. Великий князь Гавриил Константинович. «В Мраморном дворце. Из хроники нашей семьи». Нью-Йорк, США. Изд. имени Чехова, 1955.
5. В. Гиляровский. «Москва и москвичи». Москва. Изд. «Московский рабочий», 1983.
6. «Марфо-Мариинская обитель Милосердия». Москва. Синодальная типография, 1914.
7. «Матушка Фамарь», из воспоминаний о матушке схиигумении Фамари монахини Серафимы. New York, USA. Published by R. B. R. Inc.
8. М. В. Нестеров. «Воспоминания». Изд. «Советский художник». Москва, 1989.
9. Протопресвитер М. Польский «Новые мученики Российские». Джорданвилль, США. Изд. Свято-Троицкого монастыря, 1949. Том 1.
10. «Разрушенные и оскверненные храмы». Франкфурт-на-Майне. Изд. «Посев», 1980.
11. Игумен Серафим. «Мученики христианского долга». Пекин. Русская типография при Духовной Миссии, 1920.
12. Монастырь св. Равноапостольной Марии Магдалины. «Рассказ о ковчеге», Иерусалим, 2004. С. 30—32.

13. Н. Соколов. «Убийство Царской семьи». Буэнос-Айрес. Изд. «El Verbo Ruso», 1978.
14. Архимандрит Симеон. «Схиархимандрит Гавриил, старец Спасо-Елеазаровой пустыни». Jordanville, New York, USA. Типография преп. Иова Почаевского, 1964.
15. Сборник памяти Великого князя Константина Константиновича, поэта К. Р. Париж. Изд. Совета общекадетских объединений за рубежом, 1962.
16. Аарон Симанович. «Распутин и евреи». Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига. Изд. «Историческая библиотека». Переиздана «Просвещением». Тель-Авив, Израиль.
17. «Слова иже во святых отца нашего Иоанна, Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского». Сост. протоиерей Петр Перекрестов. Сан-Франциско, США. Изд. «Русский пастырь», 1994.
18. «Третьи Романовские чтения». Под ред. А. Н. Авдониной и др. Екатеринбург. Издательский дом «ЯВА», 1999.
19. А. Трофимов. «Святая Преподобномученица Елизавета». Житие, акафист. Москва. Изд. «Русский хронограф».
20. Countess Alexandra Olsoufieff. «H. R. H. The Grand Duchess Elisabeth Feodorovna of Russia». London. John Murray, 1922.
21. E. M. Almedingen. «An Unbroken Unity». A Memoir of Grand-Duchess Serge of Russia 1864—1918. London. The Bodley Head Ltd, 10 Earlham st., 1964.
22. Captain Paul Bulygin. «The murder of the Romanovs». London. Hutchinson and Co. Ltd., 1935.
23. «Education of a Princess» by Marie, Grand Duchess. New York. Viking Press, 1931.
24. Stephen Graham. «Part of the wonderful scene», an autobiography, Collins, London. St. James's Place, 1964.
25. Stephen Graham. «The way of Martha and the way of Mary». London. Macmillan and Co, St. Martin's st., 1916.
26. Golo Mann. «Erinnertes». Darmstadt. Eduard Roether Verlag. 1983.

27. M. Paleologue. «An Ambassador's memoirs». London, Hutchinson & Co, 1923.
28. M. Paleologue. «Aux portes du jugement dernier», Elisabeth-Feodorowna, Grande-Duchesse de Russie. Paris. Librairie Plon, 1940.
29. «A Princess in exile» by Mari, Grand Duchess of Russia, Cassell and Co Ltd., USA, 1932.
30. Разные журналы и отдельные статьи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе	5
Предисловие	10
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	28
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	74
Глава 7	88
Глава 8	104
Глава 9	115
Глава 10	130
Глава 11	137
Глава 12	162
Глава 13	173
Глава 14	184
Глава 15	205
Глава 16	217
Глава 17	230
Глава 18	240
Глава 19	252
Глава 20	261

Глава 21	272
Глава 22	287
Заключение	310
Приложение	323
Духовное завещание Ее Императорского Высочества Великой княгини Елизаветы Феодоровны.....	337
Список помещенных в книге писем.....	345
Библиография.....	347

Любовь Миллер

**Святая мученица Российская Великая княгиня
ЕЛИЗАВЕТА ФЕОДОРОВНА**

Оформление
Светлана Егорова

Корректор
Светлана Воинова

Компьютерная верстка, макет
Екатерина Белогорцева

Любовь Миллер.
MRS. LUBOV MILLAR
339 A GLEN EIRA ROAD
CAULFIELD, VICTORIA
AUSTRALIA, 3162

Подписано в печать 18.06.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Гарнитура «Ньютон».
Объем 11 п. л. Тираж 5000 экз. Заказ 4833

Адрес издательства: 111141, г. Москва, ул. Плеханова, 15.

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

2200

Святая мученица Евдокия

Дщеря Феодорова